

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

АПРЕЛЬ 1999

ИЯР 5759

№ 4 (84)

БЕСЕДЫ О КНИГЕ



Шмини: вне рамок "мира лжи"

Глава "Шмини" начинается с рассказа о восьмом дне первой службы в Шатре Откровения. В этот, восьмой, день жертвенник был освящен и Б-жественное присутствие впервые расположилось в Шатре. Еврейская традиция выделяет число восемь как символизирующее выход за границы природы. Если "семь" символизирует природу, миропорядок — ведь именно семь дней Всевышний Творил мир, — то "восемь" являет собой выход из семи дней Творения, из законов природы, окружающего нас мира.

В этой главе представлены также законы о чистых и нечистых животных. Почему же именно она, названная "Шмини", повествует о столь обыденных вещах, о том, "чтобы могли вы отличить... нечистое от чистого" (Ваикра, 10:10).

Слова "..отличать нечистое от чистого" Раши комментирует так, что их следует понимать как необходимость делать различия в очень тонких вопросах. Например, в законах шхиты, ритуального убоя скота, имеет значение даже минимальное движение ножа, незаметное никому, кроме шойхета. В этой процедуре есть тысячи принципиально важных деталей. Вот почему Тора предписывает нам "отличать нечистое от чистого". Чтобы справиться с этой задачей, требуется помощь Небес.

Проблема появляется и в других ситуациях, в которые попадает человек. Мир не состоит из двух цветов — черного и белого. Большинство из нас не станет сознательно совершать явно подлые поступки, лгать, воровать или убивать. На это способны лишь откровенно криминальные личности. Но разве только они и есть те самые "плохие люди"? Неужели только преступники нарушают законы общества? Да ведь не каждое подлое действие преследуется законом, не за любой дурной поступок человек может быть предан суду. Можем ли мы, положив руку на сердце, сказать, что никогда не шли на сделки с собственной совестью, что нам не в чем себя упрекнуть? Вероятно, так может утверждать лишь самоуверенный и не очень умный человек. Законы человеческих взаимоотношений не укладываются в уголовный кодекс. У нас не возникает вопрос, можно ли нарушить заповедь Торы, — мы не станем это делать ни при каких обстоятельствах. Но если речь идет о спорных, сомнительных поступках, человеку значительно труднее их и оценить, и предотвратить. Зачастую ему даже удается убедить себя в том, что так не только можно, но и должно поступать.

Тут-то и следует обратиться к главе Торы "Шмини". Вероятность и даже неизбежность совершения дурных поступков мы можем представить себе, находясь в рамках природы, в "мире лжи", как назван наш мир в книгах каббалы. И только

поднимаясь на более высокий уровень, находящийся вне рамок этого мира, мы сумеем без каких-либо сомнений отвергнуть всякую возможность поступать недостойно.



Тазриа: две противоположности

В предыдущих главах книги Ваикра речь идет о законах, связанных с различными животными, о том, какие из них являются "чистыми", разрешенными к употреблению в пищу, а какие — нет, какие жертвы следует приносить в Храме. Глава Тазриа рассказывает о законах, связанных с человеком, о состоянии его ритуальной нечистоты и как от нее очищаться. Мудрецы по этому поводу заметили: "Как человек был создан после животных, так и законы о нем следуют после законов о животных".

Талмуд и Мидраш объясняют, почему же человек создан после всех животных. По одному из объяснений, это было необходимо, чтобы мир мог подготовиться к жизни человека. По другому, если человек позволит себе поступать дурно, ему уместно будет вспомнить: "Комар был раньше тебя, червь был раньше тебя".

Оба объяснения указывают на два противоположных аспекта сущности человека. С одной стороны, он — "царь природы", это для него Всевышний приготовил флору и фауну, с другой — всё, что его окружает, появилось до него.

Первый комментарий, отмечающий преимущество человека, основан на роли души, второй, указывающий на первенство всех других созданий, ориентирован на тело.

Присутствие души, являющейся частицей Б-жественного, определяет положение человека на самом высоком уровне в мире. Эта та его часть, которая абсолютно неотделима от Творца, и даже природная греховность человека не в силах оторвать его от святого источника. Что же касается тела человека, то на этом уровне он не превосходит даже комара. Все другие творения Всевышнего выполняют свое предназначение в полном соответствии с тем, для чего они были созданы. И лишь человек способен воспротивиться воле Творца.

Потенциальная возможность человека опуститься ниже всех созданий Б-га является причиной того, что законы о нечистоте человека рассматриваются Торой после законов о животных. Как известно, Тора исследует относительно легкие законы перед более тяжелыми. Поскольку Всевышнему "легче" править миром животных и растений,

чем человеком, Тора разбирает в первую очередь "легкий" вопрос, законы о животных, и только после этого переходит к "трудному" вопросу, законам о человеке.

Противоположные аспекты сущности человека объясняют, почему же самые совершенные создания, люди, ведут себя нередко хуже хищников в джунглях, почему так часто отношения между животными строятся на более справедливой основе, чем между людьми. Как может случиться, что эти две противоположности, интеллектуальное превосходство, присутствие Б-жественной души, и измененность поведения способны уживаться вместе?

Верно, что в материальном плане человек не совершенен, даже по сравнению с животными. Но именно в этом заложена цель создания: Всевышний хотел, чтобы чистая душа оделась в измененное тело человека и смогла поднять его на свой высокий уровень.

Мецора: человеку нужны чудеса

Эта глава подробно рассказывает о проказах, поражающих человека, его одежду и дом. Рамбам утверждает, что эти проказы — "знаком удивительным были в Израиле, чтобы уберечь от злословия".

Это наказание было многоступенчатым. Сначала "изменялись стены дома... если продолжал грешить... изменялись все изделия из кожи в доме". Следующим этапом была порча на вещах злословившего. Если и этого оказывалось недостаточно, проказа поражала его тело.

Этот порядок призван был убедить человека, что все это не случайно, что Всевышний дает ему знаки, предлагает обратить особое внимание на свое поведение. Кто хотел, мог искать естественные причины происходящего, ведь в конце концов все происходило в рамках природы.

У евреев, которых называют "верующие, сыны верующих", не возникает сомнений. Они понимают, что ничего случайного не бывает, что и за вполне естественными событиями стоит рука Б-жья.

Но у человека всегда остается свобода выбора, он может посвятить свою жизнь поискам естественных причин даже для очевидно чудесных вещей, выходящих за рамки природы, искать им объяснение.

Многие склонны видеть Б-жественное участие во всем положительном, что происходит вокруг, но этого недостаточно. Следует учесть, что и в видимом зле проявляется воля Творца, но от Него не может происходить ничего плохого. Это значит, что в неприятности также заложено добро. Всем, что

Б-г делает для нас, Он дает знак нам. Вера в это непременно приведет нас к жизни, полной смысла.



Ахарей: не искать выгоды

Глава начинается со слов: "И говорил Б-г, обращаясь к Моше после смерти двух сыновей Аарона, когда они предстали пред Б-гом и умерли" (Ваикра, 16:1). Что же произошло с сыновьями Аарона Надавом и Авигу? Они погибли, попытавшись принести воскурение в Святая Святых, туда, куда разрешается войти лишь первосвященнику только в Йом Кипур.

Надав и Авигу были истинными праведниками, не случайно говорит о них Моше Аарону: "Вижу я, что более велики они, чем я и ты". Однако они совершили ошибку, выступили против воли Б-га, приблизились к уровню святости, который человеку недоступен. Творец хочет, чтобы душа пребывала именно в этом мире.

Сыновья Аарона символизируют "отрицательное" самопожертвование. Они могли себе представить, чем закончится его изъявление, но их влекла запрещенная святость, и они не могли совладать с собой, даже готовы были уйти из этого мира после того как поднимутся на эту ступень, увидят Б-жественный свет. Очевидно, что человек должен отказаться от подвижничества, которое не соответствует воле Творца.

Талмуд повествует: "Четверо вошли в Пардес (сад познания)... Бен-Азай взглянул и умер... Рабби Акива вошел с миром и вышел с миром". Пардес — это уровни мудрости Всевышнего. Испытание вхождения в него и соответственно приближения к сущности Б-га требует больших душевных сил. Случившееся с Бен-Азаем аналогично происшедшему с сыновьями Аарона: приближение оказалось для него чрезмерным, невыносимым. Он не смог выдержать своего огромного желания приблизиться к Б-жественному свету и умер. Что касается рабби Акивы, то он "вошел с миром и вышел с миром".

Таким образом, Бен-Азай и рабби Акива по-разному выдержали испытание Пардесом.

Именно потому, что рабби Акива вошел с миром, ему удалось и выйти с миром. Входя в Пардес, он видел одну цель — исполнять Высшую волю. Им двигало вовсе не любопытство, не интерес, даже не жажда святости, не желание стать очевидцем Б-жественного света. Он стремился лишь выполнить волю Творца. Благодаря этому, с помощью такого подхода, он смог, подойдя к опасной границе, за которой находилось уже недозволенное Всевышним, не перейти ее, а "выйти с миром".

Но есть еще более высокая ступень, чем та, на которой пребывал рабби Акива, — ступень нашего праотца Авраама. Рабби Акива, для которого единственной целью было исполнение воли Всевышнего, готов был ради этого на самопожертвование. Перед тем как умереть на костре римлян, он сказал своим ученикам: "Все дни свои я мучился, (думая), когда же смогу поступить так?"

Для Авраама не существовало ничего, кроме воли Творца, даже возможности погибнуть ради Него. Если для этого требовалось самопожертвование, он не уклонялся от него, но и не искал его.

Такая позиция должна служить для нас образцом. При исполнении воли Творца не следует искать для себя каких-либо выгод, даже самых праведных. Ее надо исполнять — и все! Это самодостаточный процесс. Все косвенные аспекты могут только помешать результату.



Кдошим: единая линия трех приказов

В Торе все взаимосвязано. В этой главе одна за другой представлены три заповеди: "Святы будьте...", "Бойтесь каждый матери своей и отца своего", "Субботы Мои соблюдайте...".

Первая из этих заповедей указывает на то, что нам не следует уподобляться в своих морально-нравственных нормах другим народам. В нашей истории нас часто окружали культуры и цивилизации, законы которых совершенно отличались от наших. То, что для них было доблестью, наша традиция считала грехом. Но не только от этого нас призывает удалиться Тора. Речь идет о более глобальном, о другой системе ценностей.

Эта заповедь имеет отношение не только и не столько к "религиозной" области жизни человека. Любой человек, независимо от веры, национальности, принципов, ест, пьет, трудится, чтобы заработать деньги. Казалось бы, эти стороны жизни совершенно "интернациональны". О них и говорит Тора: "Святы будьте" — впусите святость и в эти стороны вашей жизни. Вы должны вести себя так, чтобы и за повседневными заботами было видно, что Б-г даровал нам Тору.

Продолжением этой линии является следующая заповедь: "Бойтесь каждый матери своей и отца своего". Основы системы ценностей иудаизма необходимо передавать

из поколения в поколение. Человек не вправе довольствоваться тем, что он сам "свят", ему надо побеспокоиться о том, чтобы и дети его шли по этому пути.

Третья заповедь, "Субботы Мои соблюдайте", довершает картину. Она дает нам инструмент, с помощью которого мы можем обеспечить пребывание святости в своей жизни и дать надлежащее воспитание своим детям. Суббота еженедельно напоминает нам, кто мы, позволяет передать нашим детям то, что дорого нам. Именно об этом сказали еврейские мудрецы: "Не только евреи хранили Субботу, но и Суббота хранила евреев".



ИЯР

"Месяц сияния"

Ияр — вавилонское название месяца, о котором в Торе говорится просто как о втором, непосредственно следующем за первым из месяцев года Нисаном. В Танахе он назван "Месяцем Зив" — "месяцем сияния", ибо в нем солнце начинает светить в полную силу, но не обжигает, как летом, а в классическом, освященном еврейской традицией арамейском переводе Танаха — "Месяцем почек" (бутонов). В этом месяце евреи, вышедшие из Египта, обрели свое истинное величие (сияние), избавившись от своих пороков и недостатков, став достойными принять Тору.

Месяцу Ияру соответствует созвездие Тельца (на иврите — Быка), травоядного животного. В Эрец Исраэль Ияр — последний месяц в году, когда бык может досыта наестся травы в поле.

В еврейских книгах рассказывается, что в Ияре больные излечиваются легче, чем во все другие месяцы, именно в Ияре начал выпадать ман, названный "хлебом сильных", который не вызывал никаких болезней. С тех пор Ияр сохранил целебное свойство. Намек на это свойство содержится в самом названии месяца: буквы его соответствуют первым буквам слов: "Я — Г-сподь, излечивающий тебя".

Новомесячье Ияра

Новомесячье Ияра всегда продолжается два дня, поскольку предшествующий месяц Нисан является полным, содержащим 30 дней. Сам Ияр — месяц неполный, он продолжается 29 дней.

В год Исхода из Египта новомесячье Ияра выпало на субботу. Израиль находился тогда в Маре, где Всевышний совершил для него чудо превращения горькой воды в обычную питьевую. По Его указанию Моше бросил в горькую воду кусок горького дерева, и от этого вода перестала быть горькой. Тогда евреи узнали, что горечь не бывает горькой, а сладость — сладкой сама по себе, но только по воле Всевышнего, который определяет все свойства предметов. Он, придавший приятный вкус пресной воде, может легко превратить горькую воду в питьевую.

В Торе сказано: "...Там установил Он ему [Израилю] закон и правосудие, и там испытал его" (Шмойс, 15:25). В тот самый день, когда было совершено чудо в Маре, Всевышний открыл Израилю части Торы, в которых излагаются законы субботы, законы о "Красной телице", законы гражданского права. Природа всех этих законов родственна природе чуда превращения горькой воды в питьевую при помощи горького дерева. В самом деле, именно суббота, когда запрещена какая-либо работа, благословляет все дела, совершаемые нами в будни. "Красная телица" делает ритуально нечистыми тех, кто исполняет связанные с ней обряды, тогда как ее пепел, вопреки обычной человеческой логике, очищает от ритуальной нечистоты. Законы гражданского права отнимают у человека то, что он приобрел незаконным путем, при этом не только не разоряют его, но и способствуют его процветанию, потому что охраняют от угнетения и грабежа.

Первое Ияра

Именно первого Ияра Моше, Аарон и главы двенадцати колен произвели по воле Всевышнего перепись еврейского народа, причем каждый еврей был причислен к определенному семейству и роду. Абсолютно все точно знали собственную родословную вплоть до своих предков — сыновей праотца Яакова. Вот что говорит об этом Тора: «И говорил Б-г, обращаясь к Моше в пустыне Синай, в Шатре Откровения, в первый день второго месяца, во второй год после Исхода их из страны египетской, так: "Произведите исчисление всего общества сынов Израиля по семействам их, по отчим домам их, количеством имен, всех мужчин поголовно. От двадцати лет и старше, всех поступающих в войско в Израиле, им произведите смотр по ополчениям их, ты и Аарон"» (Бемидбар, 1:1-3).

В этот день Моше получил заповедь о переписи, в этот же день он начал пересчет, как сказано в Торе:

"И взял Моше и Аарон этих людей, которые названы были поименно. И все общество созвали они в первый день второго месяца, и объявили они родословие свое, по семействам своим, по отчим домам своим, количеством имен, от двадцати лет и старше, поголовно" (Бемидбар, 1:17-18).

Тщательный пересчет продолжался около двадцати дней. Каждый еврей ставил свой шатер в месте, отведенном для его семейства, семейство — среди семейств своего рода, род — среди родов своего колена. Колена располагались в установленном порядке — по три колена у своего флага. Четыре флага располагались в лагере Израиля вокруг Мишкана, каждый со своей стороны, как установил Всевышний в Его заповедях.

Были пересчитаны и семейства левитов. Заповедь о переписи относилась к левитам-мужчинам в возрасте от одного месяца. Точно так же были пересчитаны и все первенцы Израиля от одного месяца. Число левитов оказалось близким к числу первенцев — соответственно 22000 и 22273 человека.

Наши мудрецы говорили: «В час, когда Израиль получил Тору, народы мира позавидовали ему — "Почему Всевышний приблизил его к Себе больше, чем всех остальных?" Однако Всевышний сразу же пресек ропот народов. Каким образом? Он сказал им: "Принесите и вы Мне книгу своих родословий [сказано в Писании: "Воздайте Б-гу, семьи народов"], как принесли ее Мои сыновья [сказано в Торе: "И объявили они родословие свое по семействам своим"!]"» Именно поэтому Всевышний и пересчитал еврейский народ в самом начале книги Бемидбар, сразу после того как дал ему заповеди. Ведь книга Ваикра, предшествующая книге Бемидбар, завершается словами: "Вот заповеди, которые Б-г заповедал Моше для сынов Израиля на горе Синай" (Ваикра, 27:34), а книга Бемидбар, как мы уже знаем, начинается со слов: «И говорил Б-г, обращаясь к Моше в пустыне Синай... так: "Произведите исчисление всего общества сынов Израиля..."». Из этого мы делаем вывод, что чистота родословной еврейского народа была обязательным условием получения им Торы и ее заповедей.

Великое поколение

В ходе переписи вскрылись явления, недоступные человеческому пониманию. Эти явления еще раз показывают, насколько замечательным было поколение евреев, вышедших из Египта, насколько бережно и трепетно относились они к исполнению заповедей Всевышнего.

Еще до этой переписи, произведенной на втором году после Исхода из Египта, Тора дважды упоминает численность еврейского народа. В первый раз в рассказе об Исходе: "И отправились сыны Израиля из Раамсеса в Суккос — около шестисот тысяч пеших мужчин, кроме детей" (Шмойс, 12:37). Во второй раз эта численность выясняется одиннадцатого Тишрея, когда Израиль получил указание построить Мишкан. В числе других приношений евреи обязаны были пожертвовать по половине шекеля серебра каждый. Из пожертвованного металла изготавливали цоколи для Мишкана.

Вот как выглядела заповедь о половине шекеля: каждый военнообязанный мужчина, которому к началу месяца, первого Тишрея (к Рош а-Шона) исполнилось двадцать лет, но еще не исполнилось шестидесяти, при условии, что он возводил безупречную родословную к самому Якову, то есть не был прозелитом, принявшим иудаизм, и происхождение его не имело изъянов, — он должен был пожертвовать половину шекеля.

Всего за два утра все евреи выполнили предписание Торы, пожертвовали каждый по полшекеля. Никто не проверял, действительно ли возраст каждого, кто делал пожертвование, находится в пределах от двадцати до шестидесяти лет, и все ли они безупречного происхождения. По числу "полушекелей" установили, что жертвователей было 603550.

Семь месяцев спустя Моше, Аарон и главы колен Израиля произвели специальное исчисление еврейского народа, тщательно проверяя возраст и родословную каждого представшего перед ними еврея. Перепись продолжалась много дней, велась очень тщательно, со всеми предосторожностями и дала тот же результат: 603550 человек.

Из этого следует, что ни один еврей не умер за прошедшие семь месяцев, все военнообязанные оставались в добром здравии, ни у кого не было обнаружено никаких изъянов.

Мы узнаем также, что ни один человек, который не должен был жертвовать полшекеля семь месяцев назад, не сделал этого; с другой стороны, ни один из тех, кто должен был его пожертвовать, не уклонился от исполнения заповеди. Это было воистину великое поколение.

Еще несколько слов о первом Ияра

Первого Ияра царь Шломо приступил к строительству Первого Иерусалимского Храма. Сказано в Первой Книге Царств: "И было, в четыреста восьмидесятом году после Исхода сынов Израиля из страны египетской, в четвертый год царствования Шломо над Израилем, в месяце Зив, втором месяце, начал он строить дом Всевышнему". В этот же день, много лет спустя, как рассказывается в Книге Эзры, вернувшиеся из вавилонского изгнания руководители еврейского народа приступили к восстановлению Иерусалимского Храма: "Во второй год, во второй месяц по приходе в Иерусалим... Зерубавель бен Шалтиэль, Йешуа бен Йоцадак и их остальные братья... начали строительство, а левитов поставили руководить работой над Храмом Г-сподним". В обоих случаях говорится "во втором месяце", без указания дня. Это значит, что в обоих случаях строительство началось первого числа второго месяца, Ияра. Если бы это было не так, Танах прямо указал бы дату — ведь он предназначен для того, чтобы устранять неопределенности, но не преумножать их.

В некоторых общинах принято устраивать свадьбы в Рош Ходеш Ияра, несмотря на то, что это один из дней счета омера.

“Второй Пейсах”

День четырнадцатого Ияра называют "Вторым Пейсахом" (Пейсах шени). В этот день во времена, когда существовал Иерусалимский Храм, приносили пасхальную жертву те, кто не имел возможности принести ее четырнадцатого Нисана из-за того, что находились в состоянии ритуальной нечистоты или не могли вовремя прибыть в Иерусалим из удаленного места. В Торе об этом сказано: «И говорил Б-г, обращаясь к Моше, так: "Говори сынам Израиля так: всякий, кто будет нечист, ибо прикоснулся к мертвому, или в дальнем пути, из вас или из потомков ваших во всех поколениях их, и намерен принести пасхальную жертву Б-гу, во второй месяц четырнадцатого дня в сумерки пусть принесут ее, с опресноками и горькой зеленью пусть едят ее"» (Бемидбар, 9:9-11).

Четырнадцатое Ияра не является праздничным или полупраздничным днем. Мы выделяем его и сегодня, поскольку во времена Храма это был радостный день для тех, кто исполнял заповедь о пасхальной жертве. В этот день мы не читаем покаянную молитву Таханун.

Существует обычай в Пейсах шени есть мацу, оставшуюся от праздника Пейсах, в память о пасхальной жертве, которую съедали вместе с мацой.

В Иерусалимском Талмуде этот день назван "Малым Пейсахом".

Отличие пасхальной жертвы от других жертвоприношений

Пасхальная жертва принципиально отличается от всех остальных жертв. Для любого другого жертвоприношения еврейским законом установлено определенное время, и если это время прошло, жертва уже не может быть принесена. Что касается пасхальной жертвы, то и для нее Тора установила, когда ее следует принести, и дважды повторила, что она должна быть принесена бемоадо — "в свой срок". В определенных случаях (когда еврей по одной из двух упомянутых выше причин не мог принести ее вовремя) она должна быть принесена в установленный законом второй срок — четырнадцатого Ияра.

Человек, который обязан был принести любую другую персональную или общественную жертву, но не сделал этого, не выполнил мицвас асе — позитивную заповедь Торы; тем не менее он не нарушил ее запрета, и закон не назначил ему никакого наказания. С пасхальной жертвой дело обстоит иначе. Тот, кто намеренно не принес ее, подлежит суровому наказанию — коресу, как сказано в Торе: "Человек же, который чист и в дороге не был, и откажется принести пасхальную жертву, отторгнута будет душа эта от народа ее, ибо жертвы Б-гу не принес он в назначенное для нее время; грех свой понесет человек тот" (Бемидбар, 9:13).

Суровому наказанию, отторжению от Источника жизни, подлежит человек, сознательно не исполнивший заповедь о пасхальной жертве. Тот же, кто удостоился вовремя принести пасхальную жертву, прилепляется к Источнику жизни вместе с народом Израиля.

За что мы ущемлены?

На втором году после Исхода из Египта, когда евреи праздновали свой первый Пейсах в пустыне, ритуально нечистые из-за прикосновения к мертвому человеку, которые не могли принести вовремя пасхальную жертву, пришли к Моше и Аарону со словами: "За что же будем мы лишены возможности принести жертву Б-гу в назначенное для нее время среди сынов Израиля?" (Бемидбар, 9:7). Они говорили: "Хотя мы знаем, что не будем наказаны за неисполнение заповеди, — за что мы лишимся великой награды за ее исполнение? Ведь тот, кто исполнит ее, полностью разрывает всякую связь с идолами других народов и соединяется нерасторжимой связью с еврейским народом и его Создателем на вечные времена".

Наши мудрецы учат: "Тот, кто намеревался исполнить заповедь, но не зависящие от него обстоятельства лишили его такой возможности, удостоивается той же награды, какой удостоился бы, исполнив эту заповедь". Однако люди, попадавшие под такое определение, полагали, что не удостоятся ожидаемой награды. По их мнению, если бы они не согрешили в прошедшем году, создав золотого тельца, ангел смерти не имел бы власти над еврейским народом и они не осквернились бы, прикоснувшись к мертвому телу. Поскольку это произошло, они опасались, что их станут рассматривать как не исполнивших заповедь по ошибке (например, по забывчивости). В таком случае награда за "исполнение" неисполненной заповеди не была бы им положена — в отличие от остальных евреев, которые, хотя и участвовали в создании золотого тельца, не были лишены привилегии принести пасхальную жертву. Эти люди и спросили Моше: "За что же мы (именно мы) будем лишены права принести жертву Всевышнему?"

Коротко о законах "Второго Пейсаха"

Еврей, который находился в состоянии ритуальной нечистоты в то время, когда приносят пасхальную жертву четырнадцатого Нисана, или был в этот день далеко от Иерусалима (как уже объяснялось выше), не смог принести жертву по не зависящим от него обстоятельствам, не принес ее по ошибке или даже не сделал это сознательно, приносит ее в конце дня четырнадцатого Ияра — во "Второй Пейсах".

Нееврей, принявший иудаизм и ставший евреем между четырнадцатым Нисана и "Вторым Пейсахом", а также еврейский ребенок, достигший совершеннолетия в эти дни, обязаны принести пасхальную жертву во "Второй Пейсах".

По еврейскому закону, даже если евреев, находившихся четырнадцатого Нисана в состоянии ритуальной нечистоты, очень много, но эти люди представляют собой лишь меньшинство еврейского народа, они обязаны принести пасхальную жертву четырнадцатого Ияра. Если же эти люди составляют большинство народа, если коэны или священные предметы, при помощи которых ведется служба в Иерусалимском Храме, ритуально нечисты, все евреи, ритуально чистые и нечистые, приносят жертву четырнадцатого Нисана. При равном количестве ритуально чистых и нечистых (из-за контакта с мертвым телом) весь народ приносит жертву четырнадцатого Нисана, ритуально чистые — отдельно, соблюдая необходимые предосторожности, чтобы сохранить чистоту. В случае, когда ритуально нечистые составляют большинство, весь народ приносит пасхальную жертву как бы в состоянии нечистоты.

Чтобы определить, является ли большинство народа ритуально чистым или нечистым, все евреи, намеревающиеся совершить жертвоприношение, подвергаются опросу при входе во двор Храма. Прежде чем первая группа войдет во двор, на базе статистической выборки делается вывод о состоянии народа.

Различия между законами пасхального жертвоприношения в Нисане и в Ияре состоят в следующем. В Нисане еврею запрещается приносить пасхальную жертву до того, как он полностью уничтожит и аннулирует хомец в своем владении, ее не приносят вместе с хомец; жертва должна быть съедена только в специально отведенном для этого доме (или ином месте); когда едят ее мясо, читают Галлель; жертвоприношение сопровождается принесением в жертву Хагиги; наконец, оно разрешается и в состоянии ритуальной нечистоты, если большая часть народа находится в этом состоянии. В Ияре во время жертвоприношения разрешается иметь в доме хомец; когда едят мясо жертвы, не обязательно читать Галлель; ее мясо можно выносить за пределы дома или иного места, установленного заранее для того, чтобы съесть его там; жертвоприношение не должно сопровождаться принесением в жертву Хагигу; не разрешается приносить жертву в состоянии ритуальной нечистоты.

В обоих случаях, в Нисане и в Ияре, пасхальную жертву можно приносить даже в субботу. В том и другом случае во время жертвоприношения читают Галлель, а мясо жертвы съедают в жареном виде в заранее выбранном доме (или ином месте) вместе с мацой и марором. Нельзя оставлять часть мяса на следующий день и ломать кости жертвы. Так учил Рамбам в Гилхос корбан песах.

"Второй Пейсах" во времена Хизкиягу

В еврейской истории известен случай, когда большая часть народа совершила пасхальное жертвоприношение во "Второй Пейсах" из-за ритуальной нечистоты. Это произошло во времена царя Хизкиягу, который очистил Храм, коэнов и весь народ от нечистоты, связанной с идолопоклонством, насаждавшимся его отцом Ахазом. Служение идолам оскверняет так же, как контакт с мертвым телом. Хизкиягу понял, что не успевает очистить большую часть народа до наступления праздника. Вот что говорится об этом во Второй Книге Хроник: "Посоветовавшись, решили царь и князья его, и вся община в Иерусалиме приносить пасхальную жертву в следующем месяце. Ибо не смогли они совершить его вовремя, потому что священники еще не освятились достаточно, и народ не собрался в Иерусалиме".

Еврейские мудрецы не одобрили этого решения. Как мы уже знаем, оно противоречило закону, в соответствии с которым пасхальное жертвоприношение не откладывается, а совершается вовремя, четырнадцатого Нисана, если большая часть народа ритуально нечиста. Впоследствии Хизкиягу понял, что совершил ошибку, и обратился к Всевышнему с молитвой о прощении.

"Второй Пейсах" — четырнадцатого Ияра

Возникает вопрос: почему Тора установила "Второй Пейсах", то есть день, в который совершают пасхальное жертвоприношение те, кто находился четырнадцатого Нисана в состоянии ритуальной нечистоты, только через месяц? Ведь для того, чтобы вернуться в состояние ритуальной чистоты, достаточно было бы двух недель.

Рабби Яков Амдин писал, что Небеса открыли ему глубокий ответ на этот вопрос. Дело в том, что в год Исхода из Египта евреи питались запасами взятой из Египта мацы вплоть до вечера пятнадцатого Ияра. Стало быть, святость праздника и чудо освобождения из египетского рабства, тесно связанные с мацой, распространялись лишь до этого дня. Поэтому "Второй Пейсах" назначен на четырнадцатое Ияра — последний день, когда в доме у евреев, вышедших из Египта, находятся и маца, и хомец.

Такое же объяснение дает и Гаон из Люблина в книге Прицадик.

Лаг Баомер

Восемнадцатое Ияра, тридцать третий день счета омера — Лаг Баомер, день (радостного) прославления рабби Шимона бар Йохая. Еврейский народ сделал этот день праздником, который "вклинился" в череду печальных дней, начавшуюся до и продолжающуюся после него. В этот день не читают Таханун, устраивают свадьбы и — согласно ашкеназскому обычаю — принято стричься. Сефарды стригутся на следующий день. В Лаг Баомер надевают новую одежду, хотя в остальные дни счета омера стараются не делать этого, следуя запрету меньшей части еврейских авторитетов, который не поддерживает их большинство. В синагоге зажигают множество свечей, и еврейские дети со своими учителями отправляются на прогулку за город, где дети веселятся и стреляют из лука по обычаю, принятому вне Эрец Исраэль.

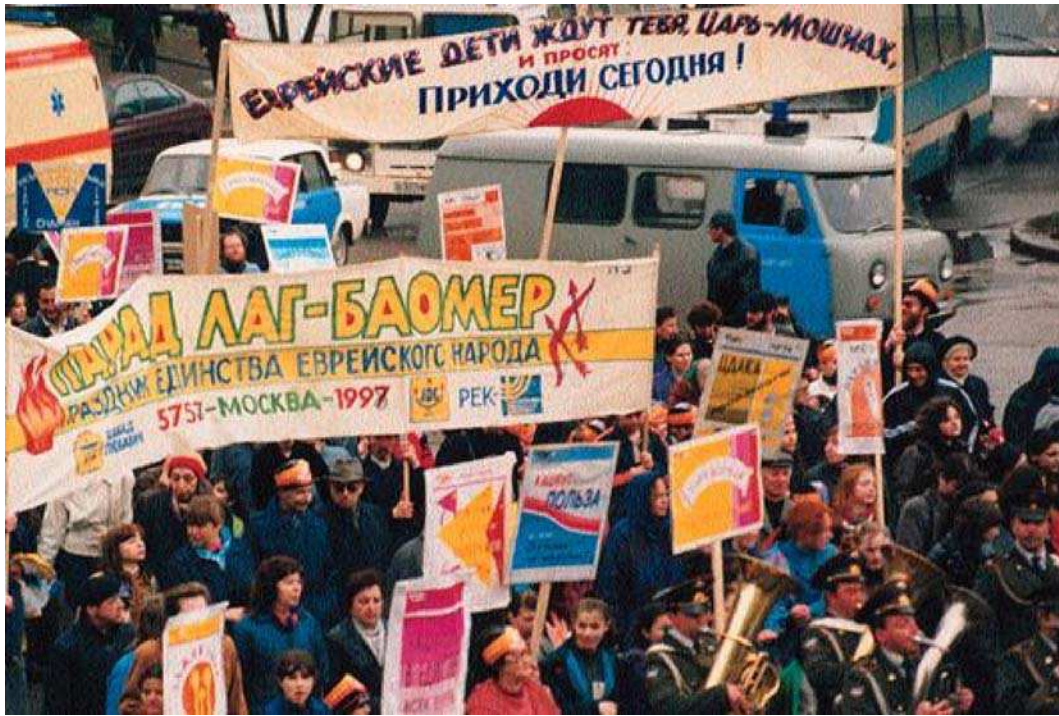
А в Эрец Исраэль Лаг Баомер стал настоящим праздником, днем, когда поют и танцуют, разжигают большие костры и т.д. — все это в память о великом мудреце рабби Шимоне бар Йохе. Самое большое празднество устраивается на горе Мирон, где похоронены мудрец и его сын рабби Элазар. Многие освящаются и очищаются в этот день с помощью молитвы и изучения Торы. Песни в честь рабби Шимона бар Йохая достигают Небес. Огни костров на Мироне видны за много километров.

Истинный смысл праздника, включающего радостное прославление рабби Шимона бар Йохая, гиллулу, которую сравнивают со свадебным обрядом, хупой рабби, также связанным с этим днем, окутан глубокой тайной. Гиллулу устраивают и в честь Торы, которой он учил своих учеников. Его учение сформулировано в священной книге Зогар. Книга эта — вся святость и вся тайна, истинная мудрость ее скрыта от большинства людей и доступна очень немногим.

Простое объяснение смысла празднования Лаг Баомера приводится в древних книгах, описывающих еврейский закон. В этот день, как известно, перестали умирать ученики рабби Акивы. Вот что писал рав Меири в своей книге Бейс а-бхира, в разделе, посвященном трактату Талмуда Евмос: "Еврейская традиция, переданная нам поколением Гаонов (мудрецов VI-X веков), да будет благословенна их память, рассказывает, что в Лаг Баомер прекратились смерти (учеников рабби Акивы), и потому принято отменять в этот день все признаки траура".

Как сообщается в книге А-ман'иг, авторство которой приписывают рабби Зрахии Алеви, в очень древней книге, привезенной из Испании, написано, что ученики рабби Акивы начали умирать в праздник Пейсах и умирали вплоть до "полумесяца перед наступлением праздника Швуэс", то есть до Лаг Баомера.

Маарил утверждает, что ученики рабби Акивы умирали в течение всех дней счета омера, то есть от Пейсаха до Швуэса, в полном соответствии с данными Геморы. Исключение составляли дни счета омера, когда не читают Таханун (и запрещены все признаки траура), — это семь дней праздника Пейсах, включая его последний день, два дня новомесячья Ияра, один день новомесячья Сивана и семь суббот. Вычтем эти 17 дней из 49 дней счета омера и увидим, что ученики рабби Акивы умирали в течение 32 дней. В память об этом мы и отмечаем 33-й день счета омера как день, когда прекращается период траура.



Прославление рабби Шимона бар Йохая

Согласно приведенному объяснению Маарила, тридцать третий день счета омера сам по себе не принес никакого облегчения. Ведь в этот день ученики рабби Акивы продолжали умирать, так что только порядковый номер этого дня, 33, заслуживает упоминания как связанный с прекращением траура (траурных дней, по данному объяснению, было 32). Почему же мы празднуем этот день?

Законы, связанные с 33-м днем счета омера, окутаны глубокой тайной, связанной с величайшими тайнами мироздания. Наши мудрецы открывают нам, непосвященным, эту тайну только отчасти.

Древняя традиция донесла до нас, что рабби Шимон бар Йохай скончался в Лаг Баомер. В день его кончины мир наполнился ярчайшим светом, бескрайней радостью, ибо в этот самый день он открыл своим ученикам тайны, записанные в книге Зогар. Никогда ранее мир не был так прекрасен, как в тот день. Для рабби Шимона бар Йохая и его учеников это был радостный день, день гиллулы, подобный дню, когда жених радуется своему счастью под свадебным балдахином. Это день длился дольше, чем какой-либо другой день, закончился он лишь после того как рабби Шимон бар Йохай раскрыл перед своими учениками все тайны, которые имел право раскрыть. Только после этого он разрешил солнцу зайти, и душа его поднялась на Небеса.

Известно, что обычно в день кончины праведника устанавливают пост. Однако Лаг Баомер объявлен праздничным днем — таково было желание рабби Шимона бар Йохая, и так установили мудрецы древних времен, из года в год отмечавшие годовщину его смерти как радостный и праздничный день. На его могиле зажигают многочисленные свечи. Рабби Овадья из Бартануры в 5249 (1489) году писал своему брату: "Восемнадцатого Ияра, в день кончины рабби Шимона бар Йохая, к его могиле приходят люди из самых разных мест и зажигают большие факелы — это вдобавок к обычной поминальной свече".

Поселившись в Эрец Исраэль, великий Ари а-кодош и его лучшие ученики овладели всеми десятью ступенями тайного учения и объяснили еврейскому народу важность празднования этой гиллулы. За ними явились выдающиеся хасидские цадики, ученики Баал-Шем-Това, которые пошли по пути каббалистов. Таким образом, Лаг Баомер стал днем, в который все евреи чтут память великого мудреца рабби Шимона бар Йохая и молят Всевышнего о том, чтобы его заслуги помогли Израилю и излучаемый им свет озарил всю страну.

Свечи, факелы и костры

Как уже отмечалось, день кончины рабби Шимона бар Йохая был наполнен особым ярким светом. Именно поэтому существует обычай зажигать в Лаг Баомер большое количество свечей в синагогах и ешивах с тем, чтобы при их свете изучать наследие рабби, рассказывать прославляющие его истории и петь песни, сложенные в его честь. В этот день изучают Адра зота, приведенную в Зогаре.

В еврейских общинах Польши и России было принято поручать подросткам собирать по домам города свечи для гиллулы, устраиваемой в бейс-мидраше. Во многих местах в этот день разжигали большие костры под открытым небом.

Многие руководители хасидских дворов в Восточной Европе устраивали в Лаг Баомер празднество, как обычно в праздник. Они надевали нарядную одежду, накрывали праздничный стол тиш, за которым изучали Тору.

Рабби Барух из Меджибожа, внук Баал-Шем-Това, ежегодно устраивал в Лаг Баомер сиюм — трапезу в честь окончания изучения Зогара. После того как завершился сиюм, его участники в течение нескольких часов с огромным энтузиазмом танцевали с книгой в руках. Этот день был для них подобен дню Симхас Тойра, когда евреи танцуют со свитками Торы.

В ряде еврейских общин принято чтить память великого рабби Шимона бар Йохая чтением фрагментов книги Зогар, пением пиятим, прославляющих рабби, зажиганием множества свечей, радостным исполнением заповеди в день гиллулы.

Получил широкое распространение пият рабби Лави "Бар Йохай, помазанник", который обычно читают и поют повсеместно в ходе гиллулы по рабби Шимону бар Йохаяю. В Цфате этот пият читают каждую субботу вскоре после ее начала.

В Северной Африке и в Тунисе существовал обычай усаживаться небольшими группами и в течение всего дня и всей ночи изучать Зогар с дополнениями, затем устраивать праздничную трапезу. Богатые евреи в этот день обеспечивали всем необходимым знатоков Торы у себя дома. В синагогах выделялся посвященный рабби Шимону бар Йохаяю специальный угол. В домах зажигали особые светильники, украшенные яркими цветами, а в послеполуденные часы каждый еврей направлялся в синагогу с собственным светильником и при его свете изучал Тору.

Обычай зажигать в Лаг Баомер костры восходит к Ари Акадош и относится прежде всего к горе Мирон, где похоронены рабби Шимон бар Йохай и его сын рабби Элазар. Этот обычай был установлен самим Ари и его учениками.

Еврейские мудрецы, которым довелось пасть ниц на могиле рабби Шимона бар Йохая, говорили, что испытали великое воодушевление, в ряде случаев удостаивались совершить подлинные чудеса и принести спасение своим общинам.

В книге Квод млахим рассказывается о рабби Хаиме бен Атаре, авторе книги Ор а-хайим, который однажды принял участие в гиллуле по рабби Шимону бар Йохаяю. Он поднялся на осле на гору Мирон, доехал до подножия холма на вершине которого находится могила мудреца, сошел с животного, пал на землю и дальше поднимался до могилы рабби ползком, с громким криком: "Куда пришел я, ничтожный! Туда, откуда извергается священный огонь, куда спускаются Небесная свита Всевышнего и души праведников!"

Хида в книге Море бе-эцба отмечает: "В Лаг Баомер следует радостно отмечать память о рабби Шимоне бар Йохаяе, да защитят нас его заслуги, ибо это день его гиллулы, и нам известно, что он хотел, чтобы мы радовались в этот день. Есть также прекрасный обычай изучать в ночь Лаг Баомера фрагменты книги Зогар, прославляющие рабби Шимона бар Йохая".

Рабби Йосеф Софер, поселившийся в Эрец Исраэль в 5525 (1765) году, говорит в одной из своих книг: "Три раза в году ученики Ари а-кодош посещают могилу рабби Шимона бар Йохая — в месяцах Элул, Нисан и Ияр, в Лаг Баомер. Ученики Ари по древней традиции радуются в этот день, устраивают праздничные трапезы с музыкой и танцами".

Рабби Симха бар Иеошуа из Злошица, также поселившийся в Эрец Исраэль в 5525 (1765) году, в книге Агавас Цион, повествующей о его путешествиях, упоминает обычай зажигать огни в Лаг Баомер: "Наверху, у здания, построенного вокруг могилы рабби Шимона бар Йохая, установлен столб, являющийся частью стены, на нем — нечто вроде большой чаши, в которую наливают масло, а затем погружают старую одежду из хлопка или шерсти и поджигают ее. Свет распространяется на много миль, ибо гора Мирон высока. Зажигание огня в Лаг Баомер, день кончины рабби Шимона бар Йохая, и называется гиллулой в его честь".

Этот рассказ явился источником обычая, по которому простые люди от излишнего энтузиазма в этот день бросают в огонь дорогие одежды, шелковые шарфы, золотые предметы. Многие авторитеты в различные времена протестовали против этого обычая, ибо тот, кто так поступает, нарушает заповедь бал ташхис, запрещающую напрасное уничтожение ценностей. Ведь "если бы эти люди продали уничтожаемые ценности и отдали вырученные деньги беднякам Эрец Исраэль, рабби Шимон бар Йохай радовался бы гораздо больше".



Обычай стричь детей в Лаг Баомер

В этот день принято впервые стричь мальчиков, достигших трех лет, оставляя пеот, чтобы приучить их исполнять заповедь: "Не стригите краев волос вокруг головы вашей..." (Ваикра, 19:27). Церемония называется халка — по-арабски "стрижка".

Рабби Хаим Виталь рассказывает, что его учитель великий Ари привел своего маленького сына на Мирон и там постриг его в соответствии с обычаем.

Один из учеников Ари, автор книги Мишнас хсидим, учит: "Тот, кто следует учению Ари, должен посетить его могилу и там обрести великие радость и веселье, тем более, если он делает это в первый раз и стрижет голову своего сына, оставляя пеот и исполняя таким образом заповедь".

Рабби Хаим Гурвиц, автор книги Хибас Йерушалаим, рассказывает об исполнении этого обычая в 5595 (1835) году: "Вначале приводят ребенка перед первой стрижкой на могилу рабби Йоханана а-сандлара с песнями и танцами, а оттуда возвращаются на двор, окружающий могилу рабби Шимона бар Йохая. Стрижка происходит у дверей бейс а-мидраша, при этом читают благословение Ми шеберах. Многие люди привозят своих сыновей из дальних стран, чтобы исполнить заповедь о пеа в этом священном месте. Иногда им приходится долго ждать, пока ребенок окажется способным выдержать это путешествие, так что иногда он приезжает туда в возрасте существенно старше трех лет. Почему так делается? Потому, что радостное исполнение одной заповеди влечет за собой исполнение других".

Лук и стрелы в Лаг Баомер

Обычай, в соответствии с которым еврейские дети в странах вне Эрец Исраэль играют в Лаг Баомер с луком (кешес) и стрелами, связан с рассказом наших мудрецов о том, что при жизни рабби Шимона бар Йохая на небе не появлялось радуги (кешес). Так рабби защищал мир от различных бедствий — величайшая заслуга, которая может выпасть человеку. Мир в те времена не нуждался в "знаке радуги", посланном Всевышним как обещание, что новый Потоп не погубит его. Но сейчас, когда рабби Шимона бар Йохая уже нет с нами, мы вынуждены опасаться того, что грехи нашего поколения

переполнят чашу и, если бы не радуга — знак союза с Всевышним, мир может быть разрушен.

В книге Бней Иссахар методами каббалы объясняется еврейский обычай стрелять из лука в этот день. Его связывают со словами Танаха: "Следует научить сынов Иегуды владеть луком". В будущем именно в Лаг Баомер в небе должна появиться радуга необычного цвета, которая возвестит о грядущем избавлении. Вот мы и стреляем в этот день из лука.

Еще несколько слов о Лаг Баомере

Мааршо в своем комментарии к Мидрашу так объясняет радость и веселье, с которыми мы встречаем Лаг Баомер. Дни счета омера сопоставляются с пятьюдесятью годами жизни человека после того как он достигает двадцатилетнего возраста. Если он не согрешил в течение первых 33 лет (из пятидесяти), он уже не согрешит и в будущем, ибо большая часть его жизни уже прошла. В память об этом мы и устраиваем праздник в Лаг Баомер — в память о том, что уже прошли две трети из 49 дней счета омера.

Рабби Яков Амдин объясняет природу этого дня, пользуясь терминами каббалы. Все дни счета омера — дни суда, а Лаг Баомер, од шебаод, день суда вдвойне. Поскольку мера суда удваивается в этот день, она изменяется и становится мерой милосердия. Так принимал решение Сангедрин: если все его члены находили подозреваемого в убийстве виновным, его объявляли невиновным.

Хасам-Софер доказывал, что ман начал выпадать в пустыне именно в Лаг Баомер. В самом деле, маца, принесенная евреями из Египта, закончилась пятнадцатого Ияра, и в течение трех дней у людей не было хлеба. Только восемнадцатого Ияра впервые выпал ман, и в память об этом мы отмечаем Лаг Баомер.

Другие авторитеты полагают, что именно в Лаг Баомер началось восстание евреев против римлян в конце периода Второго Храма, во время правления римского наместника Флора. Иосиф Флавий рассказывает, что за день до этого, семнадцатого Ияра, Флор потребовал у руководителей еврейского населения Иерусалима передать ему 17 талантов золота как наказание за волнения в Кейсарии, где евреи выступили против римлян. Это требование вызвало волнения в городе, евреи собирались и публично проклинали Флора. Многие издевались над пристрастием Флора к золоту, ходили по улицам и собирали подаяние в его пользу. На следующий день началось открытое восстание.

Двадцатое Ияра

Добравшись в новомесячье Сивана первого года после Исхода из Египта к горе Хорев (Синай), еврейский народ оставался там двенадцать месяцев без десяти дней. Именно во время этой стоянки евреи получили Тору, согрешили, создав золотого тельца, затем искупили этот грех. Здесь же, у горы Синай, они построили Мишкан, собрали и установили его первого Нисана следующего года, здесь спустилось на них Облако Шехины, казавшееся огнем в ночи (вдобавок к Облакам Славы, окружавшим лагерь народа еще до того как был построен Мишкан). Четырнадцатого Нисана они принесли пасхальную жертву, получили заповедь о "Втором Пейсахе", а в новомесячье Ияра по приказанию Всевышнего приступили к проведению переписи по родам и семействам. Были пересчитаны все военнообязанные евреи-мужчины с точно установленной

родословной в возрасте от двадцати до шестидесяти лет, а также все мужчины-первенцы и мужчины-левиты в возрасте от одного месяца.

После того как еврейский народ был поделен на колена, роды и семейства, он был разделен на четыре дегеля по три колена в каждом. Эти дегели окружали Мишкан с четырех сторон, лагерь левитов (не входивших ни в один дегель) находился в середине. Отныне в таком порядке еврейский народ разбивал лагерь и в таком же порядке двигался в своих странствиях по пустыне.

Двадцатого Ияра второго года после Исхода из Египта еврейский народ впервые по указанию Всевышнего совершил переход в порядке дегелей и колен, выполняя и все остальные заповеди, установленные Б-гом на период странствий. "И было, во второй год, во второй месяц, двадцатого дня поднялось облако от Шатра Откровения. И двинулись сыны Израиля в походы свои из пустыни Синай, и опустилось облако в пустыне Паран" (Бемидбар, 10:11,12).

Как странствовали евреи

В Торе сказано: "поднялось облако". Это и был знак сниматься с места. Ибо когда Облако Шехины, окутывавшее Мишкан, поднималось и принимало другую форму, форму узкого цилиндра, евреи знали, что пришло время отправляться в путь. Они разбирали шатры, упаковывали свое имущество и грузили его на повозки или на спины вьючных животных. Те, у кого повозок и животных не было, несли свои пожитки сами. В это время коэны трубили в свои серебряные трубы в порядке Ткия, Труа, Ткия. Облако не трогалось с места до тех пор, пока Моше не произносил слова: "...Встань, Б-г, и рассеются враги Твои, и разбегутся ненавистники Твои от Лица Твоего" (Бемидбар, 10:35). Первым в путь отправлялся дегель Иегуды, в который входили колена Иегуды, Иссахара и Зевулуна.

Далее Аарон и его сыновья снимали занавес Мишкана и покрывали им арон, содержащий скрижали с десятью заповедями. Арон и священная утварь (которые должны были нести левиты, входившие в род Кеата) — стол, золотой жертвенник, медный жертвенник и сопутствующая им утварь — все эти предметы уже были упакованы и прикреплены к шестам (при помощи которых они переносились).

Затем снова в том же порядке трубили в трубы, и в путь отправлялся дегель Реувена, включавший колена Реувена, Шимона и Гада. Левиты из родов Гершона и Мерари разбирали Мишкан, погружали его части на повозки и отправлялись в путь до того, как снимался с места дегель Реувена, вместе с дегелем Иегуды. После ухода дегеля Реувена снова трубили в трубы, и в путь отправлялся дегель Эфраима, в который входили колена Эфраима, Менаше и Биньямина. Тогда же снимались с места левиты из рода Кеата со священной утварью и вслед за ними — дегель Дана, состоявший из колен Дана, Ашера и Нафтали.

В том же порядке евреи разбивали лагерь.

Как только они прибывали на указанное Всевышним место, Облако Шехины поднималось, растягивалось и накрывало дегель Иегуды. Однако оно не принимало своих обычных размеров и формы до тех пор, пока Моше не произносил: "...Вернись, Б-г десятков тысяч Израиля!" (Бемидбар, 10:36). Тогда останавливался весь дегель Иегуды, а облако располагалось к западу от него. Левиты из родов Гершона и Мерари сразу же принимались за сборку Мишкана и стен окружающего его двора под покровом Облака

Шехины. Пока они занимались этой работой, подходил дегель Реувена и разбивал свой лагерь к югу от Мишкана. За этим дегелем шли левиты из рода Кеата с ароном и священной утварью, которые сразу же размещались в уже воздвигнутом Мишкане. Затем подходили дегель Эфраима, располагавшийся к западу от Мишкана, и дегель Дана — к северу от него. Наконец, прибывали Аарон и его сыновья, приводили в порядок всю утварь Мишкана, расставляли ее на своих местах. Таким образом, лагерь Израиля оказывался полностью воздвигнутым.

"Дегели" Израиля

Наши мудрецы говорили: «Дегели Израиля были настолько священны и великолепны, что все народы мира смотрели на них с восхищением и спрашивали: "Что это выглядит как заря, прекрасное как луна, ясное как солнце, грозное, как войско со знаменами (нидгалос)?" И отвечали сами себе: "Воротись, воротись, Шуламис, воротись, воротись, и мы наглядимся на тебя"». Это значит: "Приблизься к нам, Израиль, соединишь с нами, и мы сделаем тебя господином над нами". Но Израиль отвечал: "Что вам глядеть на Шуламис, словно на пляску в два ряда?" Это означало: «Какой смысл в величии, которое вы предлагаете нам? Разве это не "пляска в два ряда"? Разве можете вы дать нам то величие, которым оделил нас Всевышний в пустыне — дегель Иегуды, дегель Реувена и т.д.? Разве можете вы дать нам все это?"»

Слова "Что вам глядеть на Шуламис?" означают: «Что в величии, которые вы предлагаете нам? Разве оно не "пляска в два ряда"? Разве можете вы дать нам величие, которое дал нам Всевышний в пустыне? Хотя мы и были грешниками, Он простил нас и сказал: "Пусть же будет стан ваш свят..."» (Дворим, 23:15).

Даже Бильям, увидев Израиль, возненавидел его и понял, что не может причинить ему вреда. Как сказано в Торе: "И поднял Бильям глаза свои, и увидел Израиль, размещенный по племенам своим..." (Бемидбар, 24:2), то есть разделенным на дегели. И тогда он сказал: "Кто сможет причинить вред этим людям, каждый из которых знает всех своих предков и все свое семейство!" Ведь в Торе так и говорится: "размещенный по племенам своим". Отсюда следует, что расположение по дегелям послужило великой славе Израиля и защитило его.

Каждый под своим флагом — дегелем

У главы каждого колена был свой опознавательный знак — собственное знамя, цвет которого, как правило, совпадал с цветом соответствующего этому колону драгоценного камня, вставленного в нагрудник Аарона. Отсюда и позаимствовали различные царства обычай обзаводиться знаменем собственного цвета.

Колону Реувена соответствовал рубин, камень красного цвета. Красным было и его знамя с изображением корней мандрагоры.

Колону Шимона соответствовал топаз, на его зеленом знамени был изображен город Шхем.

Колону Леви соответствовали изумруд и бело-черно-красное знамя с изображением урим и тумим (нагрудник первосвященника, в который были вставлены драгоценные камни, позволявшие узнать волю Всевышнего).

Колену Иегуды соответствовал карбункул. На его знамени небесного цвета был изображен лев.

Колену Иссахара соответствовал сапфир. В память о словах Писания "И из сыновей Иссахара, умеющих понимать времена" на его темно-синем знамени были изображены солнце и луна.

Колену Зевулуна соответствовали алмаз и белое знамя с изображением корабля.

Колену Дана соответствовал опал. Цвет его знамени походил на цвет сапфира, и на нем была изображена змея.

Колену Гада соответствовал агат. На его знамени черно-белого цвета был изображен лагерь Израиля.

Колену Нафтали соответствовал аметист. Цвет его знамени с изображением лани был близок цвету прозрачного красного неяркого вина.

Колену Ашера соответствовал хризолит. На его знамени золотисто-зеленого цвета было изображено оливковое дерево.

У колена Йосефа, которому соответствовал оникс, знамя было абсолютно черным. Этот цвет принадлежал сразу двум коленам потомков сыновей Йосефа — Эфраима и Менаше, родившихся в Египте. На знамени Эфраима был изображен бык, на знамени Менаше — антилопа.

У колена Биньямина, которому соответствовала яшма, на двенадцатицветном знамени был изображен волк.

Каждый со своим родом

В Торе сказано: "Каждый при знамени своем, со знаками отчих домов их..." (Бемидбар, 2:2). Представляется, что достаточно было ограничиться выражением "Каждый при знамени своем со знаками — да стоят сыны Израиля". Почему добавила Тора слова "со знаками отчих домов их"? Дело вот в чем. Когда Всевышний приказал Моше: "Раздели Израиль на дегели, как они просят", Моше опечалился, решив: «Теперь между коленами Израиля возникнут бесконечные споры. Если я скажу колену Иегуды, что оно должно разбить лагерь на востоке, оно ответит: "Это невозможно — мы готовы остановиться только на юге". Точно так же будут спорить колена Реувена, Эфраима и все остальные. Что я буду делать?»

На это Всевышний возразил: "Моше, не волнуйся! Евреи вовсе не нуждаются в тебе для того, чтобы найти свое место в лагере. Они и сами превосходно его знают. В руках каждого из них находится традиция, восходящая к праотцу Якову. Эта традиция точно указывает его место в дегеле. Даже Я не могу сообщить им ничего нового об их происхождении — они знают всю свою родословную вплоть до Якова. Они окружат Мишкан в точно установленном порядке так же легко, как окружили когда-то ложе Якова, на котором они несли его тело".

Рав Хама, сын рабби Ханины, говорил: «Когда для нашего праотца Якова настало время покинуть этот мир, он позвал своих сыновей, благословил их и заповедал им идти дорогой, указанной Всевышним. В этот час все они признали власть Небес. В

конце своего поучения Яаков сказал сыновьям: "Когда вы будете нести меня — несите осторожно и бережно, позаботьтесь, чтобы ни один чужой человек не дотронулся до моего ложа, ни один египтянин и даже ни один из ваших сыновей, поскольку они родились у вас от кнаанеянок..." Затем он уточнил: "Сыновья мои Иегуда, Иссахар и Зевулун понесут мое ложе, стоя у восточной его стороны, Реувен, Шимон и Гад — с южной, Эфраим, Менаше и Биньямин — с западной, Дан, Ашер и Нафтали — с северной. Йосеф не должен нести мое ложе, ибо он — властитель, и все вы должны относиться к нему с почтением. Не должен нести мое ложе и Леви, поскольку ему (его потомкам) предстоит нести священный арон со скрижалями — тот, кто несет ношу, данную ему Всевышним, не должен нести мертвое тело. Если вы поступите так, как я сказал, и понесете ложе с моим телом в указанном порядке, Всевышний установит разделение вашего лагеря на дегели"». После кончины Яакова сыновья положили тело отца на ложе и несли его точно так, как он им приказал: "И сделали с ним сыновья его так, как он повелел им" (Брейшис, 50:12).

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ АДА

Àðåäääé Ôäñéí



Когда сегодня я вижу на экране телевизора, как вскидывают руки в нацистском приветствии члены "Русского национального единства", когда слышу призывы их лидера Александра Баркашова к "русскому порядку", я вспоминаю призывы к "новому порядку" в Европе Адольфа Гитлера и пережитое более полувека назад. В Канун 54-й годовщины Победы над нацистской Германией хочу напомнить, что такое фашизм...

Это было в Одессе.

В ночь с 14-го на 15-е октября 1941 года последние части Красной Армии погрузились на корабли и ушли в Севастополь. В связи с прорывом немцев в Крыму Одесса была сдана.

Фашистские войска, осаждавшие город, появились на его улицах к вечеру 16 октября. Они шли, не вполне уверенные, что почерневшая от пожарищ, ожесточенно сражавшаяся и неприступная еще вчера для них крепость покинута ее защитниками.

Первый оккупант, румынский солдат, вошел к нам во двор в тот же вечер. Стоявшим во дворе испуганным женщинам он жестами показал, что хочет есть. Одна из женщин побежала в дом и вынесла ему сухарь, другая принесла в кастрюльке суп. А толстая, неповоротливая дворничиха тетя Паша, всегда ругавшая нас, мальчишек, за дворовый футбол, поставила перед ним табурет. Он сел, положил у ног винтовку и жадно стал поглощать еду.

Во двор вышли еще соседи. Они окружили солдата и молча смотрели на него. Я протиснулся вперед, чтобы получше рассмотреть первого вражеского воина, а он выскреб кастрюльку, облизал ложку и вдруг сказал:

- Жидан капут.

Все переглянулись. А дворничиха переспросила:

- Жидан? Ото, мабуть, жида по-нашему?

Так началось знакомство с оккупантами...

В ту же ночь дворник дядя Коля привел к нам "гостей". В ожидании самого худшего мы, те самые "жидан", которым пришел "капут", не ложились спать и сидели одетыми. Румыны перерыли шкаф, забрали теплые вещи и ушли. На вторую ночь дворник привел уже немцев, двух солдат и офицера. Но и они, порывшись в шкафу, даже не посмотрев на нас, тоже ушли.

- Может, тот румын что-то напутал? — с робкой надеждой спросила мать.

Отец лишь тяжело вздохнул. Перед самой войной он попал в автомобильную катастрофу и потерял ногу. По этой причине его не взяли на фронт, по этой же причине он не решился эвакуироваться.

Да, в первые дни оккупации евреев не трогали. И отец с моей старшей сестрой Розой ходили на "Привоз", где меняли взятые из дому вещи на продукты.

22 октября партизаны взорвали на улице Энгельса румынский штаб. В отместку за погибших румыны начали хватать на улицах заложников. Отец с сестрой тоже попали в облаву. Когда их загоняли в какой-то подвал, отец сунул капралу свои часы, и тот отпустил его и сестру.

А утром 23 октября недалеко от нашего дома, на улице Розы Люксембург, мы увидели повешенных. Они висели, раскачиваясь на ветру...

Прошло еще два дня, и наступил наш черед. По всему городу был расклеен приказ: евреям Одессы явиться в тюрьму, за неявку — смертная казнь.

Всю ночь отец пек коржи, мать шила котомки. Утром пришли прощаться соседи. Плачь и причитания наполнили квартиру. Наши соседки Панкина и Соловьева, целуя на прощание меня и сестру, насовали нам в карманы сухари. По тому времени это было целое богатство.

Настала пора уходить. Мать надела нам на спины котомки, подняла свою. Отец взял костыли.

Мы еще были в квартире, когда дворничиха начала выносить нашу посуду. А дворник, распахнув окно, мы жили на первом этаже, стал вытаскивать стол. Впервые я увидел в глазах отца слезы. Заскрипев костылями, он направился к воротам. Сгорбившись под тяжестью котомок, мы побрели за ним.

Тюрьма была переполнена, в камерах не было мест. Мы расположились в тюремных мастерских, спать улеглись на железном верстаке. Из разбитых окон дул холодный ветер. К вечеру и мастерские были переполнены, прибывшие после нас люди расположились под открытым небом...

Ночью меня разбудили громкие голоса. Я открыл глаза. Немцы! Они стояли возле нашего верстака и тормошили отца. Он сел, взял костыли. Увидев, что перед ними

инвалид, немцы пошли дальше. Вскоре раздался истошный крик. Кого-то протащили мимо нас во двор. Потом еще и еще.

Утром мы узнали, что из тюрьмы угнали почти всех мужчин. Они понадобились какой-то немецкой части для земляных работ. А через неделю прошел слух, что всех их после окончания работ загнали в пороховые склады и сожгли. Сейчас на том месте, в районе площади маршала Толбухина, стоит памятный знак...

В тюрьме было относительно спокойно. По утрам я или сестра становились в тюремном дворе в очередь к единственному крану, из которого еле текла вода. Мать захватила из дому чайник, и пока мы набирали в него воду, отец разжигали под забором костер. Жалкие супы или каши из захваченных с собой домашних продуктов мать варила в том же чайнике. Те, у кого не было и такой посуды, готовили пищу в найденных на тюремной свалке красноармейских касках.

А ночи были ужасны!.. Пьяные румыны, посвечивая фонариками, рыскали по мастерским в поисках девушек. Те прятались под верстаки. Солдаты вытаскивали их оттуда, и плачь, крики, а то и выстрелы сотрясали гулкое помещение.

В середине ноября нас неожиданно выпустили из тюрьмы. Распахнулись мрачные ворота, и румыны с криками "Ла касса!" ("Домой!") начали выгонять всех на волю. Очевидно, тюрьма понадобилась новым властям для более серьезных преступников...

Мы вернулись в свой двор, но на дверях квартиры увидели крест и надпись: "Здесь живет русская, православная христианка Ольга Нехлюдова". Это была дочь дворника. При виде нас она растерянно спросила:

- Разве вас не убили?!

- Как видите, — ответил отец и, отстранив Ольгу костылем, переступил порог.

В тот же день мы узнали, что брат Ольги, Васька, убил нашего кота Мурчика. Ударив кота камнем по голове, он крикнул: "Чтоб никаким жидовским духом здесь не пахло!"

Квартиру Ольга освободила. Но пробыли мы в ней недолго. Расклеенный по городу новый приказ предписывал евреям Одессы прибыть на Слободку, в гетто.

Когда очевидцы молчат, рождаются легенды. Такой расхожей легендой является версия, что там, где во время войны были румыны, евреям жилось хорошо. Работая над этими воспоминаниями, я нашел в Одесском областном архиве тот самый приказ. Вот выписки из этого зловещего документа:

"Статья 1. Все без исключения евреи, находящиеся на территории города Одессы и его окрестностей, интернируются в гетто на Слободке, куда и обязаны явиться в течение трех дней, начиная с 10 января 1942 года в 8.00".

"Статья 4. Управляющие домами и смотрители домов, а также всякий гражданин, знающий какого-либо еврея, не явившегося в полицейский участок или в гетто в вышеуказанный срок, или еврея, который под фальшивыми документами скрывает свое еврейское происхождение, обязаны немедленно заявить о том в письменной форме в

районный полицейский участок (стол военной юстиции), указав место, где скрывается такой еврей".

"Статья 5. Лица, которых касается содержание статьи 1 и которые нарушают распоряжение, изложенное в ней, будут подвергнуты смертной казни, если будет установлено, что они упростируют в подчинении настоящему приказу".

Приказ был подписан генералом Т. Петреску и военным юристом подполковником К. Солтану. Даже юриста привлекли.

И снова начались сборы...

На окраине Одессы, на Слободке, за железнодорожным мостом, стоит огромное здание. До войны в нем помещалось общежитие Водного института, после войны и по сей день — экипаж Высшего мореходного училища. А с января по июнь 1942 года это было еврейское гетто.

Здание и сегодня огорожено тем самым забором, и у тех же ворот стоит дежурный курсант. Тогда эти ворота охраняли румынские солдаты. За определенную плату они пускали на территорию гетто жителей Слободки, и с утра до вечера во дворе нашей новой тюрьмы шумел настоящий базар. За оккупационные марки или в обмен на какую-нибудь вещь можно было получить миску супа, вареники или пару пирожков. Все это жители Слободки привозили в гетто в укутанных тряпками кастрюлях.

Наша семья расположилась в комнате, куда набилось человек двадцать. Отец успел занять стол у окна. На нем спали я и сестра. Позже мать велела нам уступить стол беременной женщине, а самим лечь с ней и с отцом на пол. Однажды ночью я услышал сдавленный стон, а потом жалобный писк. Утром мы узнали, что на нашем столе родился мальчик.

А зима тогда была лютая, морозы доходили до тридцати градусов. В эти страшные холода людей начали выгонять на этапы.

Вскоре по гетто поползли слухи, что угоняемых со Слободки евреев везут в грязных товарных вагонах до станции Березовка, откуда местные полицаи гонят их на расстрел. Местами расстрелов называли села Одесской области: Мостовое, Богдановка, Доманевка.

В день этапа жителей Слободки в гетто не пускали. Во двор въезжали подводы, из всех комнат неслись плач и крики. Старики раскачивались в молитвах, призывая на помощь Б-га, обезумевшие матери металась по этажам, стараясь спрятать куда-нибудь детей.

Но ничего не помогало. Намеченных румынской администрацией к отправке солдаты находили на чердаке, вытаскивали из уборных, выволакивали из подвалов. Упавших били прикладами и силой усаживали на подводы.

Этап трогался по скрипучему снегу, и на несколько дней наступало затишье.

В конце января в гетто началась эпидемия сыпного тифа. Подводы стали приезжать не только за живыми, но и за мертвыми. Почти каждый день из гетто вывозили горы трупов.

Заболел тифом и я. Потом мать. Потом сестра. Отец ухаживал за нами, насколько ему позволяли костыли.

Больных румыны не трогали. Для них был выделен верхний этаж, где хозяйничали врачи из заключенных с белыми повязками на рукавах и красным крестом на повязках. Помню профессора Срибнера, в пенсне, доктора Сушон, доктора Турнера. И еще — "Олю с термометром". У этой энергичной женщины был единственный на все гетто термометр. Не доверяя его никому, она сама измеряла больным температуру и вывешивала для врачей температурные листки.

Когда мы немного поправились, заболел отец. Было это уже в марте, а в апреле, 17 апреля 1942 года, он умер.

Увозили нас со Слободки последним этапом. Был яркий солнечный день. За нами закрылись высокие ворота, и одесское гетто перестало существовать.

Бежавшие за подводами мальчишки свистели и бросали в нас камни. Останавливались на тротуарах и печально смотрели нам вслед прохожие. А мы отправлялись в новый скорбный путь, оставляя позади братские еврейские могилы, в одной из которых лежал мой отец...

В Березовку везли нас в грязных товарных вагонах. Грохотали колеса. Плакали голодные дети. Причитали старухи. Состав был из-под угля. И когда в Березовке открыли вагоны, мы слышали хохот: "Хлопци, хиба то жида? То ж негры!"

Отряхиваясь от угольной пыли, мы с ужасом смотрели на этих людей. В руках у них были кнуты. За спинами торчали винтовки. Очевидно, это были те самые полицаи, встречавшие зимние этапы и гнавшие их на расстрел.

Обыскав наши котомки, "хлопци" забрали приглянувшиеся им вещи и погнали нас в Мостовое.

Колонна растянулась на целый километр. Спотыкаясь и падая, теряя пенсне, плелся в колонне профессор Срибнер. Его поддерживал и помогал искать в пыли пенсне адвокат Мозберг. Шел, поддерживая больную жену, директор школы, в которой я учился до войны, Михаил Абрамович Штеренштейн. Шли женщины, дети, старики...

По мере приближения к Мостовому меня все больше сковывал страх. Рядом со мной молодая женщина вела за руку маленькую девочку. Девочка плакала, просилась на руки, но измученная мать не имела сил ее нести. Ребенок сквозь слезы говорил: "Ну понеси хоть немножко, мамочка! Все равно нас сейчас убьют!" Женщина в отчаянии прижала девочку к себе, но тут объявили привал. Полицаи пошли в село "исты", а мы, присев на околице села, затравленно смотрели по сторонам.



Охранниками к нам приставили несколько мальчишек. Возможно, это были сыновья полицейев. Уходя в село, полицейи оставили им свои кнуты. Пощелкивая ими, мальчишки хмуро поглядывали на нас: вот, мол, попробуйте только убежать! Куда могли бежать поставленные вне закона эти несчастные люди!..

Часа через два нас погнали дальше.

Миновав село, мы плелись по пыльной дороге, ожидая, что вот-вот покажется глубокий ров, на краю которого нам прикажут остановиться и будут расстреливать.

Однако Мостовое осталось позади, а мы все шли и шли, даже полицейи устали подгонять нас кнутами и криками.

Как выяснилось позже, то ли по приказу губернатора Транснистрии профессора Алексяну (Транснистрией румыны называли левобережье Днестра и захваченные ими Одесскую и Винницкую области), то ли по приказу самого румынского короля Михая Первого к лету 1942 года массовые расстрелы евреев на оккупированной румынами территории прекратились. Тех, кто остался в живых, согнанных в концлагеря, было решено использовать на различных работах. Мы шли под конвоем полицейев, не подозревая, что многим из нас вместо расстрела уготована смерть от голода, болезней, тяжелого труда, побоев...

Долгий путь из Мостового по жаркой безводной степи, с редкими привалами, грубыми ругательствами и ударами кнутов полицейев завершился под Доманевкой, на хуторе Семихатка. Здесь наш этап принял главарь местных полицейев Дорошенко — здоровенный детина в пропотевшей гимнастерке и фуражке, на которой остался след красноармейской звездочки. Очевидно, во время отступления наших войск Дорошенко дезертировал и пошел в услужение к оккупантам. В руке у него была длинная плетка, на ремне болтался наган. Осмотрев наш понурый строй, полицейи грязно выругался и объявил:

- Жиды! Я ваш бог!

Нас поселили в полевых вагончиках, но многим не хватило в них мест, в том числе и мне с сестрой и матерью. Пришлось расположиться под одним из вагончиков. С рассветом следующего дня нас погнали в поле на прополку кукурузы. Командовал нами однурукий бригадир Семен. Бежая вдоль грядок, он кричал: "Ото ж пригналы на мою

голову цих жидив! Кто ж так робить, хто!" И, нагибаясь, ловко, одной рукой он показывал, как нужно полоть. Показывал профессору Срибнеру, адвокату Мозбергу, доктору Турнеру...

Эта была не просто работа, это был экзамен. Тех, кто мог хоть как-то работать, потом отправили в Доманевку или в соседнюю с ней Карловку. Остальные, женщины с грудными детьми, инвалиды и одинокие старики попали в Ахмечетку, самый страшный концлагерь, где люди умирали голодной смертью.

Мы, я с сестрой и матерью, были отправлены в Карловку. Но хутор Семихатка запомнился мне на всю жизнь. И вот почему.

Еще на Слободке мать зашила мне в пиджачок два обручальных кольца, свое и отца. На внутренней стороне одного из них было выгравировано "Софочке от Иосифа", на другом - "Иосифу от Софочки", на обоих — дата свадьбы родителей. При обыске в Березовке полицаи колец не нашли. В Семихатке Дорошенко устроил прибывшим новый обыск. Обычно мы возвращались с работы в поле на хутор поздно вечером, когда уже было темно. В тот злополучный день, а было это на третий или четвертый день после нашего прибытия в Семихатку, нас пригнали с поля рано, часов в двенадцать пополудни. У вагончиков, похлестывая плеткой по грязным сапогам, стоял Дорошенко, чуть поодаль — еще несколько полицаев.

Когда однорукий Семен доложил, что "уси жиды на мисти", Дорошенко приказал всем нам сесть на землю, поставил у своих ног алюминиевую миску, выхватил из кобуры наган и пальнул в воздух. Все вздрогнули. Затем главный полицай взмахнул плеткой и заорал:

- Золото сдать! Найду, повишу!

Испуганные люди вскакивали на ноги, подходили к миске и бросали туда кто сережки, кто колечко, все, что осталось от прежних грабежей.

Но мне не хотелось отдавать бандитам последнюю память об отце. Я сидел позади всех, и никто не обращал на меня внимания. Осторожно распоров подкладку пиджачка, я незаметно вынул кольца и зарыл их под собой. Земля была рыхлой, с утра прошел дождь.

После обыска я успокоил мать и, дождавшись темноты, побежал к своему тайнику. Но только я вырыл кольца, как услышал зловеющий голос: "Покажь!" Это был Дорошенко. В темноте он спрятался за стоявшей у вагончиков водовозкой и наблюдал за нами.

Забрав кольца, полицай больно хлестнул меня плеткой и потащил к какому-то сараю, приговаривая: "Утром повишу! Утром повишу!"

На мой крик прибежала мать. Увидев меня в руках полицай, она бросилась ему в ноги и, целуя сапоги, стала умолять отпустить меня.

Дорошенко окружили и другие женщины, сбежавшиеся на мой крик. Они тоже просили его пощадить меня. Мать отдала ему и все деньги, вырученные за проданные еще на Слободке вещи. Полицай смилостивился. Толкнув меня к матери, он снова стегнул меня плеткой и процедил: "На, бери своего жидка!"

Так я избежал виселицы...

И вот - Карловка. Пока мы брели по размытой дождем дороге, жители села, молча стоявшие у своих хат, смотрели нам вслед. Уже за селом нам повстречалась девочка, погонявшая палкой корову. Поровнявшись с нами, она вдруг сказала:

- Гонют их, гонют. А за шо? Воны ж таки самы люды, як мы!

Я остановился и с удивлением смотрел на эту девочку. Но сопровождавший нас полицаи толкнул меня дулом винтовки: "Иды!"

Концлагерь был расположен километрах в трех от Карловки, на территории бывшей свинофермы. Перед баракom, где раньше держали свиней, в котором теперь предстояло жить нам, стояла спортивная "кобыла". Старожилы лагеря объяснили нам, что полицаи притащили ее из сельской школы, чтобы наказывать на ней заключенных. За малейшую провинность человека привязывали к кобыле и секли кнутом.

В первый же день с нами провел беседу староста лагеря бессарабский еврей господин Абрамович. Слушали его внимательно, вытянув шеи. Из этой беседы мы усвоили главное: будем плохо работать, нас познакомят с "кобылой".

Заключенные карловского концлагеря строили дорогу. Матери дали тачку, мне и сестре — лопаты. Мы насыпали в тачку землю, и мать катила ее по деревянным мосткам, проложенным через болотистую местность, к насыпи, по которой должна была пройти шоссейная дорога.



Место массового расстрела у с. Богдановка.

На стройке работали в основном женщины и дети. Кормили раз в день супом из гнилой картошки. Повариха мадам Ванштейн привозила этот суп на повозке, рядом с ней на облучке сидел господин Абрамович. Во время раздачи обеда староста следил за порядком. Если кто-то из детей пытался пройти без очереди или, что еще хуже, просил добавку, господин Абрамович пускал в ход палку...

В конце месяца выдавали паек: две кружки грязного пшена и столько же кукурузной муки. Спасали близкие колхозные поля, на которых, с риском для жизни, ускользнув ночью из лагеря, можно было вырыть пару картофелин или наломать несколько початков кукурузы. Того, кто попадался на этом, секли на "кобыле" до смерти.

За порядком на стройке следил полицаи Стефан, любимым выражением которого было: "Маешь задницу? Двадцать пять!" Это означало, что в любой момент

Стефан может наказать провинившегося двадцатью пятью ударами кнута. Если узницы не так быстро катили по мосткам тачки, Стефан безжалостно полосовал их спины. Он же проводил экзекуции на "кобыле".

Была в карловском концлагере так называемая "комната голых". Несчастные лежали на нарах, прикрытые грязным тряпьем, и ждали неминуемой голодной смерти. Поскольку они не работали, им не полагался паек. Некоторых подкармливали работающие родственники, одинокие же были обречены.

Каждое утро к "комнате голых" подъезжала скрипучая повозка, запряженная парой волов. Медленно слезавший с нее старый одноглазый Гершман входил в барак, вытаскивал оттуда нескольких мертвецов, укладывал их на повозку и увозил. В лагере не говорили "умер" — говорили "Гершман забрал".

Жившая в "комнате голых" женщина, которую звали Муза, по вечерам читала "голым" по памяти Пушкина, Лермонтова, Некрасова, рассказы Чехова и Зощенко. Читала так, что обитатели барака забывали о своих страданиях. Слушать Музу приходили люди из других барakov. Кто-то приносил ей картофелину, кто-то кусочек мамалыги, она делилась этим с соседями по нарам. Не знаю, кем была Муза до войны, актрисой или преподавателем литературы. Но своим чтением она многим спасала жизнь...

Зимой 1943 года в карловский концлагерь пригнали цыган. И до самого освобождения нас объединяло с ними одно — горе, разъединяла — смерть.

В начале марта 1944 года до лагеря стал доноситься отдаленный гул. Это приближался фронт. Исчезли вдруг полицаи. Реже стал появляться господин Абрамович. А вскоре через Карловку потянулись отступающие немецкие войска. Шли они по выстроенной нами дороге. А мы, прячась в кустах, наблюдали за ними. Это были уже не те немцы, которых я видел в первые дни оккупации в Одессе. Те даже на румын смотрели с презрением. Эти шли, опустив головы, и многие, как и мы, были в лохмотьях.

Как-то вечером в наш барак вбежала цыганка:

- Ховайтесь, в Карловке власовцы. Узнают, что вы евреи, постреляют!

О власовцах шла дурная слава. Говорили, что, отступая, они сжигают целые деревни.

Несколько дней мы провели за лагерем, в глубоком овраге. Наконец, не выдержав, я сказал матери:

- Пойду, посмотрю. Может, в Карловке уже наши.

- Только будь осторожен, — попросила мать.

Со мной пошла сестра.

Не успели мы вылезти из оврага, как увидели двух всадников. На плечах у них были погоны. Мы бросились назад, но всадники заметили нас и закричали:

- Эй, ребята! Немцы в селе есть?

Мы остановились. Всадники подъехали ближе. На их ушанках были красные звездочки.

Наши!

Это произошло 28 марта 1944 года.

А через несколько дней — оборванные, грязные, счастливые — мы шли за наступающей Советской Армией домой, в Одессу!..

Î ò ðàààéöèè

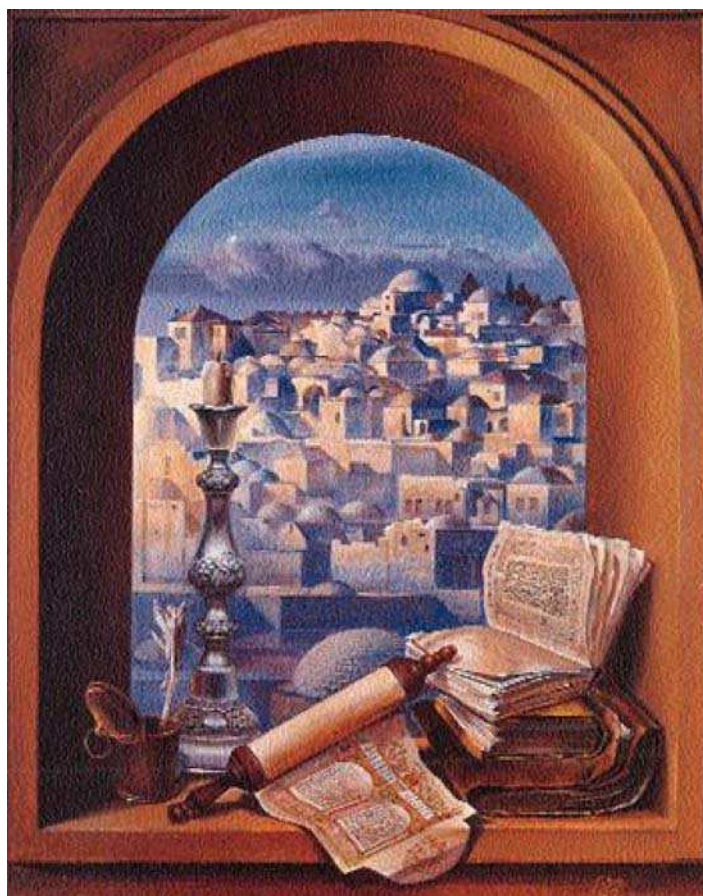
Î ðàààé äàéùù äéöàé ðàààà ààòîðîèöàò à îéùù à à ðàààéöèè:

Î àéîéüèî ðèîà î ðààà ðààéèù à 1930 ààò, à Îààùà Î î îàðàçààî èð ðàààé è îààààð-îàààéé. Îùèà àéíù îùòüèè à îðààòàîð öéîé, îòîî çàî-îî çàéîî-èè Àùùàà îðààòàîà ó-èèèà Ñ 1946 îî 1998 àà îððààîòàè à ×àðîî îðèè îàðòîààòàà ò.à 52 ààà 32 èç îèò îéààè ðààðèè îàààéèî îà îéààîðèè ðààà. Îðààà, èàé ààðà î îà î îà ðàç çàèðààèè çàààî è-îð àèç, îî ÿò îð ààéùù àü òàî à Àî ààà ÿ Õààèàà ààîé àéíù î àèàò Èðàèèà è Àèîîî àüè îà Ñóçéè èàîàèà Î îà ðàç àúàè àü Àùòîàà à èîàà òàî öèà àéîà, àüè îà àéîéèðààî îé àî àðèèà òàî è Èòàà è àü î îàèò àðàèò "àü-èò" òî-èàò îéàî àòù.

Ñàé-àñ èçàðàî çàî ààèòàèà îðààààòàèü Àùèðàèèèé è Îààèèé äàè îàéùù îé àùùèàòèè àààà — àúàèò óçéèîà àòòî è îàèèòèèè èîîèàààè. Îèòò àùùèèèàéü î îàòà ðàààîî îðèèè, òààù îî îà îàòîðèèè à àúààà ...

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

І.Е. А'ТД



Еле дышит Иудея. Под пятой римского владычества стонет благословенная страна.

Пророки на крестах. Глубоко в груди таится свободное слово, боясь прорваться наружу.

И только палачи, продавшиеся за золото и почести римлянам, распинают свой народ в угоду победителям...

Истекает кровью раздавленный народ.

Но в иссохшей груди еще теплится надежда. В потухающем взоре Израиля иногда еще разгорается яркий огонек: с привыкших к молчанию уст срывается порой одно имя...

И это имя, как вихрь, проносится по истерзанной стране.

Как искра соломѹ, оно зажигает сердца и взоры.

Это имя — рабби Акива.

Дряхл и согбен старый рабби - ему сто десять лет.

До сорока лет своей жизни он пас стада в горах Ливана. Потом он стал пасти стадо Израиля...

Когда же враг наложил свою железную длань на Иудею, старый рабби пошел в народ.

С котомкою на плечах, с посохом в трясущейся руке, он шел от села к селу, от хижины к хижине и везде будил сознание в сердцах побежденных.

Слова старого рабби жгли, как огонь.

И шел за своим старым рабби народ Израиля.

Шли седые старики, горя жаждой свободы, как юноши.

Шли юноши, могучие, как львы. Шли женщины и девы, прекрасные, как газели, вселяя песнями отвагу в сердца воинов.

Шли храбро и бестрепетно, во главе со своим старым рабби.

Богат Папус. В доме прокуратора он свой человек и, не в пример другим, допускается каждый день пред светлые очи наместника Цезаря.

Каждый день он наедине с прокуратором беседует о судьбе Иудеи.

И после каждой беседы еще тяжелее опускается железная рука прокуратора на Иудею.

После каждой беседы с Папусом новые кресты вырастают на Голгофе, и зловонные ямы, называемые тюрьмами, наполняются узниками.

Знаменит Папус. Вся Иудея знает его имя, и каждая мать, укладывая спать своего ребенка, говорит:

- Помолись, дитя, пред сном Г-споду Б-гу. Помолись, чтобы он избавил страну от злодеев-римлян и от Папуса.

И однажды с Папусом встретился великий старец, рабби Акива.

Случилось это весной на берегу Иордана. Благоухали мирты. Распусkaliсь смоковницы. Небо радостно улыбалось и друзьям, и врагам, и победителю, и побежденному. Тихо плескалась и журчала святая иорданская волна.

В этот радостный весенний день столкнулись лицом к лицу изменник Папус и рабби Акива.

Первой мыслью Папуса, когда он увидел рабби Акиву, было: "Как жаль, что случайно отлучилась стража. За этого рабби какую награду я получил бы от прокуратора"...

В то же время рабби Акива подумал: "Как хорошо, что ученики не со мною. Они, наверное, не сдержались бы и пролили кровь"...

Потом они заговорили между собой. Первый начал Папус:

- Правда ли, рабби, что ты стоишь во главе иудеев? Что ты вдохновляешь Израиль идти против римлян?

- Правда, — ответил рабби Акива.

Папус подумал несколько минут, потом сказал:

- Слушай, рабби! Ты стар и мудр. Неужели же ты не понимаешь, что, поднимая слабый, раздавленный народ на грозу мира, на железных римлян, ты ведешь свой народ на заклание? Неужели ты своими ясными мудрыми глазами не предвидишь гибели восставших? Неужели не слышишь воплей матерей, плача детей? Ведь ты так стар! Ведь ты так мудр!

Улыбнулся старый рабби и сказал:

- Я расскажу тебе сказку, Папус. Слушай! У одного человека был драгоценный камень. Он берег его пуще ока, пуще жизни, но все-таки не уберег. Однажды ночью на дом этого человека напали разбойники и забрали драгоценный камень. И вот на следующий день ограбленный на все свое золото нанял воинов и пустился с ними разыскивать разбойников. Как ты думаешь, Папус, хорошо поступил этот человек?

- Превосходно! — воскликнул Папус. — Я поступил бы так же.

- Хорошо, Папус, ты прав! — сказал рабби Акива. — Теперь слушай. У нас был драгоценный камень — свобода. Кроме драгоценного камня, у нас еще есть золото — наша жизнь. И вот, римляне пришли к нам и отняли у нас драгоценный камень.

- Но ведь вас всех перебьют. Вы все умрете, не увидев своего драгоценного камня.

Но спокойно сказал старый рабби:

- Все пути ведут к одному — к смерти. Один из них усыпан цветами, и по ним идешь ты и те, кто с тобой... Другие покрыты терниями, и по ним идут труженики и борцы. Но конец один. Не все ли равно, кто с какой стороны подошел к нему?

В это время издали показались ученики рабби Акивы, и Папус поспешил уйти...

Через несколько дней они встретились опять... в тюрьме.

Рабби Акива был взят в бою. Стодесятилетний старец во главе двадцатичетырехтысячной армии пришел на помощь могучему Бар-Кохбе.

Как пылкий юноша, он устремился в самую гущу боя, и его седые волосы, как знамя, развевались впереди бойцов.

Его взяли в плен у трупа сраженного Бар-Кохбы и заключили в тюрьму в ожидании казни.

В тот же день был заключен и Папус, уличенный в каком-то плутовстве, и тоже был приговорен к казни. Казнить их должны были в один день.

И на лобном месте встретились опять изменник и рабби.

- Все пути ведут к одному концу, — сказал, улыбаясь, рабби.

Папус поник головой.

"Ni aõ ñläë ööí", 1912

Ī öääëäöë D. Ntētātātā

БЕСЕДЫ С ВЕЧНЫМ ЖИДОМ

בְּעִי אֶת־אֱלֹהֵינוּ אִי אִי



Впервые опубликовано в книге "У рек вавилонских. Почти веселая книжечка для евреев". Мюнхен, 1920. На русском языке не публиковалось.

1

Примерно год назад я в Мюнхене встретил Вечного жида.

Он сидел в кафе "Одеон" и читал "Франкфуртер Цайтунг". Я глазам своим не поверил. Элегантно, но не очень модно одетый, тщательно выбритый, с черной английской бородкой и небольшим брюшком. Такого человека можно было бы встретить на театральной премьере, в ресторане, на скачках. Но в его глазах был какой-то удивительный глубокий свет. И еще — у него была неповторимая манера постоянно шевелить руками.

- Добрый день, - сказал я. - Разрешите сесть возле вас?

Он пробормотал какое-то, как мне показалось, нелюбезное отклонение моего предложения. Тем не менее я сел.

- У вас скверное настроение? - спросил я.

- А почему бы у меня, собственно, не быть скверному настроению? — сердито ответил он.

Значит, у него сохранилась привычка отвечать вопросом на вопрос.

- Разве это профессия? — возмутился он. — Разве это работа? Быть символом чего-то уже не существующего? Я полнею, у меня появилось брюшко. Толстые призраки - как это нестильно. Я протестую. Не желаю быть двуногим анахронизмом.

- Я в этом не виноват, - заметил я вежливо и предложил ему сигарету.

- Не виноват! — горячился он, закуривая. — Что значит "не виноват"? Не существует ни в чем невиновных людей. Об этом говорится уже в книгах Авраама ибн

Шамуэля Абулафии. Вы знаете Авраама Абулафию? - прервал он самого себя. - Такого маленького, худенького, из Сарагосы? Он еще такой смешной в военном снаряжении.

- В военном снаряжении? - удивился я. - Но ведь Абулафия - актер?

- Этого еще не хватало! — проворчал он. - Актер! Я вижу, вы слишком зелены для серьезного разговора. - Он глубоко затаился. - Да, так вот, я хотел сказать, он тоже сначала все молот чушь, вздор о своей невинности. Он был большим каббалистом, этот Авраам Абулафия; в последний раз я видел его лет 600-700 назад. В Сицилии его провозгласили Мессией. Тогда он отправился к папе Николаю III, чтобы обратить его в иудаизм. Но папа оказался неприятным господином. Абулафии пришлось худо, его тотчас же приговорили к сожжению на костре на пьядцо в Суриано. Это был большой народный праздник. На нем присутствовал кардинал с двумя своими метрессами, много крестьян явилось со своими ослими и женами, трактирщик в тот день продал чудовищное количество вина, фенхеля, артишоков и чеснока. Костер, который удался на славу, здорово понравился метрессам кардинала, и он приказал присоединить к Абулафии еще трех евреев. Все антисемиты радовались, и обе метрессы, и крестьяне, и ослы, и был по этому поводу великий шум. А в самый последний момент пришел приказ папы освободить Абулафию, что всех весьма разочаровало. Всю ночь после этого я спорил с ним, доказывал ему и наконец убедил настолько, что во всех своих книгах он потом писал, что на свете нет ни в чем невинных людей.

Не будучи лично знаком с Абулафией, я не имел по данному вопросу ясного представления и решил уклониться от этой темы, перейти к более простым вопросам.

- Давно ли вы были здесь, в Мюнхене, в последний раз?

- Давно! - пробормотал он. - Что значит - давно? Когда я был здесь в последний раз, ваш король¹¹ сочинял скверные стихи, имел связь с прелестной особой, шепелявил и был антисемитом, ибо поэзия Гейне нравилась людям больше, чем его поэзия. Народ мог простить ему плохие стихи, но никак не прелестную особу. В те времена здесь все было за пиво и духовенство, но против искусства и красивых женщин. Отличная конъюнктура.

- То есть как это, отличная конъюнктура? — не понял я.

- Когда люди настроены против искусства, они настроены и против евреев, тогда дела мои процветают, - объяснил он. - С ростом числа плохих стихов активизируется юдофобское движение. Поэтому-то я и возлагаю большие надежды на экспрессионистскую лирику.

- Вы антисемит? — изумился я.

- Вот так штука! — изумился и он. — А кем же мне быть? Я же есть порождение антисемитизма. Бродячий, всем чужой еврей, которому голову негде преклонить, — ведь это же антисемитская фантазия. Растущая цивилизация подрывает мое право на существование. Чем меньше неграмотных, тем меньше юдофобов. Именно в Германии, которая так долго была моей самой могучей цитаделью, в последние десятилетия встречают меня все хуже и хуже, тогда как евреям здесь становится жить все лучше. Я превращаюсь в буржуа. Вы же видите: я начинаю жиреть, - заключил он с огорчением.

- Да, да, - продолжил он спустя некоторое время, - виды на будущее у меня неважные. Выживу ли я? Последняя надежда на польских землевладельцев, румынских крестьян, первосвященника племени ботокудов Далли-Далли^[2], пангермански настроенных офицеров^[3] и студентов да еще на экспрессионистских лириков.

- У вас какие-либо дела здесь, в Мюнхене?

- Дела? Конечно, дела! - воскликнул он. - Я основываю здесь антисемитскую газету.

- Вы основываете?..

- А что, мне не следует делать это? Неужели мне наблюдать, ничего не предпринимая, как под моими ногами разрушается фундамент, повиснуть в воздухе, дожидаться, выражаясь языком моей будущей газеты, чтобы меня выжали, словно лимон. С тех пор как расовая теория доказала свою несостоятельность и стало ясно, что красивые фразы о расе, особенностях крови являются бессмыслицей и нет иного критерия принадлежности к народу, кроме языка, у меня пропала всякая охота жить. Я все больше теряю свои романтические флюиды призрака. Но как легко вздохнул я, когда на свет появились "Основы" Чемберлена^[4]! Я даже спустил тогда добрую часть своего жирка. Но все это оказалось лишь игрой воображения, химерой, ни черта из этого не получилось. Пожалуйста — дородный буржуа-привидение! И мне следует мириться с этим? Я отбиваюсь, сопротивляюсь, отказываюсь от такой судьбы наотрез. Я — трагическая личность, возможно, в некотором роде, допускаю, неприятная, но все же трагическая. Так что же, мне следует стать паяцем, каким-то призраком-мыслью из летнего домика, а ля Лорелеей или Карлом Перкео^[5]? Нет? Я хочу остаться нормальным, порядочным привидением. И брюшка у меня не должно быть. Я создаю антисемитскую газету.

- А это не вызовет никаких трудностей? - спросил я робко. - Разве не найдутся немцы с духовными интересами, которые самым резким образом станут протестовать против антисемитизма? Вспомним длинный ряд славных имен - от Вальтера фон Фогельвейде и Вольфрама фон Эшенбаха^[6] до Клопштока^[7], Лессинга^[8] и Момзена^[9].

- Вы, я вижу, голова! Конечно, вы правы, нет таких. Но мне-то нужно совсем другое. Мне нужен шум, нужны радостные крики, гвалт, угрожающая чушь. Представляете, примерно так, как бывало в старое время на всевозможных диспутах. Вот это была жизнь. У евреев - аргументы, у другой стороны - кулаки.

- И вы думаете, именно в Мюнхене?..

- Я думаю? Я знаю это наверняка. Здесь есть, например, кандидат философии Марбод Тимм...

- Марбод Тимм! — воскликнул я. - Основатель Общества скифов, Союза Вотана?

- Да, и Клуба упорных "Черно-бело-красное от Сириуса до Девы" также.

- Марбод Тимма я знаю, - откликнулся я. - Хотите посмотреть на его невесту? Я сегодня приглашен к ней на чай.

Он пошел со мной.

- Каждый раз, читая "Франкфуртер Цайтунг", - сказал он, пересекая вместе со мной площадь Одеон, — я погружаюсь в меланхолию. Хороший немецкий язык для меня - нож острый. Хороший немецкий и антисемитизм — понятия несовместимые. Ах... - он внезапно прервал себя.

- Что случилось? - спросил я испуганно.

- Она колет меня! — ликующе воскликнул он и показал на булавку галстука формы свастики. — Как только, — пояснил он, — появляется нечто такое, что должно порадовать меня, доставить мне удовольствие, булавка сразу же начинает меня колоть.

Он купил на углу несколько газет.

- Вот, пожалуйста! — произнес он с триумфом, развернув "Байришен Ботен". — Разве я не говорил? Вот! Читайте! Это — немецкий язык! Я же прав! — Уткнувшись в газету, он замурлыкал благословения на древнееврейском языке. — А здесь, да вы послушайте только! — Он раскрыл страницу с фельетоном. — "Хотя Шекспиру нельзя отказать в некоторой силе воображения, следует все же отметить, что здесь его постигли бы тяжелые моральные поражения". Разве я не знал, что здесь для меня будут самые благоприятные условия! Ни крупы соли, ни одной крупы! Гёте, Геббель ^[10], Гейне — все утверждали это. Здесь я спущу свой жирок, создам свою газету! — И он самозабвенно углубился в изучение фельетона.

- Опять хорошо, великолепно! — Радостно комментировал он и указал на беспокоящую его булавку со свастикой.

Мы дошли до аркад дворцового парка со стихами Людвига I над фресками Ротмана ^[11], и булавка его галстука заплясала, как одержимая.

- Ведь это же молочные реки, кисельные берега! — ликующе возвестил он.

Он смаковал бездарный королевский дистих, приплясывал от удовольствия, восторгаясь недостатками стихотворных стоп.

- Вам не следует здесь танцевать, — сказал я мягко. — Это может привлечь внимание.

Он успокоился.

- А что касается Мюнхена, то я не советую вам так уж обобщать все увиденное. Конечно, мы не литературный город. "Оры" ^[12] Шиллера имели здесь лишь трех подписчиков, тогда как роман "Король Людвиг II, или Порфиросный мученик" ^[13] разошелся тиражом 100 тысяч экземпляров. Но зато мы и не попадаем впросак. Никак не можем попасть впросак, так как ничего никогда не замечаем и нам ни до чего нет дела. Видите ли, мы здесь уже много чего навывдумывали и научреждали. И стильную сцену, и восьмичасовой рабочий день, и ренессанс прикладных искусств, и "Одиннадцать палачей", и соленые крендели, и светлое пиво. Думаю, то же самое будет и с вашей антисемитской газетой. Просто-напросто мюнхенец не заметит ее.

Вечный жид задумчиво покачал головой, медленно разгладил "Байришен Ботен", сложил ее и сунул в карман.

- Посмотрим, - сказал он.



2

Я представил Вечного жида хозяйке дома как доктора Хаса. Гертруда Гогенлейтер окинула его осторожным, внимательным, отнюдь не враждебным взглядом; в ее привычке было так встречать человека, которого видела впервые.

- Марбод говорил мне о вас, — сказала она. - Вы переписывались с ним.

Ее широкое красивое лицо с большими светлыми глазами под поразительно темными ресницами сегодня выглядело особенно свежим, а белокурые волосы явно произвели на Вечного жида впечатление.

- Здесь мне делать нечего, — зашептал он мне, когда мы рассаживались. - Она слишком рассудительна, слишком спокойна. Ее волосы подобны стаду коз на горе Галаад, ее зубы - множеству хорошо сосчитанных овец, выходящих из купальни, каждая из них несет в своей утробе близнецов, и нет между ними яловой...

- Простите, что вы сказали? — спросила Гертруда, разливая чай.

- Сущий пустяк, милостивая сударыня, - поспешил ответить Вечный жид. - Я заметил лишь, что вы поразительно похожи на Абиталь, хазарскую княжну.

- На кого? - спросила Гертруда, удивленно подняв брови.

- На Абигаль, хазарскую княжну. Чрезвычайно приятная особа, умная, смелая, красивая, блондинка, как вы. Она искоренила старую, дурную традицию продавать детей в рабство. Это было через добрые две сотни лет после того, как хазарский хан Булан^[14] в Крыму со всем своим народом, племенем финского происхождения, принял иудаизм. К сожалению, вскоре после этого княжну убили вторгшиеся в пределы Крыма русские.

— Вы историк, господин доктор? — спросила Гертруда.

— В некотором роде, — ответил Вечный жид. — По склонностям и убеждению я — антисемит. Моя цель — показать, что все зло, которое было в этом мире, казнь Христа, эпидемии философии и сифилиса в Европе, изобретение социал-демократии и капитализма, мировая война и пацифизм, короче, все самое скверное в мире, является делом рук евреев.

— Эпидемия сифилиса? Каким это образом? — удивился я.

— Очень просто. Не окажи евреи поддержку Колумбу, он не открыл бы Америку, и сифилиса у нас бы не было. Подозреваю, что евреи оказали Колумбу поддержку лишь для того, чтобы таким вероломным образом распространить эпидемию и затем, став врачами, грести деньги лопатами.

— Я привыкла к такого рода ходу мыслей, — сказала Гертруда. Ее большие глаза потемнели, и в них заплясали искорки гнева. — К сожалению, и мой жених нахватался подобного несусветного вздора. Но Марбод слишком хорош для такой галиматьи. Я очень надеюсь вылечить его от этого недуга.

— А мое брюшко! — гневно воскликнул Вечный жид. — Мне что же остается, жиреть и становиться все более смешным для окружающих?

— Какое отношение имеет ваше брюшко к антисемитизму Марбода? — удивилась Гертруда.

— Он имеет в виду самороспуск Клуба упорных "Черно-бело-красное от Сириуса до Девы", — поспешил вмешаться я.

- Вам следовало бы стыдиться себя, - обратилась Гертруда к Вечному жида. - Человек ваших лет! Ученый! Вы должны быть выше студентов, позволяющих себе хулиганские выходки. Почему вы антисемит?

- По убеждению, - сказал Вечный жид.

— Убеждение! - с вызовом повторила Гертруда. - Евреев поносят, когда хотят дешевых эмоций. Каков повод к антисемитским дебатам? В конечном счете это всегда злоба неспособного конкурента против удачливого. Или же за этим скрываются люди, которые хотят горечь, вызванную своими ошибками и мошенничеством, сорвать на других.

- А ваш жених? — спросил Вечный жид.

- Б-же мой! Так ведь он же молод. Он вернулся с фронта. А там он так долго кричал "Долой!.." Сначала "Долой англичан!", потом "Долой нытиков!", "Долой правительство!" У него всегда должен быть кто-нибудь под рукой, про которого он мог

бы крикнуть "Долой!.." Это нужно всем молодым людям. Теперь они кричат "Долой евреев!" И он кричит вместе с ними. Это со временем пройдет.

- Он прав, — с силой сказал Вечный жид.

- Антисемитизм, - сказал я, - какая же это бессмыслица. Обобщение - всегда признак духовной косности. "Евреи виноваты во всем". Евреи! Разве нет евреев высоких и низеньких, брюнетов и блондинов, симпатичных и отвратительных? С равным основанием можно было бы сказать, виноваты во всем футболисты или те, кто носит очки. Наверняка есть много спекулянтов и ростовщиков, капиталистов и большевиков, носящих очки. Короче говоря, какое бы зло ни творилось, всегда в нем замешан кто-нибудь в очках. Разве не носят многие офицеры монокли? Значит, молодчики с моноклями создали военщину. Разве не носят многие радикалы пенсне? Следовательно, типы в пенсне предательски открыли фронт. Кроме того, в ношении очков есть что-то противное духу истинного немца. Я уверен, что древние немцы не носили очков, не могу себе представить Германа Херусского^[15] в пенсне.

- Вы совершенно правы, - горячо поддержал меня Вечный жид. - Я очень хорошо его помню. Герман Херусский, как же, как же, он всегда был чем-то занят, вечно носился с какими-то заговорами, этот толстяк, хитрец и веселый малый. Но мне не хотелось иметь с ним дела. На кого он был похож? Да, теперь вспоминаю, на князя Бюлова^[16]. Всем его сподвижникам было бы выгодно, если бы свою битву...

Ни удивленная Гертруда, ни я так и не узнали, что было бы выгодно для всех сподвижников Германа, - свастика булавки Вечного жида стала сильно плясать, и в комнату вошел Марбод Тимм.

3

Через несколько дней я навестил Вечного жида в отеле "Мариенбад". Он только что позавтракал, сидел в пижаме за столом и внимательно рассматривал что-то под микроскопом.

- Что подельваете? - спросил я его.

- Посмотрите сами, - предложил он мне.

Я посмотрел в микроскоп и увидел маленькие бело-красноватые сросшиеся друг с другом тельца, о которых ничего не мог бы сказать.

— Это грибок щизомитет, бактерия, — объяснил он. — При соприкосновении с воздухом он выделяет вещество, которое в виде кроваво-красных слизистых капелек покрывает хлеб и другие продукты питания, если оказывается на них.

- И?.. - спросил я.

- Такие бактерии время от времени появлялись на просфорах, — продолжил он. - Тогда говорили об осквернении просфор и убивали евреев. Эта бактерия погубила около 400 тысяч евреев. К сожалению, теперь это средство больше не применишь. Оно уже не действует. Даже в ритуальное убийство верят уже только в деревне, да и то не очень. Все больше сопротивления встречает то, что евреев изолируют от духовного и

общественного развития, втискивают в гетто, искусственно тормозят их социальный рост. Фальсифицированная статистика о евреях уже не действует на народ. Следовало бы найти новые способы. Жаль, что у антисемитов такая убогая фантазия.

- Отчего же? — возразил я. - А сказка о мировом господстве евреев? Сказка о еврейском материализме? Сказка о еврейских масонских ложах? О мировой войне, развязанной ими? О еврейской революции?

- Да, конечно, - подтвердил он. - Однако уж больно плохо придуманы они, эти сказки. С одной стороны, они маловероятны, с другой - недостаточно глупы. Хотя бессмыслица в них и наличествует, но нет метода. Вот хотя бы: если они утверждают, что капитализм — это средство, с помощью которого евреи губят Германию, то нельзя же одновременно уверять, что социализм - это средство, с помощью которого они Германию разлагают. Чему-нибудь одному из двух народ, пожалуй, и поверил бы; но поверить обоим утверждениям - нет, для этого массы не так уж глупы.

Он сидел мрачный в своей красивой фиолетовой пижаме. Полный, тщательно выбритый господин с черной английской бородкой...

- Тяжелые времена, — заговорил он снова. - Раньше здесь, в Германии, у меня было отличное поле деятельности. Теперь евреи так органически вросли в немецкую культуру, что мое существование потеряло смысл. На чем, собственно, основывается оно сейчас? На последних, жалких остатках гетто. Пожелай кто-нибудь вырвать евреев из немецкой культуры, все строение рухнет.

- Вы преувеличиваете.

- Лишь немного. Антисемиты заметили это уже давно. Поэтому-то они и топчутся вокруг всего, что относится к духовному, к искусству, к культуре. Они рассчитывают именно здесь более уверенно поразить евреев. Один из них уже доказал, что Гёте — из евреев.

Он вновь посмотрел в микроскоп на удивительных бактерий.

- Знаете ли вы, что такое гематрия? - прервал он себя внезапно. - Цируф? Нотарикон?

- Да, что-то связанное с мистической игрой числами. Каббалисты переставляют буквы в имени Г-спода, в библейских стихах, замещают их цифровыми значениями и тому подобное.

- Игра числами! — возмутился он и отодвинул стоящую перед ним пепельницу. - Глубочайшая тайна каббалы, и вдруг игра числами!.. Вот моя последняя надежда, - сказал он после небольшой паузы. — В Библии много говорится о "бодливом быке" и о том, как с ним поступать. — Он придвинулся ко мне поближе и таинственно произнес: - Если я численное значение слов "бодливый бык" увеличу в три раза, то получу численное значение слов "венец юдофобства".

- И что же все это даст? — поинтересовался я.

- Обратите внимание на загадочную связь между "бодливым быком" и юдофобством! Вождем великого движения юдофобов в 1298 году был человек по

фамилии Риндфлейш, франкфуртский антиеврейский мятеж в 1614 году возглавлял некий Феттмилх. Видите, вот она связь между крупным рогатым скотом и антисемитизмом. Недостаёт ещё третьего "бодливого быка", чтобы возник венец.

Он вскочил.

- Я нашел его! — крикнул он торжествующе. - Хотите посмотреть на него? Приходите вечером на Дитлингер-штрассе, 13. Сегодня вечером я создаю мою газету, а он будет ее редактором.



4

По указанному адресу меня ввели в комнату, битком набитую немецкой национальной домашней утварью. В этой комнате помещалось бюро Клуба упорных "Черно-бело-красное от Сириуса до Девы". На стенах висели могучие бычьи рога, портреты нескольких популярных генералов, изображения немца, возлежащего на шкуре медведя, и некоего трубача из Сакингена, а также фотография Тирпица^[17]. Под лампой болталась гигантская свастика из жести. Надписи на стенах гласили: "Быть немцем — значит делать дело ради самого дела", "Ежемесячный членский взнос — 1 марка 50 пфеннигов", "Я не знаю других партий — я знаю лишь одну, немецкую", "Вон жидов из нашего народного организма", "Мир излечить можно лишь немецкими лекарствами".

На массивном столе стояли огромные пивные бокалы, за столом в густом дыму сидели несколько мужчин.

Вечный жид быстро вышел мне навстречу и представил меня как своего секретаря. Мужчины что-то пробурчали, прозвучавшее как "Хэйло" или какое-то другое немецкое приветствие.

Шел спор относительно направления создаваемой газеты. Выступал Марбод Тимм. Это был молодой человек, практически ничем не отличавшийся от сотни тысяч других молодых людей Германии. На его крупном, плотном, несколько коренастом туловище сидела голова со свежим, приятным юношеским лицом, которое не было ни умным, ни глупым. Черты лица пока еще не говорили, обстоятельствам или сильной воле предстояло наложить на них свой отпечаток. Теперь на формирование его личности мог повлиять Вечный жид.

- Человек возвращается с фронта, — говорил Марбод. - Он имеет право претендовать на уютный уголок для отдыха. Но все теплые места уже заняты евреями. Кто сидит в кабаре с девушкой? Кто зарабатывает деньги? Кто получает выгодные должности у правительства? Евреи. - Тим делает озлобленное, обиженное лицо. - Паразиты жрут досыта, а народ - хозяин страны голодает. И не остается ничего другого, как только ругать евреев.

- Ругать мало, — включился ворчливый бас, принадлежащий Францу Ксаверу Остербихлеру, старшине южной группы старогерманских сельских общин, тучному господину с красным лицом и большими мокрыми от пива усами. - Вот потому-то немецкий народ и разорился, что пренебрег девизом своих великих предков. Каким именно? "Не думать! Бить!" - Он тяжело уселся.

- Ваши речи - Г-споду слушать! — ликовал Вечный жид.

Господин Бодо фон Цекенфельд выпил за здоровье господина Остербихлера. Разумеется, шампанское — из большого пивного бокала за счет Вечного жида. Тощий и дряхлый фон Цекенфельд издавал некогда киножурнал, потом - спортивный, затем из-за какой-то темной операции с векселями на несколько месяцев исчез и вот сейчас перебивался тем, что играл в пропагандистских фильмах роль элегантных торговцев девушками. Наконец, он не без основания решил, что его имя - существовала красивая легенда о его предке рыцаре-грабителе, которого с большим трудом удалось изловить и повесить - будет благосклонно принято народным движением.

Из-за стола поднялся высокий человек с худым фанатичным лицом, отдаленно напоминающим лицо Гёте или Герхарта Гауптмана^[18], в действительности же более похожим на посредственно одаренного *pere noble*^[19] из провинции.

- Посмотрите на него! - возбужденно зашептал мне Вечный жид. - Вот он, бодливый бык. Риндледер, доктор Иоганнес Борромеус Риндледер. Риндфлейш - Феттмилх - Риндледер^[20].

- Я думаю, - начал доктор Риндледер, - что руководящая линия, которую я проводил в своих "Основах культуры", должна быть определяющей в любом целеустремленном немецком движении. Все благое на этом свете, по существу, может происходить исключительно от германцев. Опираясь на учение Чемберлена, я доказал, что не только великие итальянцы Ренессанса, не только творцы Библии были германцами, но и великих китайцев Конфуция и Ли Тайбо следует рассматривать как отпрысков германцев, попавших на Дальний Восток. Если в последующем путешествия Марко Поло будут документально подтверждены...

- Кстати, о Марко Поло, - сказал господин фон Цекенфельд Вечному жида. - У меня еще стоят в Дюссельдорфе два вагона чая. Если они вас интересуют, цена loco^[21]...

- Что мешает нам предполагать, — продолжал доктор Риндледер, - что уже в древнейшие времена германцы при своей страсти к бродяжничеству пронесли свою кровь к китайскому побережью? Мы, таким образом, имели не только священные права на совершенно обоснованный инстинкт экспансии, вступления во владение Цзяочжоу, и это было настойчивой потребностью, это был голос крови, в известной степени акт ирреденты^[22].

- Я всегда стоял за здоровую колониальную политику, - заметил Франц Ксавер Остербихлер и ударил кулаком по столу. - Однако разумные государственные деятели должны принимать в расчет и обоснованные требования отдельных областей своего государства. Очевидно, что китайские земли необходимо передать не империи, а Баварии. Последняя должна получить свою часть Австрии. Я просто представить себе не могу Китай иначе, чем под управлением Баварии!

- Члены марки, братья по общине! — обратился к присутствующим Вечный жид. — Мы отвлекаемся от основного вопроса, нам надо прежде всего выбрать название для газеты.

Посыпались предложения: "Железная розга", "Око Одина"^[23], "Хромающий областной курьер", "Одноглазый", "Генеральный вестник нибелунгов", "Звучащий рожок", "Бездельник из принципа". Доктор Риндледер пробился со своим названием: "Кулак правды".

- Обращаю ваше внимание, друзья по общине, что в этом названии не только символически показана жажда деятельности германца, но и его фаустово устремление, - пояснил он. — Подобная игра слов^[24], значительно более непосредственно вскрывающая душу вещи, нежели скучный анализ так называемой науки, является излюбленным приемом, используемым как Немцем Рембрандтом, так и Чемберленом.

Господин фон Цекенфельд стал обсуждать комиссионные, которые он рассчитывал получать за распространение "Кулака правды". Вечный жид был весьма доволен тем, что Иоганнеса Борромеуса Риндледера выбрали редактором газеты.

- Его телефон 60-746, — зашептал он мне. — Если цифры заменить древнееврейскими буквами с учетом их места в алфавите, получится "Венец юдофобства" или "Бодливый бык".

После чтения отрывков из германской Библии - "Основ" Чемберлена доктор Риндледер произнес речь, вершиной которой явилось заверение, что мир можно излечить лишь немецкими средствами. Это чрезвычайно воодушевило Марбода Тимма. Потом все пели тевтонские бардиты. Лучшее всего бардит удался господину фон Цекенфельду: "Девчонка мала, девчонка мила, фокстротная девчонка моя, когда-то должен быть первый раз, гип-гип-ура!". Доктор Риндледер спел бардит о Фенрисвольфе, высывающем язык, и об Эше Игдрозиле^[25], корни которого он оросил. Франц Ксавер Остербихлер спел бардит о баварских героях: "Когда мы спим с нашими девчонками, мы уподобляемся нашему королю".

Вечный жид сопровождал бардитам на рожке.

Вечный жид пригласил меня выпить с ним по случаю учреждения газеты.

Мы сидели в редакции газеты "Кулак правды", прежнем бюро Клуба упорных "Черно-бело-красное от Сириуса до Девы". "Календарь-свастика для немецкого движения" на стене показывал седьмое эглфинга^[26].

На столе было много юдофобских книг и брошюр на всех языках мира. Тут же стояли микроскоп с грибком шизомитета на предметном стекле, старинные сапоги ландскнехта и прочее в том же роде.

Мы пили вино и курили.

- Ненависть к евреям - это Голем^[27]. Достаточно сунуть ему под язык таблетку-амулет, чтобы он сразу же встал и начал бродить. Он вне этических оценок. Он - болезнь духа, восставшая против него. Материя, похоронившая под собой дух. Необходимость, закон природы. Видите вы этот сапог? - спросил Вечный жид, указывая на старинные сапоги ландскнехта, стоявшие на столе. - Я всегда интересовался сапогами, - засмеялся он. - Вы же знаете, я обувной фабрикант^[28].

- Так чем же они замечательны, эти сапоги? - поинтересовался я.

- Посмотрите внимательно на подметки, - предложил Вечный жид. - Видите, они из пергамента. На них можно даже разобрать древнееврейские буквы. Сапоги изготовлены примерно в 1300 году, когда святой отец Бернгардт Клерво призывал к крестовому походу. О! Какие это были отличные времена! Евреев убивали в неисчислимом количестве, их книги сжигали или из этих книг вырезали подметки. Эту пару сапог заказал себе шевалье Кретъен де Отелок, который собственноручно убил двадцать семь евреев, не считая женщин и детей, а затем отправился в Святую Землю. В этих сапогах с подметками, вырезанными по его приказанию из пергамента свитка Торы. Если вы всмотритесь, то разберете, пожалуй, отдельные буквы. Это текст из Пятой книги Моисея: "Не притесняй пришельца в своей стране и не относись к нему жестоко. Ибо пришельцем был ты в стране египетской".

- Да, — продолжал он, — в этих сапогах шевалье отправился бить сарацинов, и все грехи были отпущены ему заранее. В те времена я добросовестно помогал святому Бернгардту и всем, кто проповедовал крестовые походы, Фернандо Мартинесу и Винченце Ферреру. Немало труда вложил я в то, чтобы в прошлом и этом годах в России, Польше, Румынии ксендзы и попы забыли на время Нагорную проповедь и стали призывать к избиению евреев, разграблению их имущества. Я всегда находился в самой гуще, во всем этом, если можно так выразиться...

- Понятие переселения душ мы переняли у индейцев, - говорил, по-видимому, без всякой связи с предыдущим Вечный жид, - и перенесли его в Европу. - Он усмехнулся. — Это у нас азиатское.

Его слова стали доноситься до меня как бы издалека, и опять в комнате мы были с ним не одни. За столом сидели ландскнехты, они бражничали, угрожающе жестикулировали, лица у них были разные — и красные, добродушные, и грубые, неотесанные, и он, Вечный жид, сидел между ними, пил их здоровье. Что это был за странный народ, с которым он пировал? Все больше людей теснилось у стола. Лысые, тощие фанатичные священники, толстые попы с бульдожьими физиономиями и всякий сброд, субъекты с тупыми лицами и звериными повадками, в одежде румынских крестьян и русских казаков. И все они говорили, вопили, ругались, широко раздирая рты, клялись, орали, злобно кричали... совершенно беззвучно.

Затем стены комнаты раздвинулись, и перед моим взором раскинулась огромная полная крови и дыма площадь. На этой площади жгли горы древнееврейских книг, на гигантских, сложенных до небес кострах горело, обугливалось бесчисленное количество тел людей; священники пели "Gloria in excelsis Deo"^[29]. Мужчины, женщины, дети брели через площадь — голые или в лохмотьях, и ничего у них не было с собой, ничего, кроме трупов повешенных, колесованных, обугленных, разъятых на куски, ничего, кроме трупов и разорванных, оскверненных, загаженных нечистотами книг. А за ними следовало несметное множество людей — мужчин, женщин, детей — в современной нам одежде. И голоса пели: "Многоводны реки Евфрат и Тигр, бессчетны волны, бегущие из них в море, но еще более мощны потоки крови, пролитые Израилем для освящения Имени".

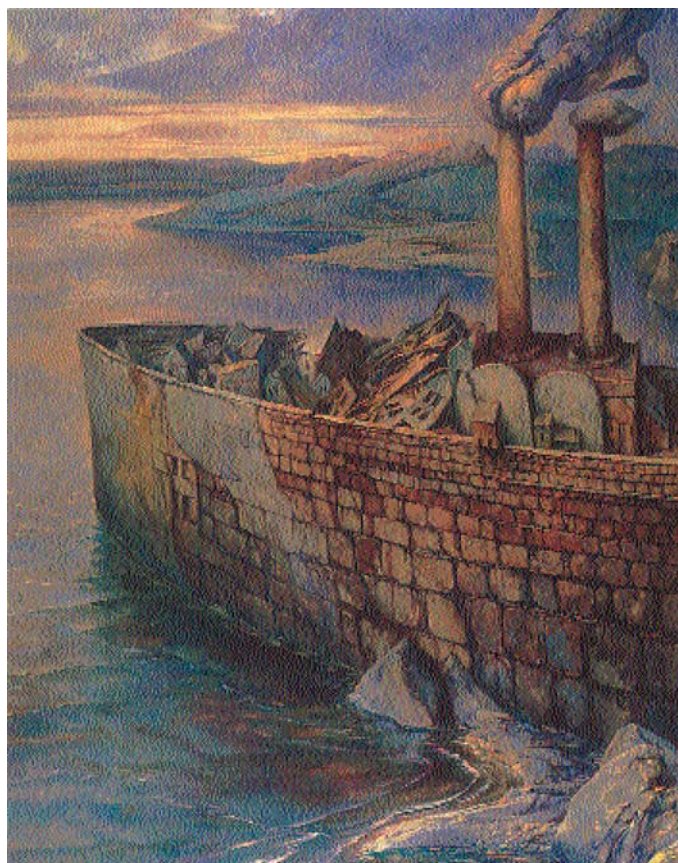
Огромная площадь стала уменьшаться, и вот она съежилась до прокуренной комнатки редакции, я снова увидел Вечного жида за стаканом вина с сигарой в руке.

- Смею засвидетельствовать, — говорил он, — я честно выполнял свой долг. Все, что можно было сделать, я делал. Стоило где-нибудь проявиться самой малой глупости, тотчас же возникал я и начинал сверлить, буравить до тех пор, пока не давал этой глупости правильное направление, пока дело не кончалось избиением евреев, их изгнанием. Я не гнушался ничем, ничего не оставлял без внимания: грибок шизомитет, мертвые христианские дети, выдаваемые мною за жертвы ритуального убийства, офицеры пан-Германии и жаргон, и русские попы, и отравленные якобы евреями колодцы, и студенты со свастикой на рукаве, и казаки, и, наконец, подтасованная статистика о евреях. Я натравливал, лгал, клеветал на протяжении двух тысяч лет так, что даже шовинизм, разыгравшийся вокруг мировой войны, по сравнению со всем этим был самой трезвой объективностью. И я вправе сказать: все, что могло свершиться, свершилось.

Но, как видите, несмотря ни на что, мое брюшко все же растет. Со времен Лессинга и Наполеона оно постоянно растет. Думаю, скоро мне придется отправиться на покой.

Я не мог больше следить за ходом его мыслей. Еврей-мученики, еврей-космополиты, сапоги ландскнехта, пангермански настроенные офицеры, миннезингер Зюскинд из Тримберга и святой Бернгардт из Клерво, грибок шизомитет и Чемберлен, студенты со свастикой на рукаве — все это смешалось, перепуталось в моем сознании. Кто он, сидящий передо мной господин с двусмысленной усмешкой на губах - доктор ли А. Хас, редактор ли газеты "Кулак и правда", символ народа, нигде не укоренившегося, вечно кочующего, искусственно изолируемого антисемитами от духовной жизни страны, в которой поселился?

- Если вы не возражаете, я открою окно, — сказал он вдруг. Тщательно выбритый, с черной бородкой, небольшим брюшком. Казалось, такой человек мог быть завсегдатаем театра, ресторана, скачек. Но его глаза излучали какой-то удивительный глубокий свет, и он обладал неповторимой манерой шевелить руками...



6

Ко мне пришел Марбод Тимм.

- Вас, вероятно, удивляет мое появление, - сказал он.

Его красивое юношеское лицо выражало смущение.

- Не могу отрицать, - признался я.

- Собственно, меня прислала Гертруда. Она посоветовала поговорить с вами откровенно.

- Пожалуйста.

- В немецком движении не все в порядке, — начал он.

- Неужели?

- Само по себе движение правильное, справедливое. Почему же его нельзя вести честными методами? У нас есть писатель Вернер Коц. Вы, вероятно, читали его статью о Лессинге, она была напечатана недавно, когда мы добивались, чтобы театр отказался от постановки "Натана"^[30].

- Нет, не читал, — сказал я.

- В этой статье утверждается, что настоящая фамилия Лессинга — Леви. Что вы скажете на это?

- Я? Что это вздор!

- Вас совсем не удивляет это утверждение? Оно совершенно неправдоподобно.

- Конечно. Я ему и не верю.

- И подумать только, этот Коц, до того как включиться в народное движение, пытался писать для "Франкфуртер Цайтунг" и "Берлинер Тагеблат". Но обе газеты отказались его печатать.

- Значит, и там не оценили достоинств его германского стиля.

- Во всяком случае, многое здесь кажется мне сомнительным. Я уж не говорю о том, что фон Цекенфельд опять находится под следствием в связи с растратой, а доктор Иоганнес Борромеус Риндледер отправлен в дом для умалишенных.

- Скверно, — сказал я. - Раньше его причислили бы к лику святых.

- Почему, черт возьми, среди поборников этого движения нет порядочных людей?

Я пожал плечами.

- Ведь раньше дело обстояло иначе, — говорил Марбод. - Тогда против евреев писали такие люди, как Мартин Лютер. Его монументальное полемическое послание "О евреях и их лжи" - просто молитва человека, преданного немецкому движению.

- Лютер? — усмехнулся я и взял томик с книжной полки, томик с сочинением Лютера "О том, что наш Бог Иисус был рожден еврейкой". - Посмотрите, пожалуйста, - я открыл книгу, — вот здесь: "Наши дураки до сих пор так обращались с евреями, что человек, будь он добрым христианином, предпочел бы, пожалуй, стать евреем. А если бы я был евреем и видел, как иной остолоп правит и поучает, то скорее согласился бы стать свиньей, чем христианином".

Марбод стоял растерянный:

- Значит, Лютер писал так?

- Похоже, что так.

- Я должен вам признаться, — немного подумав, с очень шедшей ему смущенной доверчивостью сказал он, — странно у меня складывается с евреями. Иногда тот или иной еврей представляется мне настолько симпатичным, что, кажется, я смог бы всю жизнь поддерживать с ним хорошие, дружеские отношения. А потом вдруг встречаешь такую бестактную личность, и подхалимскую, и заносчивую одновременно, что от всей души хочется присоединиться к лозунгу "Вон из страны всю эту банду!"

- Дорогой господин Тимм, а разве с христианами у вас не получается точно так же? -спросил я.

Он молчал, не зная, что ответить, и я добавил:

- Видите ли, замеченные вами у отдельных евреев такие, как вы считаете, еврейские черты — некоторая заносчивость, униженная назойливость, ничего общего с сущностью евреев не имеют. Это лишь следствие гетто, унижения, длящегося сотни лет, изоляции, порабощения, тяжелым бременем подавивших евреев немецкого средневековья.

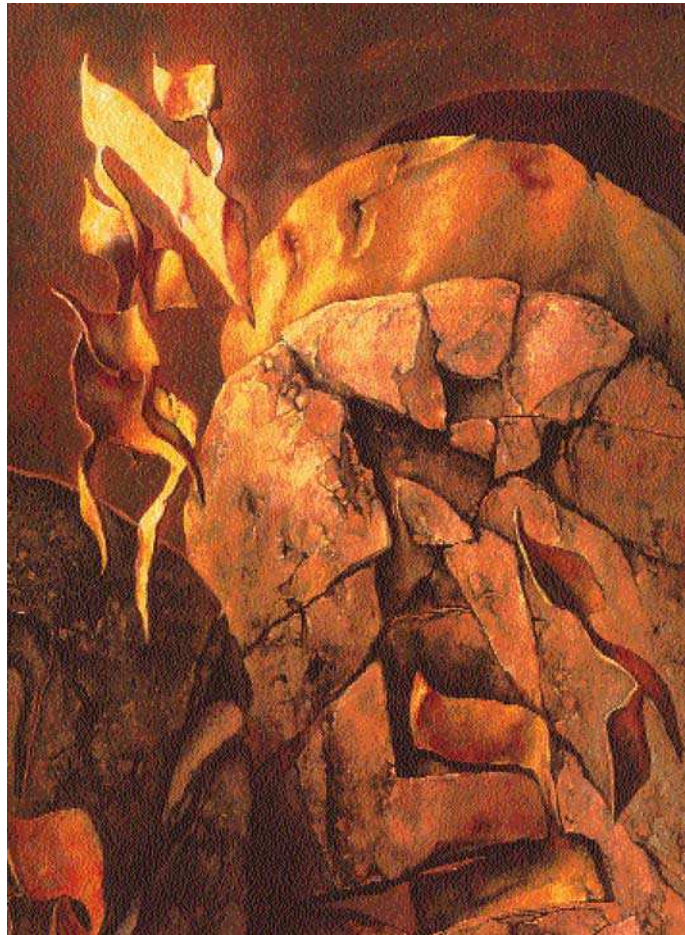
- Но ведь должно же быть какое-то реальное основание для того, чтобы народ испытывал такое отвращение...

- Отвращение? Народ? На сто десять немцев в стране приходится один еврей. Очевидно, что лишь небольшая часть народа знает евреев лично. Но на каждого немецкого еврея еженедельно приходится сотня экземпляров антисемитских газет. Вот источник, из которого народ черпает знание о евреях. К тому же, пангерманское...

- Когда вы говорите о пангерманском, - прервал меня Марбод, - в вашем голосе столько презрения.

- Презрения? Нет, я бы чувствовал это. Скорее, сострадания. Видите ли, в школе я долго общался с детьми из ведущих пангерманских семейств. Многие из них были славными, добродушными ребятами, но посредственных способностей. Языки, история и, прежде всего, сочинение на родном немецком давались им с большим трудом, а иные были обязаны мне тем, что на год раньше обрели свободу, богобоязненно и ловко пользуясь моими тетрадками как шпаргалками. Но, удивительное дело, в спорте они всегда получали высокие баллы. В прыжках, на турнике, в перетягивании каната, вольных упражнениях они прекрасно проявляли себя, были крепкими, ловкими, умелыми. Бесспорно, это нужные качества, которые могут пригодиться на стадионе, на военной службе, их не следует презирать, общество уверено в полезности этих качеств. Но мне не понять, почему высокие результаты по упражнениям на турнике или прыжкам в длину должны быть основными качествами государственного деятеля. Отличные гимнасты и жалкие логики, они на десятилетия присвоили себе право руководить германской политикой, ведь нынче именно они являются вождями немецкого движения. Какими же беспомощными могут оказаться они, безнадежно испортив порученное им дело, когда народ единодушно воскликнет: "Долой пан-Германию!" И с каким облегчением вздохнут эти горе-руководители, если им удастся вырваться из безнадежного положения, вызвав из забвения древнего козла отпущения - *Judaeus ex machina*^[31]. Это выражение означает развязку в непредвиденных обстоятельствах. В античных трагедиях развязка иногда наступает благодаря вмешательству какого-нибудь бога, появляющегося на сцене при помощи механических приспособлений.

Тут, постучав в дверь, вошел Вечный жид.



7

Марбод и Гертруда Тимм пригласили меня на крестины. У них родились близнецы.

По дороге я встретил Вечного жида. Он был приглашен туда же.

- Я вижу, юдофобское движение повсюду растет, - сказал я. - Ваши дела идут хорошо.

- Нечего сказать, хорошо! - проворчал он. - Что это такое - хорошо? "Кулак правды" закрылся. Прекратил свое существование. Посмотрите на мое брюшко.

"Доктор Хас", действительно, заметно пополнил.

- Но мне кажется, тем не менее повсюду...

- Это последние конвульсии, - перебил меня Вечный жид. - Подумайте только, немецкий Христос, Иоганнес Мюллер^[321], недавно написал, что антисемитизм стал теперь главным образом чисто немецкой проблемой, слабой стороной души немецкого народа. Лишь тот народ, пишет он, национальное самолюбие которого в национальных вопросах вступило в противоречие с его силой воли, способен свалить на евреев то, что для духовно здорового народа является делом естественной гордости - отвечать за собственные поступки.

- Вы заметили сейчас всплеск антисемитизма, - продолжал он. - Немцы пять лет находились в изоляции, в своеобразном гетто. После этого они потеряли уверенность в себе, потеряли чувство достоинства в большей степени, чем евреи за пятьсот лет такой же изоляции. Но подобные соображения сейчас бесполезны. Это острая болезнь, мне на нее рассчитывать не следует. Как только она пройдет, как только народ пересилит ее, ему будет стыдно, что сто десять немцев испытывали смертельный ужас перед единственным евреем.

- Нет, нет. Теперь кончено, — утверждал он. — Кончено навсегда. Во мне больше не нуждаются, я привидение позавчерашнего дня и годен разве что в театре, на сцене. Я буду держаться, разумеется, из последних сил. Оставаясь главой антисемитской пропаганды, я буду и в дальнейшем составлять брошюры, расклеивать юдофобские листовки на водосточных трубах и в общественных туалетах. Но я уже приготовился к катастрофе. Купил себе домик в долине реки Изар, а свой посох вечного странника подарил реквизитору Национального театра.

- Вы же видите сами, евреи нынешнюю волну антисемитизма не принимают всерьез, -добавил он, немного погодя. — Они не жалуются. Им и в голову не приходит, что озорник зол на самом деле.

- Что же они делают?

- еются.

-Они?..

-Да. Они подсмеиваются над бесталанностью и языковыми ляпсусами антисемитов.

Мы подошли к дому супругов Тимм.

Марбод сердечно пожал мне руку и признался, что был ослом.

Гертруда с гордостью показала нам своих двойняшек.

-Как их зовут? — спросил я.

-Девочка — Мария...

-Мария? Фу! — не сдержался Вечный жид. — Имя древнееврейское, происходит оно от имени Мириам. Вам следовало бы назвать ее Фригг.

-Имя мальчика вам понравится, мы назвали его Гансом.

-Ганс! Фу! — сказал Вечный жид. — Это же еврейское имя, происходящее от Йоханан. Лучше бы вы назвали его Тевтом.

Марбод и Гертруда от души рассмеялись.

- Если немецкое и еврейское так сильно перепутались, — заметила Гертруда, — кому же это распутать?

Вечный жид сидел в кабинетном кресле, полный, удобно развалясь, покуривая, мурлыча себе под нос песенку "Бродить, какое счастье..." Тщательно выбритый, с черной бородкой, типичный завсегдатай театра, ресторана, скачек.

- Довольны ли вы? — спросил я его.

- Доволен? — переспросил он. — Что значит доволен?

Он посмотрел на меня, и глаза его засветились удивительным глубоким светом. Он потянулся и вздохнул с приятностью.

- Доволен? — повторил он. И, шевеля руками только ему одному характерным образом, усмехнулся: — А почему бы и нет?

Ī āāāā ē ī āāēēāōēÿ Ēūāā Ī ēdēī řāā

^[1] Король Баварии Людовик I (1786-1868), покровитель искусств, писал стихи. При нем был отстроен Мюнхен, сохранивший до настоящего времени благородный облик города середины XIX века. Вынужден был отречься от престола в пользу сына из-за связи с балериной Лолой Монтец.

^[2] Индийское племя. У немцев слово "ботокуд" — синоним слов "провинциал", "дурень".

^[3] Пангерманизм — идейный предшественник немецкого фашизма, политическая доктрина, ставящая своей задачей мировую гегемонию Германии, в частности присоединение Польши, отторжение от Российской империи прибалтийских земель, Украины, Белоруссии.

^[4] Хьюстон Стюарт Чемберлен (1859—1927) — немецкий социолог, автор книги "Основы XIX века", в которой он следует расовой теории Гобино.

^[5] Карл Перкео — карлик, придворный шут Карла Филиппа Пфальцского (первая половина XVIII века).

^[6] Вальтер фон Фогельвейде (1170—1230) и Вольфрам фон Эшенбах (около 1170—1220) — немецкие средневековые поэты-миннезингеры, авторы и исполнители рыцарской лирики.

^[7] Фридрих Готтлиб Клопшток (1724—1803) — немецкий поэт Просвещения.

^[8] Готхольд Эфраим Лессинг (1729—1781) — немецкий философ-просветитель, писатель, драматург, историк искусств.

^[9] Теодор Момзен (1817—1903) — немецкий историк.

^[10] Фридрих Геббель (1813—1863) — немецкий драматург.

^[11] Карл Роттман (1797—1850) — мюнхенский художник.

^[12] "Оры" — ежемесячный журнал, издававшийся Ф. Шиллером в 1795—1797 годах при участии Гёте, Гердера, Гельдерлина.

^[13] Людвиг Отто Фридрих (1845—1886), король Баварии Людвиг II. В связи с расстройством психики отрекся от престола в пользу сына. Через несколько дней при невыясненных обстоятельствах утонул вместе с лечащим врачом.

^[14] Хазарский хан Булан перешел в иудейскую веру в 723—724 годах, однако на государственном уровне хазары приняли ее в 799—809 годах.

[15] Герман (Арминий) Херусский (18-й или 19-й год до н.э. — 18-й или 21-й год н.э.) — вождь германского племени херусков, уничтоживший три римских легиона в Тевтобургском лесу.

[16] Бернхард Бюлов (1849—1929) — князь, германский государственный деятель.

[17] Альфред фон Тирпиц (1849—1930) — германский гросс-адмирал, в 1897—1916 годах — морской статс-секретарь, создатель сильного ВМФ Германии, сторонник неограниченной подводной войны против Англии.

[18] Герхарт Гауптман (1862—1946) — немецкий драматург, лауреат Нобелевской премии (1912 год).

[19] благородного отца, актера на роли пожилых людей (франц.)

[20] Фамилии Говядина, Жирное молоко, Воловья шкура связаны с крупным рогатым скотом. Ринд, часть двух из них, на немецком языке, имеет два значения: 1-е — корова, бык, вол, крупный рогатый скот; 2-е — олух, дурак, тупица.

[21] Здесь: в упомянутом месте (лат.).

[22] Ирредента (неосвобожденная земля) — националистическое движение итальянцев конца XIX — начала XX века, стремившихся присоединить к метрополии земли, частично заселенные итальянцами, не вошедшие в состав Италии при воссоединении.

[23] Один — в древнегреческой мифологии верховное божество. У древних германцев континента ему соответствовал Вотан.

[24] "Кулак" по-немецки "Faust".

[25] Эше Игдразил — в германской мифологии дерево, на корнях которого держится мир.

[26] Эглафинг — название некоего месяца по календарю древних германцев.

[27] Голем — персонаж еврейских народных легенд, человек из глины.

[28] По легенде, Агасфер (Вечный жид) был сапожником.

[29] "Да будет славен Бог в небесах" (лат.).

[30] "Натан Мудрый" — философская трагедия Лессинга о веротерпимости. В гитлеровской Германии была запрещена.

[31] *Judaeus ex machina* ("Еврей из машины") — перефразировка выражения "*Deus ex machina*" ("Бог из машины").

[32] Иоганнес Мюллер (1864—1949) — немецкий писатель-евангелист.



Î adéon Éai ai

Продолжение. Начало см. в №2(82), 3(83) за 1999 год.

Глава седьмая

Трон для императора Василия был наконец готов. Прежде чем доставить его во дворец, пришлось расширить тронную залу.

Министры, придворные и вельможи со всей империи были приглашены во дворец, чтобы они могли увидеть новый чудесный трон. Собравшиеся в тронной зале с нетерпением ждали начала церемонии.

Возглас удивления и восхищения вырвался из всех уст, когда рабби Гершом снял ткань, покрывавшую трон. Звери и птицы из сияющего серебра казались живыми. Мириады искорок отражались в их глазах, сделанных из драгоценных камней, вся зала осветилась. Рабби Гершом рассказал о сложной конструкции сооружения.

- Скажи мне, — спросил император у рабби Гершома, когда тот закончил объяснение, - разве ты не ошибся, поместив ястреба в клюв голубя? Ведь в природе мы наблюдаем обратное!

- Это символ Б-жественного Провидения, - ответил рабби Гершом. - Только с помощью Провидения слабые способны противостоять сильным. Если бы не это, мир

не смог бы существовать. Однако все мы, Ваше Величество, ждем, чтобы вы воссели на трон!

Как только нога императора Василия ступила на первую ступень, поднялся и заревел бык. Затем поднялся лев, и зала огласилась львиным рыком. Испуганный император поспешно сошел с трона и предложил взойти на него рабби Гершому:

- Я хочу посмотреть, что произойдет.

Воцарилась мертвая тишина. Рабби Гершом со спокойной улыбкой стал подниматься на трон. По мере его восхождения звери и птицы вставали, по зале разносились их рычание и клекот. Когда рабби ступил на четвертую ступень, взмахнувший крыльями орел возложил ему на голову корону. Окаменевшие от изумления, ошеломленные этим чудом зрители разразились рукоплесканиями.

После этого на трон поднялся император Василий, все повторилось сначала. Сойдя с трона, император обнял рабби Гершома и расцеловал его.

- Не знаю, как тебя за все это отблагодарить. Позже я еще подумаю, а сейчас хочу, чтобы ты принял от меня вот это кольцо. Какие бы враги ни замыслили зло против тебя, оно спасет тебя. В час нужды или опасности тебе следует только явиться во дворец, показать кольцо, и я приду к тебе на помощь, - сказал он.

Рабби Гершом поблагодарил императора и отправился домой.

У присутствовавшего на церемонии Иоанна чудесное зрелище только усилило зависть и ненависть к рабби Гершому. Он усмотрел в происшедшем знак того, что его, Иоанна, звезда закатывается, а звезда рабби поднимается все выше. Ему тут же пришел в голову план, как уничтожить ненавистного жида, и, не откладывая дела, он приступил к его осуществлению.

Прежде всего Иоанн послал за своим племянником Михаилом.

- Как продвигаются твои дела с этой еврейской девушкой? — спросил хитрый дядя.

- С того дня, как ты запретил мне встречаться с ней, я ее ни разу не видел, — ответил племянник.

- А известно ли тебе, что случилось с ней?

- Нет, дорогой дядя.

- Я могу просветить тебя на этот счет. Отец ее погиб во время пожара в Константинополе, а незадолго до этого она стала женой рабби Гершома.

- Зачем ты говоришь мне все это? — спросил Михаил, не имевший ни малейшего представления о том, что задумал его злой дядя.

- Я рассказываю тебе все это, потому что у меня есть план, для выполнения которого требуется твоя помощь. Хочешь ли ты помочь мне?

- Хочу всей душой, — ответил Михаил.

— Тогда тебе следует знать, что мне грозит опасность лишиться моего высокого положения при дворе.

- Возможно ли это? — воскликнул Михаил.

- Увы, к сожалению, возможно. Рабби Гершом — проклятый узурпатор! Он жаждет занять мой пост, и, похоже, еще немного — и ему удастся это сделать! Никто не может соперничать со мной, но он вкрался в доверие к императору и стал очень важным лицом в государстве.

- Чего ты хочешь, дядя? Чтобы я убрал его? Подыскать наемных убийц?

- Нет, племянник. Избавляться таким способом от врага — неблагоприятно! Если наши планы сорвутся, мы будем замешаны в уголовно наказуемом деянии. Следует действовать с величайшей осторожностью и дальновидностью, поймать его в ловушку, из которой он не мог бы выпутаться. Хорошо бы тебе возобновить свою дружбу с Милетой и выведать у нее такое, что окажется бесценным для нашего замысла. Стоит тебе увидеться с ней, как прежняя страсть, похороненная в ее сердце, вспыхнет с новой силой!

- Но она, вероятно, сердита на меня! С тех пор как мы виделись в последний раз, я ни разу не сделал попытки установить с ней связь, даже не написал ей записки!

- Ты — ребенок! Неужели нельзя придумать что-нибудь в свое оправдание? Скажи ей, что ты только что вернулся с войны и первое твое движение было увидеться с ней. Ты должен не оправдываться перед ней, а наоборот, упрекать ее в неверности, в том, что в твое отсутствие она вышла замуж за рабби Гершом. Скажи ей, что прощаешь ее и готов на ней жениться, если она бросит своего мужа. Обещай ей золотые горы! Соблазниай картинами роскоши и довольства! Засыпь дорогими подарками! Мой кошелек открыт для тебя — бери из него столько, сколько понадобится.

Михаил тут же отправился выполнять указания дяди. Ему повезло: Милету он застал одну. Он хотел заключить молодую женщину в объятия, но она оказала ему сопротивление, вскочила с гневом в глазах и закричала:

- Ты предпочел забыть о моем существовании, я вышла замуж, и между нами все кончено!

- Дорогая, единственная Милета! - заговорил Михаил, изображая глубокую печаль. - Зачем ты вышла замуж? Зачем ты сделала меня таким несчастным? Ведь ты была моей единственной радостью, единственной любовью! Виноват ли я, что в тот самый момент, когда я собирался соединиться с тобой узами брака, император решил отправить меня на войну? Ты, по крайней мере, могла бы подождать моего возвращения. А теперь посмотри, какое горе навлекло на нас твое нетерпение. Ты лишила меня всякой надежды узнать счастье на этой земле, навеки связав себя с евреем!

Михаил закрыл лицо руками и сделал вид, что плачет. Ему удалось достигнуть желаемого эффекта. Милета зарыдала и стала его спрашивать:

- Откуда было мне знать, что ты все еще любишь меня? Так внезапно бросив меня, почему ты ни разу не написал? Разве ты не получил моих писем?

- Ни единого! — солгал он.

- Но все кончено, - повторила она с отчаянием. - Ты должен немедленно уйти отсюда, чтобы муж и Двора...

- Двора? — переспросил он, ничего не понимая. - Кто она такая?

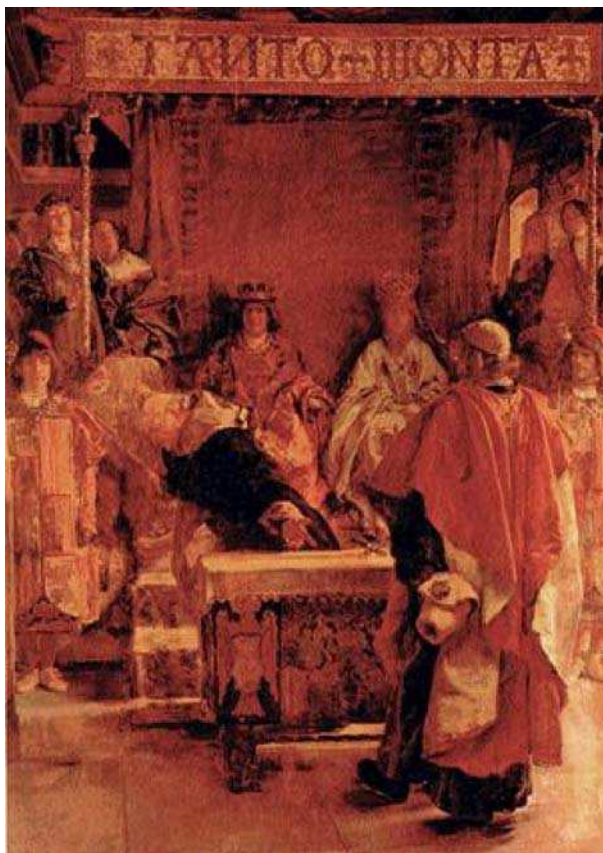
- Двора - старшая жена моего мужа! - объяснила Милета.

- Как! - воскликнул Михаил, изображая негодование. - Я не верю ушам своим! Бедняжка, как ты несчастна! Но я не допущу, чтобы тебя так унижали. Увидишь, все изменится!

- А что ты можешь сделать?

- Сейчас я не могу открыть тебе это, но твердо знаю, что ты должна стать моей женой, я этого добьюсь! А пока отложи свои заботы и взгляни на подарок, который я тебе принес. - Он протянул ей золотой браслет, усыпанный бриллиантами. - Я привез его из дальних стран.

Браслет сработал, как волшебный - Милета была сражена. Драгоценное украшение сломило ее слабое сопротивление, и она согласилась помогать Михаилу в его замыслах.



Глава восьмая

Рабби Гершом снова погрузился в свои занятия, на этот раз с большим энтузиазмом, чем когда-либо. Он был рад, что работа над тронном закончена, у него появилось больше времени для изучения Торы и других священных книг. В тиши своего кабинета он размышлял над тем, что смог помочь своему народу в час беды, и осознание этого приносило ему большое удовлетворение. Однако порой его охватывала непонятная тревога: инстинкт подсказывал ему, что какой-то недруг подкапывается под него, а вместе с ним — под его собратьев. Он чувствовал, что Иоанн тайно плетет паутину лжи, чтобы погубить все еврейское население Византии. В минуты ощущения грядущей беды рабби Гершом утешал себя мыслью, что, какая бы злая беда ни подстерегала евреев, император защитит своих верных подданных.

Через несколько дней после того как великолепный трон был показан публике, император послал за своими советниками и министрами. Он хотел обсудить с ними, как лучше наградить рабби Гершома за излечение царицы Феодоры и за трон.

- Всем вам известно, зачем я вас собрал, - начал император, когда совет собрался. - Все вы знаете человека, о котором сегодня пойдет речь. Это он сумел вылечить царицу Феодору от болезни, которую все остальные врачи считали смертельной. Он создал великолепный трон, который украшает нашу тронную залу и вызывает у вас восхищение. Я желаю наградить его полной мерой, в соответствии с его заслугами. Я охотно наградил бы его так, как фараон в древности наградил Иосифа, сделал бы его своим наместником. К сожалению, он — еврей и наши законы не разрешают ему занимать столь высокий пост. Поэтому я прошу вас дать мне мудрый совет. Будьте при этом справедливы и беспристрастны, как подобает самым высоким членам моего совета, помогающим мне управлять нашей великой империей.

Побелевший, как мел, Иоанн приготовился отвечать, но его опередил митрополит Византийский:

- Ваше Величество, все собравшиеся здесь восхищаются необычайной ученостью рабби Гершома. За свои заслуги перед царским двором и перед всей страной он достоин высшей почести. Меня удивляет, что вы не решаетесь сделать его министром, у него с избытком хватает мудрости и знаний для такого поста. Единственное препятствие — его религия, но, будучи разумным человеком, он, конечно, поймет превосходство христианского вероучения над иудаизмом и примет христианство.

- Возможно, вы правы, Ваше Святейшество, - ответил император. - Неизвестно, однако, согласится ли он принять наше предложение...

- В таком случае ему придется винить только самого себя.

Послали за рабби Гершомом. Когда он прибыл, император обратился к нему:

- Рабби Гершом, мы хотели бы наградить тебя щедро за твою преданную службу, но твое вероисповедание препятствует этому. Если ты согласен перейти в нашу веру, тебя ждет назначение на самый высокий пост во всем царстве — пост епарха, наместника царградского.

Ледяная дрожь пробежала по телу рабби Гершома. Сделав над собой невероятное усилие, он вежливо ответил:

- Мой добрый и великий император! Прошу у вас прощения, но я вынужден просить избавить меня от такой чести. Столь высокий пост не пристал мне. Два моих занятия - врача и золотых дел мастера — вполне меня удовлетворяют. Я рад помогать людям своими скромными познаниями и не ищу ничего лучшего для себя. Да и зачем бы мне отказываться от веры своих предков? Я предан ей! Никакой искренний и честный человек не отречется от своей веры ради мирских благ и материальной выгоды.

- Речь идет не о материальной выгоде, — вмешался митрополит, - а о твоей душе. Никакой иудей, каким бы справедливым и благочестивым он ни был, не может рассчитывать на жизнь вечную. Его душа погибнет здесь, на земле, вместе с его телом.

- Что пользы нам пускаться в спор, которому нет конца? — спросил рабби Гершом. - Вы, митрополит, родились христианином, я — иудеем. Вы верите в истину и превосходство своих религиозных убеждений, я же убежден, что моя вера - самая высокая, самая чистая и самая разумная из всех. И пусть каждый из нас придерживается своей религии, проявляя терпимость друг к другу.

Рабби Гершом обратился к императору:

- Ваше Величество, полагаю, вы знаете, какого верного слугу вы имеете и всегда имели во мне. Я готов в любое время выполнить все ваши распоряжения, но, что касается моей религии, тут я должен слушаться Г-сподина, который выше всех земных правителей. Ему я должен давать отчет в своих действиях.

Император был глубоко оскорблен отказом рабби Гершома. Скрыв свое недовольство, он приказал ему подождать за дверью, пока не закончится совещание.

- Итак, государи мои, — обратился император к членам совета, - видимо, нам не остается ничего другого, как дать рабби Гершому денежную награду. Теперь я попрошу вас назвать сумму.

До этой минуты Иоанн не принимал участия в обсуждении. Увидев, что император Василий раздосадован, он быстро сориентировался.

- Ваше Величество, конечно, рабби Гершом заслуживает самой щедрой награды, которую может позволить себе наша казна, - начал он. - Но давайте сначала задумаемся, не вознаградил ли он себя уже за счет царской казны? Кто знает, сколько фунтов серебра, полученных им от нашего казначея, еще остается в его руках!

- Нет, это невысказано, — решительно возразил император. - Я хорошо знаю Гершома и могу поручиться за его безусловную честность.

- Неужели Ваше Величество действительно допускает, что на свете найдется иудей, который откажется от легкодоступного богатства? - спросил лукавый Иоанн.

- Безусловно! — убежденно ответил император. - И рабби Гершом лучшее тому доказательство! Если бы его интересовали деньги, он принял бы те 50 тысяч золотых дукатов, которые я предлагал ему за излечение царевны Феодоры.

- К чему вся эта дискуссия? — продолжал Иоанн, изменив свою тактику. - Ведь нам легко удостовериться, не украл ли рабби Гершом серебро.

- Каким образом? — спросил император.

- Подсчитаем, сколько серебра он получил из казны на сооружение трона, взвесим сам трон и увидим...

- Очень хорошо, — согласился император. - Давайте прикажем взвесить трон, и ты убедишься, насколько необоснованны твои подозрения.

- Чтобы взвесить такое огромное сооружение, Ваше Величество, - заметил царский казначей, — придется разобрать его на части.

- Это вас не должно беспокоить. Рабби Гершом наверняка знает, как это сделать. Пусть он явится сюда!

- Слушай меня внимательно, — обратился император к рабби Гершому. - Тебя подозревают в том, что ты взял из царской казны больше серебра, чем пошло на изготовление трона, и присвоил лишнее. Сам я этому не верю, и, чтобы снять с тебя серьезное обвинение, придется взвесить пресловутый трон. Не скажешь ли ты, как его взвесить и не причинить при этом вреда конструкции.

- Ах, Ваше Величество, неужели мне отплатят клеветой и очернением моего честного имени в награду за мою верную службу? Разве я не предупреждал вас, что не могу гарантировать честность своих подручных? Лично я не присвоил ни грамма серебра, клянусь Всевышним! Кроме того, вы должны учесть, что все металлы в процессе плавки несколько теряют в весе.

- Пустое! — с насмешкой сказал митрополит. - Он не удостоится награды, если мы не будем знать, сколько серебра было взято из казны и сколько израсходовано на изготовление трона.

- Пусть будет так! — согласился император. - Ты должен сказать нам, как взвесить трон, не нарушив его красоты.

- Этого я не знаю, Ваше Величество, - заявил рабби Гершом.

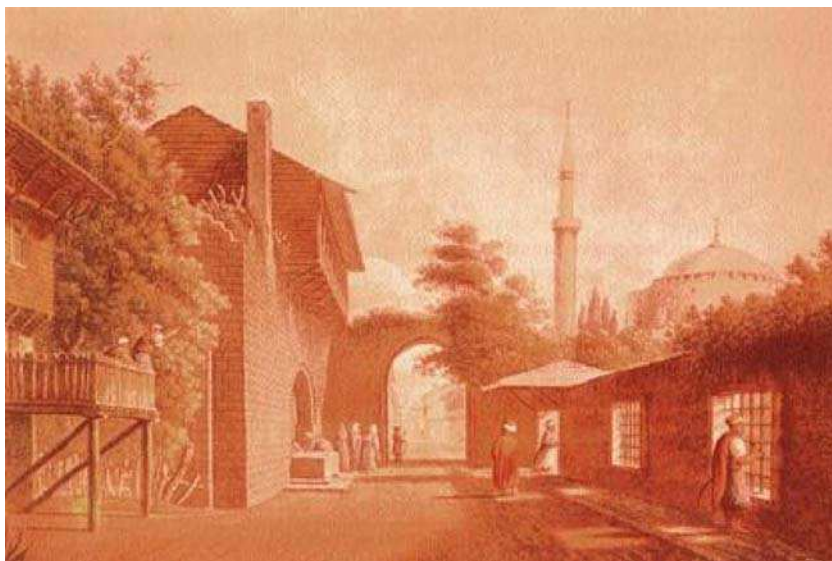
- Как не знаешь? — гневно закричал император. - Ты, проникший в тайны всех наук, всех искусств? Я требую, чтобы ты сказал нам!

- Никто в мире не может заставить меня сказать то, чего я не знаю!

- Как смеешь ты неповиноваться мне? Слушай же мое последнее слово. Ты ничего не получишь за свою работу, пока мы не взвесим трон. А если выяснится, что серебра не хватает, ты предстанешь перед судом и будешь приговорен к смерти. Вот и всё! Теперь можешь идти!

Сгорбленный, удрученный свалившимся на него горем, рабби Гершом покинул тронную залу.

На рассвете следующего дня во дворце собрались вызванные по приказу императора лучшие мастера, крупнейшие инженеры, которым предстояло соорудить весы невиданных размеров, но прошли недели, месяцы, инженеры размышляли и проектировали, проектировали и размышляли, а задача оставалась нерешенной.



Глава девятая

С большим нетерпением царевна Феодора ждала исхода совещания. Ей хотелось узнать, какую награду императорский совет присудил рабби Гершому, вырвавшему ее из когтей смерти.

Наконец дверь ее комнаты открылась, и вошел император Василий. Смятение охватило ее, когда она увидела его смущенный вид.

- Ты, без сомнения, ждешь известия о том, как мы решили наградить рабби Гершома. Я хотел назначить его своим наместником, если он примет христианство, но он отказался отречься от своей религии.

- Неужели нет способа наградить его, не затрагивая его религиозных убеждений?

Император печально склонил голову, ничего не отвечая.

- Ну, и что же вы постановили? — спросила царевна.

- Смерть будет ему наградой! — ответил император, и голос его дрогнул.

- Дядя, дорогой, не шути!

- К сожалению, я не шучу, дорогое дитя. Похоже, что он присвоил большое количество серебра из выданного ему для сооружения трона. За это преступление он будет осужден на смерть.

- Но ты сказал: "Похоже, что..." Значит, это еще только подозрение, и вина его не доказана?

- Да, дитя, но подозрение основано на фактах...

- Ты уверен, что рабби Гершом вор?

- Он мог бы оправдаться в предъявленном ему обвинении, но либо не желает, либо не в состоянии это сделать. Мы просили его объяснить нам, как взвесить трон, но он не стал это делать, видимо, опасаясь, что результаты взвешивания разоблачат его. Как бы не выяснилось, что в троне не хватает серебра, и не хватает очень много.

- Дорогой дядя, я с тобой не согласна! Поведение рабби Гершома, несомненно, обусловлено его гордостью. Подумай только, насколько оскорбительно для честного человека такое обвинение!

- Кто мешает ему убедить нас в своей невиновности?

Царевна Феодора вспыхнула от негодования.

- Горе мне! — воскликнула она, и глаза ее наполнились слезами. - Значит, такова благодарность императора человеку, сделавшему столько добра императорской семье. Человеку, много недель не отходившему от моей постели, все помыслы которого были связаны с тем, чтобы ускорить мое выздоровление. Человеку, который на протяжении многих месяцев трудился над сооружением для тебя самого великолепного в мире трона! Горе бессердечному миру, в котором наградой за преданность справедливому и честному человеку служит кинжал в грудь или петля на шею! Лучше не жить совсем, чем жить в таком мире!

- Успокойся, дитя мое! Я не допущу, чтобы дело дошло до такого! В конце концов я встану на его защиту, он носит на пальце кольцо с моим клятвенным обещанием прийти к нему на помощь в случае опасности, не допустить никакого вреда ему. Стоит ему только показать мне кольцо...

Только убедившись, что император на стороне рабби Гершома, царевна несколько успокоилась.

Двора с тяжелым сердцем слушала рассказ рабби Гершома о том, какой неожиданный оборот приняли события. Лучше смерть, чем жизнь с мыслью, что ее муж, жертва клеветы, может в любой момент погибнуть!

Что касается Милеты, то она скрыла досаду по поводу твердости рабби Гершома и в мыслях посмеивалась над его неприспособленностью к жизни. По правде говоря, она была сердита, что муж отверг столь высокий пост из преданности своей религии. Если бы он стал наместником императора, перед ней открылись бы двери императорского дворца и она стала бы одной из самых важных дам в стране. "Оставаясь с ним, думала она, я вынуждена вести образ жизни, обычный для любой еврейской женщины, в тени мужа, не занимая никакого славного места в свете. Все было бы иначе, если бы я была женой моего любимого Михаила. Но еще не поздно!.."

Тем временем Иоанн уже потерял всякую надежду уничтожить рабби Гершома. Он знал, даже если удастся взвесить трон и доказать, что серебро украдено, рабби Гершом избежит смертной казни. Он знал, что кольцо императора всегда защитит его врага. Остается одно — лишить Гершома помощи императора, которую обеспечивает ему кольцо. Немало способов вырвать кольцо из рук рабби Гершома перебрал в своей голове

Иоанн и наконец остановился на одном, казалось, обещавшем успех. "Достать кольцо может Михаил, решил он. А когда оно окажется в моих руках, жид Гершом погибнет!" Он немедленно посвятил племянника в свой подлый план.

- Ну что ж, дядя, это совсем нетрудно! - обнадежил его Михаил. - Очень скоро кольцо будет твоим.

- Но как?

- Милета украдет его для меня!

- Ты уверен?

- Из любви ко мне она сделает что угодно!

- Тогда иди и выполняй, что я тебе велю!

- Иду, дядя, но мне неясно, какая польза тебе от кольца, если никому не удалось придумать, как взвесить трон, и вина Гершомы не установлена?

- На этот счет можешь не беспокоиться, - отвечал Иоанн. - Император вызвал из Афин известного мастера, инженера Базилика Афинского, и недалек час, когда все убедятся в вине рабби Гершомы. Без кольца он будет лишен возможности спасти свою жизнь.

Михаил отправился к Милете, они говорили о том, что их ждет.

- Ты действительно веришь, милый, - спросила Милета, - что я смогу освободиться от Гершомы и стать твоей женой?

- Этот желанный миг ближе, чем ты думаешь, - ответил ей Михаил. - Как только прославленный инженер Базилик взвесит трон и подтвердится, что рабби Гершом вор, он умрет на виселице, и ты будешь свободна.

- Ты забываешь, что у него есть кольцо императора, которое защитит его от любой опасности, — заметила Милета.

- А ты когда-нибудь видела это кольцо, дорогая? - спросил Михаил.

- Постоянно вижу!

- Не смогла бы ты им завладеть?

- Без особого труда, — ответила она уверенно. - По еврейскому закону при омовении рук перед едой необходимо снимать с них все украшения. Я и украду кольцо, когда он перед обедом будет мыть руки.

- Ты на самом деле пойдешь на это?

- Коль скоро от этого зависит наше счастье, я просто обязана это сделать.

- Хорошо, дорогая, и чем скорее, тем лучше. Буду с нетерпением ждать.

На следующий день Милета едва могла дожидаться обеденного часа. Пока Двора на кухне занималась обедом, рабби Гершом, сняв кольцо с пальца, готовился к омовению рук. Стоило ему на мгновение отвернуться, как Милета быстро убрала кольцо к себе в карман. Рабби Гершом и не заметил пропажи, сел за стол, не хватившись кольца.

Между тем Двора все эти дни пребывала в глубокой тревоге. Она понимала, какая угроза нависла над рабби Гершомом. Тревога Дворы имела еще одну причину. Она уже знала о неверности Милеты, ее постыдной связи с Михаилом, но молчала, не желая усугублять страдания мужа.

Уже забрезжил рассвет, когда рабби Гершом внезапно обнаружил отсутствие кольца на своем пальце. Он обыскал весь дом, в поисках участвовали и Двора, и наглая Милета, но безрезультатно!

Как пораженный громом, опустился рабби Гершом на стул. Он понимал, что ждет его, если кольцо, единственное средство его защиты, не найдется. Двора и Милета продолжали поиски, последняя — с несвойственным ей усердием. В конце концов она объявила:

- Должно быть, его украли!

Двору, как камень, тяготило тяжелое подозрение.

- Милета, — позвала она, — не сердись, что я задаю тебе этот вопрос. Но ответь мне, пожалуйста, при рабби Гершоме, куда ты ежедневно исчезаешь на несколько часов?

- А кто ты такая, чтобы спрашивать меня? - вспыхнула Милета. - Разве я должна тебе отчитываться в том, куда я хожу? - обернувшись к рабби Гершому с оскорбленным видом, она спросила:

- Скажи, подозреваешь ли ты меня в чем-то дурном?

- Я? Б-же упаси! - ответил он.

- И все же хочу, чтобы ты знал, где я бываю. Я навещаю Циппору. Это моя подруга, жена рабби Эфраима, торговца шелками.

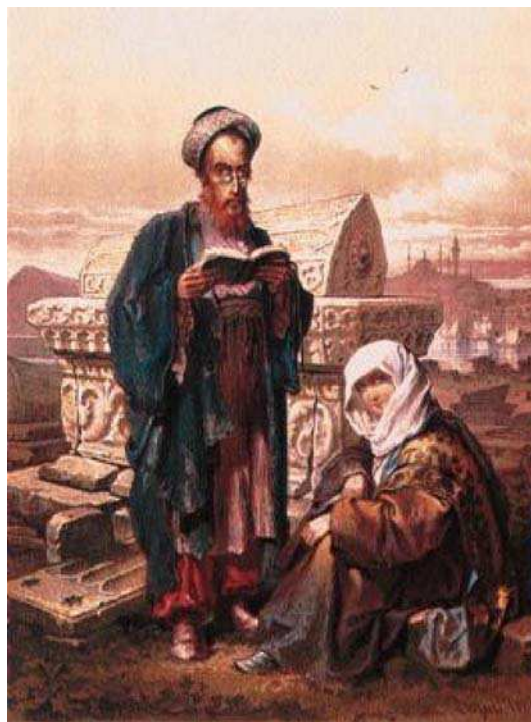
- Неправда! - включилась в разговор Двора. - Я только сегодня встретила Циппору, когда шла на рынок. Она сказала, что давно не видела тебя.

- Что такое? — воскликнула Милета, залившись краской гнева. - Какое ты имеешь право выслеживать меня? Да, правда! Я давно не видела Циппору, но и кроме нее, у меня много друзей, с которыми я встречаюсь. Какое тебе дело до того, куда я хожу? Знаю, знаю, ты просто завидуешь мне!

С этими словами Милета громко зарыдала.

Двора решила проследить Милету. Интуиция подсказывала ей, что молодая и своенравная Милета обманывает своего мужа. Себя она считала виноватой в этом новом

несчастье. Разве не она способствовала этому браку? Теперь она считала себя обязанной оградить мужа от вреда со стороны неверной Милеты, сорвать с нее маску.



Глава десятая

Недолго Иоанн чувствовал себя победителем.

Базилик Афинский, несколько дней тщательно изучавший трон, заявил, что взвесить его, не разобрав на части, невозможно.

- Чего я добился? - думал подлый царедворец. - Зачем мне кольцо, если никто не сможет доказать вину Гершوما?"

Однако размышляя над тем, что происходило вокруг него, Иоанн пришел к выводу, что Гершом знает, как взвесить трон. Иоанн не отказался от своего стремления уничтожить рабби Гершом. Милета, неверная жена рабби, была надежным союзником в его коварных планах. Из любви к Михаилу она украла кольцо у мужа и сумеет выведать у него, как взвесить трон.

Во время очередной встречи с Милетой Михаил по указанию дяди поручил ей узнать у мужа, как взвесить трон, не используя огромных весов.

Спустя несколько дней, поздно вечером, рабби Гершом, как всегда сидевший за книгами, услышал за своей спиной глубокий вздох. Подняв голову, он увидел Милету.

- Это ты, Милета? — удивился он. - Отчего ты не спишь и почему так тяжело вздыхаешь?

- Сердце мое полно печали, дорогой Гершом, — ответила притворщица. — Я чувствую себя покинутой, лишенной близкого друга! — Глаза ее, как всегда, наполнились слезами.

- Г-сподь с тобой, — взволнованно заговорил рабби Гершом. - Что тебя тревожит? Чего тебе не хватает? У тебя ведь есть все, что ты хочешь!

- Ошибаешься, Гершом. У меня ничего нет! Ни отца, ни матери, ни сестер, ни братьев, ни друзей. Я одинока, как цветок в пустыне.

- Но у тебя есть я, твой муж!

- Тебя я тоже потеряла, — простонала Милета, лицо ее было залито фальшивыми слезами. — Двора завидует мне, ненавидит меня. Она заронила в твою душу недобрые мысли.

- Тебе нечего бояться, дитя мое. Ты знаешь, как высоко я ценю твою верность.

- Неправда! Ты не доверяешь мне.

- Как ты можешь так говорить, Милета? Разве я не доказывал тебе много раз, как верю тебе.

- Нет, ни разу! Ты никогда не давал мне ни одного доказательства того, что ценишь мою преданность и искренность.

- Проси, какое хочешь доказательство, я тотчас дам его тебе.

- Разведись с Дворой, это будет самое лучшее доказательство!

Рабби Гершом смертельно побледнел.

- Такого доказательства ты требуешь от меня? Ты хочешь, чтобы я совершил такую подлость? Нет, дорогая, этого я сделать не могу даже ради тебя! Правда, Двора дурно говорила о тебе, но не из ненависти к тебе, а из любви ко мне. Она — одна из лучших женщин, каких только можно отыскать на свете.

- Лучших? А я, что же, ничего не стою в твоих глазах? Тогда мне незачем жить! Она будет по-прежнему преследовать меня, так что жизнь станет мне не мила, а тебя это нисколько не беспокоит!

- Милета, прекрати разговор об этом! Я не разведусь с Дворой! Проси, чего хочешь, но о разводе не может быть и речи!

Милета поняла, что таким путем она своей цели не добьется, и решила атаковать с другой стороны.

- Хорошо, милый, я повинуюсь тебе и больше не буду просить тебя развестись с Дворой. Да и какая польза была бы мне от твоего развода? Я хочу только того, чтобы твое доверие ко мне было таким же, как моя любовь к тебе. Тогда счастливее меня человека не будет в мире.

Через несколько минут Милета вдруг спросила рабби Гершома:

- А слышал ли ты, что Базилик Афинский уведомил императора, что не в состоянии взвесить трон?

- В древности Афины действительно были средоточием величайших ученых, но в наше время, должно быть, там уже не произрастают такие умы, как в былые времена.

- А ты смог бы изготовить такие весы?

- В них нет надобности! Определить вес трона можно и без весов!

- Ах, расскажи мне об этом!

Рабби Гершом уже пожалел о неосторожных словах, вырвавшихся у него.

- Мне это неизвестно, Милета! — попробовал он отказать ей в просьбе.

- Гершом, дорогой, я вижу, ты знаешь, просто ты так мало доверяешь мне, что не хочешь рассказать даже о такой малости. — И Милета снова разрыдалась.

- Пожалуйста, перестань плакать, Милета. Я бы тебе сказал, если бы знал.

- Ты знаешь, знаешь! Ты знаешь всё! Ты мудрее всех! Хорошо, не говори, но по крайней мере не скрывай, что способ тебе известен.

- Ну, если это тебя утешит, то скажу — да, он мне известен. Но один Б-г знает, какие несчастья могут меня постигнуть, если это станет известно. Знание, которым я обладаю, — оружие, которое может быть использовано против меня моими врагами, их много, и они только и ждут случая, чтобы убрать меня с дороги. Прошу тебя никому ничего не говорить.

- Неужели ты допускаешь возможность, что я могу раскрыть твой секрет кому-нибудь?

- Да нет, просто ты можешь проговориться по неосторожности.

- Теперь-то я вижу, что ты не доверяешь мне по-настоящему!

- Зачем ты терзаешь меня? Что тебе до того, как взвесить императорский трон?

- Но это могло бы послужить свидетельством того, что ты мне доверяешь. Ты не хочешь рассказать мне... Ладно, не рассказывай!.. Теперь я твердо знаю, что мне здесь делать нечего, я здесь лишняя! Не хочу навязываться тебе, лучше мне уйти отсюда!

С горькими слезами она встала и направилась к двери.

— Милета! Сядь, пожалуйста, успокойся, — стал просить ее рабби Гершом. — Я скажу тебе... Но нет, нет! Не могу!

- Почему не можешь? Чего ты боишься? Кто мешает тебе?

- Выслушай старую сказку, которую я прочел в книге с пожелтевшими от времени листами. «Царь Соломон был самым мудрым человеком на земле, умней всех других людей. Более того, ему были понятны язык лесных и полевых зверей, пение и клекот птиц в поднебесье. Однажды царь хотел выразить свое расположение своему преданному слуге Элимелеху. Он намеревался осыпать его богатыми дарами, но

Элимелех от всего отказался и говорил: "Не одаривай меня ни золотом, ни серебром, ни мирскими благами, потому что, слава Б-гу, того, что у меня есть, хватает для моих скромных нужд. Если бы ты мог научить меня языку зверей, которые бродят в лесах, и животных, которые пасутся на лугах, понимать пение птиц! Я давно мечтаю об этом". — "Я исполню твое желание, сказал царь, но знай, если ты выдашь эту тайну хоть одной живой душе, тебя ждет смерть". — "Я не нарушу твоего приказа, никому не открою этой тайны". Царь Соломон научил Элимелеха понимать язык зверей в лесу и животных, пасущихся на лугах, пение птиц, обитающих в воздухе. Элимелех горячо поблагодарил царя и отправился домой. Там он женился и зажил счастливо со своей любимой женой.

Однажды Элимелех с женой на исходе дня сидели во дворе, вдыхая свежий весенний воздух. В это время слуга привел с поля быка и поставил его в стойло рядом с ослом, который целый день оставался в стойле, потому что был болен. Элимелех услышал разговор животных.

- Как поживаешь, брат? — спросил осел быка.

- Плохо! — пожаловался бык. — Целый день мучился! Сначала на меня взвалили такой груз, что я чуть не рухнул под ним. Потом работник стал осыпая меня проклятиями и в конце концов жестоко избил.

- Я дам тебе совет, который облегчит твою участь. Сделай вид, что ты заболел. Чтобы тебе поверили, не прикасайся к корму всю ночь. Увидев, что ты отказываешься от еды, тебя сочтут больным, не заставят работать, и ты сможешь отдохнуть.

Быку план понравился, и в тот же вечер он решил последовать совету осла.

Слушая разговор животных, Элимелех немало позабавился.

- Чему ты смеешься? - спросила его жена.

- Я вспомнил смешной случай из своей жизни, потому и засмеялся.

На следующее утро выяснилось, что бык заболел.

- Бык, кажется, заболел и не сможет работать, - сказал Элимелех слуге. - Запряги в плуг осла, он вчера целый день отдыхал и сможет выполнить не только свою работу, но и работу быка.

Вечером осел вернулся с поля, совершенно обессиленный. Бык осведомился, здоров ли он.

- Во мне нет ни одного места, которое не болело бы, — ответил осел. - Но должен сказать тебе нечто, касающееся тебя лично. Я слышал, как хозяин говорил слуге, что если ты скоро не выздоровеешь, придется тебя забить, а мясо продать на рынке.

Элимелех, слушавший этот разговор, снова стал смеяться.

- На этот раз ты должен рассказать мне, чему ты смеешься, - потребовала жена.
- И не вздумай меня обманывать.

- Хорошо, я скажу тебе правду. Меня развеселила беседа между ослом и быком, я нашел ее настолько смешной, что не мог удержаться от смеха.

- Как это вышло, что ты понимаешь язык животных?

- Царь Соломон научил меня.

- Ах, милый, ты обладаешь таким чудесным знанием и не поделился со мной, твоей женой. Прошу тебя, научи меня языку зверей!

- Этого я сделать не могу. Духи, подчиненные царю Соломону, убили бы меня!

Но тщетно Элимелех пытался убедить жену оставить его в покое, жизнь сделалась для него невыносимой. Он вынужден был раскрыть ей свою тайну. Но прежде чем открыться жене, он взял перо и пергамент, чтобы составить завещание. Царь Соломон в свое время предупредил его, что поступок, на который он решился, будет иметь для него роковые последствия.

В доме Элимелеха воцарилось гробовое молчание. Все окружающие были опечалены тем, что их любимый хозяин готовится умереть. Вдруг Элимелех услышал, как во дворе ссорятся его собака с петухом. Собака, лежа в конуре, горевала о своем хозяине. Появившийся петух гордо вышагивал по двору во главе многочисленных кур и цыплят, покорно следовавших за ним. Нисколько не встревоженный веселый петух закукарекал, и его резкий голос разносился по всему пригорюнившемуся двору.

- Ах ты, бессовестное создание! Хозяин умирает, а тебя это нисколько не огорчает, - пристыдила собака петуха.

- Что же, ты прикажешь мне переживать из-за того, что наш хозяин дурак, который позволяет своей жене загнать его в могилу? Посмотри: у меня двадцать кур всех пород и всякой окраски, но ни одна из них не посмеет перечить мне, послушаться моего приказа, не говоря о том, чтобы навязывать мне свою волю. Им и в голову не может прийти такое! А наш хозяин не только не может укротить свою жену, но и позволяет ей накликать на него смерть! Можно ли сочувствовать такому глупцу?

Петух взлетел на забор, громко крикнул "кукареку!" и слетел с него, куры неизменно следовали за ним.

Урок, преподанный петухом Элимелеху, вселил в него мужество. Он разорвал пергамент, на котором намеревался написать завещание, а когда жена снова стала просить его раскрыть ей свой секрет, он раз и навсегда отказался это сделать. С тех пор она никогда не заговаривала на эту тему, и они снова зажили тихо и мирно. Секрет Элимелеха умер вместе с ним».

- Понимаю, что ты хотел сказать, - промолвила Милета, когда рабби Гершом закончил свое повествование, - но сравнение это неуместно. Я желаю тебе долголетия. Мне только хотелось выяснить, доверяешь ли ты мне. Но, ты, вероятно, боишься, что я выболтаю твой секрет. Если бы ты по-настоящему любил меня, то не сомневался бы в том, что я заслуживаю доверия.

- Ладно, я скажу тебе все, - сказал рабби Гершом. - Только ты должна держать язык за зубами. От этого зависит моя жизнь!

- Не бойся, дорогой, от меня твоего секрета не узнает никто — ведь твоя жизнь дороже мне моей собственной!

Рабби Гершом раскрыл Милете секрет, не подозревая, что он вверил свою судьбу лживой изменнице.

Ī ēīī : aī ēā ĩēāāāō

Пикник

Н. Ёёаёі



Спросите шляпника Шмуэла, просто шутки ради, не хочет ли он пойти на пикник. И он шарахнется от вас, как если бы вы предложили ему покачаться на виселице. Дело в том, что он с женой Сарой и детьми уже однажды ездил на пикник, и бедняга запомнил этот день на всю свою жизнь.

Это случилось накануне одной из суббот в конце августа. Шмуэл пришел домой с работы и сказал жене:

- Сара, дорогая!

- Что, дорогой муж?

- Мне хочется получить удовольствие, — произнес Шмуэл, и эта мысль показалась ему очень смелой.

- Какое же ты хочешь получить удовольствие? Пойти завтра в баню с плавательным бассейном?

- Э!.. Что в этом смешного?

- Почему ты обиделся? Может быть, за ужином ты хотел бы выпить стакан газированной воды?

- Нет, ни то, ни другое.

- Не хочешь ли ты получить целый сифон воды?

Шмуэл отрицательно покачал головой.

- Что бы это могло быть? - вслух размышляла Сара. - Ты хочешь пойти за кружкой пива!

- С чего бы это я ходил за пивом?

- Тогда ты, наверное, собираешься спать на крыше?

- Опять ты ошиблась.

- Ну, ради Б-га, скажи наконец, чего же ты хочешь? Виски? — спросила Сара, уже терявшая терпение. — Что ты надумал? Говори и покончим с этим!

Тут Шмуэл задал жене вопрос:

- Сара, ты знаешь, что мы состоим в профсоюзе?

- Конечно, знаю! — Сара посмотрела на него с удивлением и некоторым испугом. - Неделю назад ты отнес им целый доллар. И мне трудно забыть, чего тебе это стоило. Что случилось? Они требуют еще один?

- Угадай!

- Давай, выкладывай!

- Я хочу, Сара, чтобы мы поехали на... пикник, — запинаясь, выложил Шмуэл.

- Пикник! - воскликнула Сара. - И это то, чего тебе хочется сейчас больше всего?

- Послушай, Сара! Мы целый год работаем с утра до ночи. И ничего не имеем, кроме хлопот и беспокойства, беспокойства и хлопот! И это называется жизнь! Ну, должны же мы получать от жизни хоть какие-то удовольствия.

- Хорошо. Что мы должны для этого сделать? - невесело спросила Сара.

- Лето скоро закончится, а мы даже не видели зеленой травы. Целыми днями трудимся до седьмого пота.

- Что правда, то правда, — вздохнула Сара.

Ободренный поддержкой жены, Шмуэл заговорил смелее:

- Давай, Сара, съездим за город. Порадуем себя и дадим нашим детям немного подышать свежим воздухом. Попытаемся хоть что-нибудь изменить, хотя бы на пять минут!

- Сколько нам это будет стоить? — неожиданно спросила Сара.

Шмуэл произвел необходимые подсчеты:

- Семейный билет в трамвае туда и обратно стоит всего тридцать центов. Это за Йоселе, Ривеле, Ханеле и Береле. На Реселе и Долечку билетов не нужно... За билеты для нас с тобой надо будет заплатить двадцать центов. В итоге проезд обойдется нам в пятьдесят центов. Кроме того, я думаю, центов в тридцать обойдется нам еда, которую мы возьмем с собой: ананас (слегка подпорченный — пять центов), несколько бананов и часть арбуза, бутылка молока и пара булочек для детей. На все потребуется восемьдесят центов.

- Восемьдесят центов! — Сара в отчаянии всплеснула руками. — На восемьдесят центов мы можем прожить два дня. За эти деньги ты работаешь целый день. На восемьдесят центов мы можем купить бывший в употреблении холодильный ящик для мороженого или две пары брюк. Восемьдесят центов!

- Не говори чепуху! - сказал расстроенный Шмуэл. - Потратив восемьдесят центов, мы не разоримся. И на пикник мы поедем независимо от того, будут они у нас или нет... Сара, давай поедем! Мы увидим других людей, посмотрим, как они веселятся. Да и тебе будет совсем неплохо повидать мир и побывать там, где есть хоть немного новой жизни! Ну, скажи, что ты видела с тех пор, как приехала в Америку? Ты видела Бруклинский мост, Центральный парк или купальни барона Хирша?

- Ты же знаешь, что я их не видела! — прервала его Сара. — У меня нет времени любоваться достопримечательностями. Я только и знаю, что дорогу до рынка.

- Что ты хочешь этим сказать? — возмутился Шмуэл. — Если бы мне не пришлось искать работу, то и я был бы таким же неопытным, как ты. Зато сейчас я знаю, что Америка — это великая страна. Благодаря поискам работы мне известно, где находится восьмая улица, стотринадцатая улица с ее жестяными работами, восемьдесят четвертая - со спичечной фабрикой. Я знаю все улицы вокруг Всемирного центра и все остановки трамвая на них. А ты, Сара, ничего этого не видела и знаешь столько, сколько ты знала, когда ступила на эту землю. Сара, давай поедем на пикник. Я тебя заверяю, ты не пожалеешь!

- Хорошо. Тебе виднее! — ответила жена и улыбнулась. - Едем!

Итак, Шмуэл и его жена Сара решили принять участие в организуемом профсоюзом пикнике, который должен был состояться на следующий день.

В этот день они поднялись намного раньше, чем в обычный выходной день. Прежде всего они принялись безжалостно скрести детей. Сара начала купать Долечку в ванне, и та наполнила криками весь дом. Шмуэл пытался отмыть ноги Йоселе, который обычно ходил босиком. К сожалению, купание результатов не давало, видимых улучшений не наступало, и пришлось оставить пару маленьких ног отмачиваться в тазу с теплой водой. Мальчик тоже громко плакал.

Только к двенадцати часам дети были одеты и готовы отправиться на пикник. Но тут Сара обратила свое внимание на мужа. Она погладила ему брюки, керосином удалила пятно с пиджака и пришила пуговицу к жилету. После этого она надела свое давно вышедшее из моды атласное платье.

Ровно в два часа они вышли из дому и вскоре сели в трамвай.

- Мы ничего не забыли? - спросила Сара мужа.

Шмуэл посчитал детей и багаж:

- Нет, Сара, ничего.

Долечка сразу же уснула. Остальные дети спокойно сидели на своих местах. Так как приготовления отняли много сил, Сара тоже немного вздремнула.

Все шло хорошо, пока они не доехали до какой-то улицы в верхней части города, и тут Сара заявила:

- Я что-то неважно себя чувствую. У меня кружится голова.

- Мне тоже не по себе, - признался Шмуэл. - Наверное, на нас подействовал свежий воздух.

- Думаю, так оно и есть, - согласилась Сара и добавила: - Я боюсь за детей.

Тут же проснулась и захныкала Долечка. Глядя на нее, заплакал болезненный Йоселе. Мать слегка пожурела его, но это привело к тому, что заплакали остальные дети. Кондуктор трамвая недовольно посмотрел на отца семейства, тот растерялся и уронил на пол корзинку с провизией. Шмуэл окончательно расстроился и сидел подавленный. Сара успокаивала детей, но ее взгляд красноречиво говорил мужу, что его ждет, когда они выйдут из трамвая. Как только они спустились на твердую землю, Сара дала себе волю:

- Значит, его больше ничего не может удовлетворить, кроме пикника! Пикник доставит ему огромное удовольствие! Ты рабочий человек, а рабочему человеку никуда не надо ходить и задирать нос!

Шмуэлу все уже изрядно надоело, и он ничего не ответил жене, но сердце у него неприятно сжалось.

На одну руку он усадил Йоселе, на другую — Ривеле и взял корзинку с едой, в которой все, по-видимому, побилось и перемешалось.

- Успокойтесь, дорогие мои! Дети, успокойтесь! — говорил он им. - Потерпите немного, и мама даст вам хлеба с сахаром. Успокойтесь! - просил он, но они не переставали плакать.

Сара несла на руках Долечку, пытаясь ее укачать, остальные дети бежали рядом.

- Он сокращает мне жизнь, — констатировала Сара. - Лучше б он укоротил свою.

Тут они вошли в парк.

- Давай найдем какое-нибудь дерево и сядем в тень, - предложил Шмуэл.

- У меня больше нет сил, чтобы сделать еще хотя бы один шаг! — заявила Сара и опустилась на траву прямо у входа в парк.

Шмуэл хотел что-то сказать, но, взглянув на Сару, увидел на лице ее такую усталость, что без слов уселся рядом с ней. Дети начали играть на траве, кувыраться, смеяться, и Шмуэл вздохнул с облегчением.

По парку прогуливались празднично одетые люди, под деревьями в окружении улыбающихся молодых людей стояла красивая девушка. Чуть дальше группка девушек столпилась вокруг симпатичного молодого человека.

Откуда-то из-за деревьев доносилась невеселая мелодия рабочей песни. Неподалеку от них какой-то мужчина играл на скрипке.

Сара смотрела по сторонам, вслушивалась в долетавшие до нее звуки. Постепенно ее раздражение стало куда-то исчезать. Если же говорить правду, то на сердце у нее было совсем не весело. Из-за постоянного беспокойства о деньгах, о том, что они вот-вот кончатся, жизнь казалась ей тяжелой и горькой. Но, взглянув на мужа, она подумала, какая жизнь у него, и чуть не заплакала. В порыве нахлынувших чувств она положила руку на его колено.

А Шмуэл сидел, погруженный в свои мысли. Он думал о деревьях, розах, траве, наслаждался звуками скрипки, хотя и у него на сердце было нелегко.

- Сара! — со вздохом сказал он и хотел еще что-то добавить. Но в этот момент на землю упали первые крупные капли дождя, и прежде чем Сара со Шмуэлом сообразили, что надо куда-то убежать, дождь полил как из ведра. Люди бросились в разные стороны. И только Шмуэл стоял как вкопанный.

- Недотепа, позаботься о детях! — привела его в себя жена. Шмуэл подхватил двоих, остальные достались Саре, и они побежали в укрытие. Долечка опять заплакала.

- Мама, я хочу кушать! - начал Береле.

- Хочу кушать, хочу кушать, - захныкал и Йоселе. - Я хочу кушать!

Шмуэл поспешно открыл корзинку и только тут увидел, что случилось с ее содержимым: бутылка разбилась, молоко разлилось по корзинке, булочка и бананы были пропитаны молоком, вид у ананаса (немного подпорченного) был омерзительный. Сара, мельком заглянув в корзинку, в первые секунды не знала, что и сказать. Да и на людях ругать мужа было неудобно, она только прошептала ему на ухо:

- Чтобы то же самое случилось с тобой, мой дорогой муж!

Дети продолжали требовать еды.

- Я пойду в буфет, куплю стакан молока и пару булочек, - сказал Шмуэл жене.

- У тебя остались деньги? — недоверчиво спросила Сара. - Я думала, ты все истратил.

- Осталось пять центов.

- Иди и возвращайся скорей. Бедные дети умирают с голода.

Шмуэл отправился в буфет и спросил, сколько стоит стакан молока и булочка.

- Двадцать центов, мистер, - ответил официант.

Шмуэл вздрогнул, как будто неожиданно обжег себе пальцы. К жене он вернулся еще более опечаленный, чем раньше.

- Ну, недотепа, где же молоко? — поинтересовалась Сара.

- Он потребовал двадцать центов за стакан молока и булочку.

- Двадцать центов?! Ты кто - граф Монте-Кристо? - не в силах больше сдерживаться выкрикнула Сара. — Если ты захочешь поехать на пикник еще раз, мы протянем ноги.

Дети, не переставая, просили есть.

- Что же нам теперь делать? - спросил окончательно сбитый с толку Шмуэл.

- Что делать? — вспыхнула Сара. - Сию же минуту ехать домой!

Шмуэл покорно подхватил детей на руки, и все они покинули парк. Всю дорогу Сара была абсолютно спокойна и только раз пообещала Шмуэлу рассчитаться с ним позднее:

- Я рассчитаюсь с тобой за мое атласное платье, за корзинку, за ананас, за бананы, за этот проклятый пикник, за всю мою несчастную жизнь.

- Перестань ругаться! — попросил ее Шмуэл. - Ты была права. Я сам не понимаю, что случилось со мной. Ну и пикник! Ты можешь спросить, что нам теперь делать? Я тебе отвечу. Бедный несчастный труженик вроде меня не должен думать ни о чем, кроме своей лавки.

Когда они вернулись домой, Сара сдержала свое слово. Шмуэлу очень хотелось есть. Он всегда любил хорошо поужинать, даже если торговля шла плохо. Но сегодня ужин ему подан не был. Он лег спать голодный и во сне все время повторял:

- Пикник, пикник!

ЕВРЕЙСКИЕ ИМЕНА ИЗ РОССИИ В СТРАНАХ МИРА

Российская Еврейская энциклопедия собирает имена

Лазарь Медовар



Несмотря на воинствующий антисемитизм, погромы, существование гетто и черты оседлости, фальшивые процессы (Бейлиса, Дрейфуса, Еврейского антифашистского комитета...), несмотря на Холокост с его лагерями уничтожения и газовыми камерами, XX век ознаменован появлением в странах Европы и Америки в разное время в массовом количестве художественных произведений, словарей, энциклопедий, книг памяти, раскрывающих огромные заслуги еврейского народа, еврейской цивилизации перед человечеством.

И Россия здесь не является исключением.

В 1900-1903 годах одесские книгоиздатели М.Козман и Л.Лившиц выпустили серию сборников писателя д-ра Адольфа Когута о знаменитых в истории культуры человечества евреях, мужчинах и женщинах.

Адольф Когут родился в 1848 году в Венгрии в еврейской семье. Он был признанным исследователем венгерской и немецкой литературы и музыки, автором около 200 книг и многочисленных переводов, членом Будапештской академии наук.

Сборники А. Когута включают имена свыше 500 евреев разных стран Европы, в том числе России, внесших свой вклад практически во все области деятельности: от гуманитарных и естественных наук до теологии и даже благотворительности.

К евреям автор относил всех, кто являлся таковым по происхождению, хотя по вероисповеданию он мог быть христианином, как, например, Феликс Мендельсон-Бартольди, Антон Рубинштейн или Жак Оффенбах.

В качестве вступления к своему труду автор предпослал такие слова: "Именно еврейское племя, которое антисемитские подстрекатели и ослепленные фанатики в Германии и некоторых других европейских государствах на пороге двадцатого столетия пытаются клеветой и бранью выставить как низкое, всегда производило мужчин и женщин, не только служивших красотою иудаизма, но и содействовавших развитию европейской культуры достойным благодарности образом... Даже в те мрачные времена, когда эмансипация евреев была пустой мечтой, когда яростное преследование и ненависть представляли особое право так называемой европейской цивилизации, в еврействе уже были выдающиеся носители культуры, оказавшие неувядаемые услуги науке, литературе, искусству, философии, мировой торговле, ремеслам и промышленности, обычаям и нравственности".

К "ослепленным фанатикам" Когут отнес, в частности, немецкого композитора Рихарда Вагнера за его статью "Еврейство в музыке". По его мнению, «Статья была продиктована завистью к громким успехам еврейских композиторов Дж. Мейербера и Жака Галеви... Глупые обвинения огорченного человека, будто еврейские композиторы "ожидовляют" музыку и будто их творения стоят ниже творений чистокровных арийцев, давно уже опровергнуты. В царстве музыки исчезают искусственно воздвигнутые религиозные и национальные преграды. Здесь царствует лишь дарование да гений и нет монополии отдельных рас и племен».

Когут не мог предвидеть, что через каких-нибудь 30 лет бредовые антисемитские статьи Р.Вагнера возьмут на вооружение Гитлер и Геббельс (подробнее об этом — у Л.Полякова в книге "История антисемитизма", М., 1997).

Сборники Когута не являются справочниками, хотя в отдельных случаях могут ими служить. Имена в них собраны в разделах по роду деятельности, а внутри каждого раздела расположены в алфавитном порядке. Статьи представляют собой небольшие новеллы, содержат и некоторые интересные бытовые подробности.

Книгоиздатели снабдили сборники откликами из многих европейских стран (Германии, Нидерландов, Франции, Польши). Столетней давности отклики не потеряли своей актуальности и в наши дни. Об этом можно судить по нескольким примерам:

"Ввиду продолжающейся антисемитской агитации приятно отметить тот факт, что лучшие представители немецкого общества начинают выступать против этой травли. Такому направлению соответствует издание сочинений А. Когута".

"Книга А.Когута, вопреки антисемитским тенденциям, показывает, к какой блестящей культурной работе оказываются способными евреи в прошлом и настоящем, какое участие в истории культуры человечества принимали сотни евреев и евреек".

Сам Когут так определил цель своего труда: «Желательно, чтобы книга вполне достигла своей цели — служить "литературным мирным конгрессом" на почве веротерпимости и благоуспешной совокупной деятельности всех, не только евреев и лиц еврейского происхождения, но и христиан обоого пола, так как предлагаемое ею касается всякого носящего человеческий облик, каждого образованного человека без различия вероисповедания, национальной и партийной принадлежности».

Одновременно с книгами Когута в России выходили последние тома Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Сын писателя Абрама Ефрона, автора галахического сочинения "Источник законов", Илья Ефрон открыл в 1880 году в Петербурге типографию и книгоиздательство. На этой базе в 1890 году им совместно с лейпцигским книгоиздательством Ф.Брокгауза была основана знаменитая фирма "Брокгауз и Ефрон", издавшая ряд русских энциклопедических словарей, художественных и научно-популярных произведений.

Наиболее известен упомянутый Энциклопедический словарь, который издавался 17 лет (с 1890 года) и состоял из 82 основных и 4 дополнительных томов. Словарь до сих пор является одной из крупнейших русских энциклопедий. Вслед за ним был выпущен четырехтомный Малый энциклопедический словарь.

Среди изданий фирмы и широко известная прекрасно иллюстрированная "Библиотека великих писателей" (Шекспир, Шиллер, Байрон, Пушкин), ряд книг о еврейской истории, в том числе: Э. Ренан, "История израильского народа"; С. Лозинский, "История инквизиции в Испании"; М. Марголин, "Вавилон, Иерусалим, Александрия".

В 1907 году И. Ефрон вошел в организованное в Петербурге Общество для научных еврейских изданий, и совместно с ним издательство "Брокгауз и Ефрон" в течение восьми лет (1906-1913) выпустило первую в России Еврейскую энциклопедию (ЕЭ), состоящую из 16 томов. Своим появлением ЕЭ в значительной степени обязана также барону Д. Гинцбургу, который совместно с доктором Л. Каценельсоном был первым ее общим (главным) редактором. На титульном листе изданий написано: "Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем".

"Задача Еврейской энциклопедии, — сообщали издатели, — дать возможно полное, соответствующее современному состоянию науки, представление о еврействе, его исторических судьбах, его многовековом культурном творчестве и его современном состоянии во всех странах".

Наряду с еврейскими, ЕЭ включает многочисленные имена неевреев, в той или иной степени причастных к судьбам евреев (Наполеон Бонапарт, Бисмарк, русские цари, Лев Толстой, хирург Николай Пирогов и др.). Но персоналий, у которых евреем был только один из родителей, она не приводит. Так, в ней нет таких известных имен, как художник В. Серов, поэт А. Фет. В случае принятия евреем христианства в ЕЭ указывается его новое вероисповедание. Тома ЕЭ иллюстрированы. Дополнительную информацию содержат приводимые в конце статей литературные источники.



Энциклопедические издания Брокгауза и Ефрона не потеряли своей ценности и в наши дни, о чем свидетельствуют их репринтные переиздания; последнее такое переиздание четырехтомного Малого энциклопедического словаря было предпринято в 1997 году.

Все изложенное свидетельствует о большой просветительской роли И. Ефрона и его вкладе в культуру России. После его смерти в 1917 году принадлежавшее ему издательство вошло в Петроградское объединение частных издательств, но фактически оно находилось в Берлине, возглавляемое Семеном Ефроном. Просуществовало издательство до начала 30-х годов.

В 1926-1947 годах в СССР вышло первое издание Большой советской энциклопедии (66 томов); одновременно издавалась Малая советская энциклопедия (10 томов), затем последовали специальные (отраслевые) энциклопедии: техническая, литературная, медицинская и другие, энциклопедические словари. Нет необходимости останавливаться на этих хорошо известных и популярных изданиях. Отметим лишь, что евреи в них фигурируют как граждане своей страны, их принадлежность к еврейству никак не отмечается (например, Генрих Гейне — немецкий поэт, Исаак Левитан — русский живописец, Исаак Дунаевский — советский композитор).

В 1976 году в Иерусалиме вышел первый том Краткой еврейской энциклопедии (КЕЭ). "Впервые в энциклопедическом издании на русском языке, — отмечается в ее предисловии, — освещены Катастрофа европейского еврейства и воссоздание Государства Израиль". Задача издателей — "дать русскоязычному читателю объективные и находящиеся на современном уровне науки сведения по широкому кругу дисциплин, определяемых в своей совокупности как иудаистика или как наука об еврействе (этногенез еврейского народа, этнография, история, иудаизм, еврейские языки и литература, вклад евреев в мировую цивилизацию, Государство Израиль)". Седьмой том КЕЭ включает главу "Россия" ("История евреев на территории государства Российского от Древней Руси до революции 1917 года", "Русская литература", "Русскоеврейская литература"). Впервые введен раздел "Антисемитская беллетристика XX века".

В 1985 году к 40-летию Победы над фашистской Германией издательство "Советская энциклопедия" с целью "всестороннего освещения важнейшего героического периода истории Союза ССР" выпустило однотомную энциклопедию "Великая Отечественная война. 1941-1945", в которую вошли и такие статьи, как "Гетто", "Бабий яр", "Фашистские лагеря уничтожения".

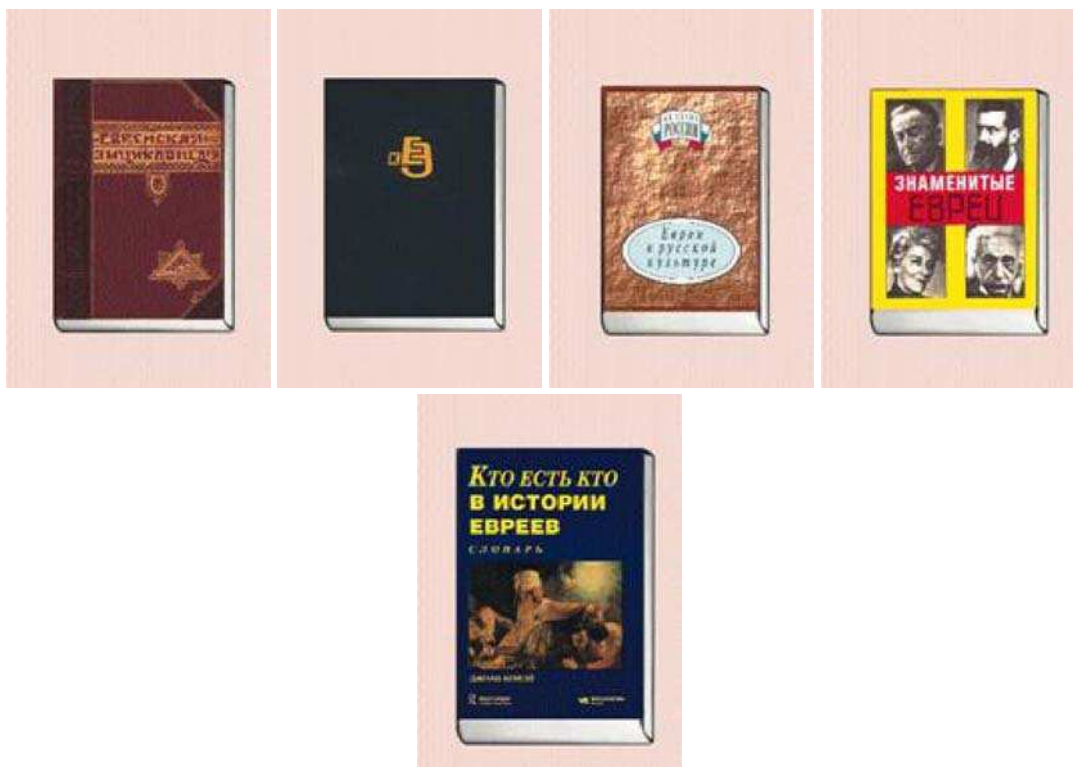
В 1987-1988 годах "Военное издательство" выпустило двухтомник "Герои Советского Союза", содержащий краткие сведения о каждом награжденном с указанием его национальности. До последнего времени данные о числе евреев — Героев Советского Союза, приводимые в различных источниках, не соответствовали друг другу.

В конце 1998 года Союз евреев — инвалидов и ветеранов Великой Отечественной войны в открытом письме Президенту и Председателю Правительства РФ представили уточненные данные (см. "Вечерняя Москва", 11.12.98). Из письма следует, что звания Героя Советского Союза были удостоены 139 воинов-евреев, 12 стали полными кавалерами ордена Славы, 40% из 500 000 погибли в боях. С учетом получивших высокое звание Героя до и после окончания войны их число окажется в пределах 145.

Среди Героев Советского Союза, удостоенных этой награды в довоенные годы, — начальник полярной авиации Главсевморпути М. Шевелев (1937 год), руководивший высадкой экспедиции на Северном полюсе; летчик Я. Смушкевич, ставший третьим в стране дважды Героем Советского Союза, участник боев с фашистами в Испании, с Японией на Халхин-Голе, начальник Военно-Воздушных сил Красной Армии, генерал-лейтенант авиации, расстрелянный по ложному обвинению в 1941 году перед самой войной. Звание Героя Советского Союза было присвоено в 1991 году посмертно И. Кричевскому. Всем им посвящены статьи в новой Российской еврейской энциклопедии.

В 1992 году вышла книга "Знаменитые евреи (130 мужчин и женщин). Краткие биографии". В ней, как отмечает ее автор-составитель Э. Бройтман, "приведены биографические сведения о 130 лицах еврейского происхождения самых разнообразных профессий, занятий и воззрений". Во втором издании книги, появившемся в 1997 году, число имен возросло до 165.

В справочнике "Во славу России. Евреи в русской культуре" (М., 1996) редактор-составитель А. Козак пишет, что он хотел найти ответ на вопрос: "Принимали ли евреи участие в создании и накоплении того удивительного богатства, которое называется русской культурой?" Около тысячи современных, в том числе широко известных, имен в литературе и искусстве, науке и технике, медицине и спорте дают убедительный ответ на этот вопрос.



"Кто есть кто в истории евреев" — под таким названием в 1998 году вышла книга Джоан Комей (перевод с английского; подготовлена Л. Кон-Шербок). В нее вошли, как отмечает автор, "статьи о евреях, внесших существенный вклад в историю и признанных своим собственным народом; отдельных евреях, оказавших заметное влияние на жизнь и культуру своего времени в целом; и неевреях, особым образом повлиявших на еврейскую историю". Однако, несмотря на присутствие в книге таких статей, как "Сталин", "Гитлер" и даже "Эйхман", она практически не отражает участия еврейского народа во второй мировой войне, в частности в Великой Отечественной. Многие статьи в

ней представляют собой краткие монографии, и в целом она может служить ценным приложением к еврейским энциклопедиям.

Рассмотренные издания достаточно полно освещают историю евреев, еврейской цивилизации и ее роль в мировых процессах.

Для России не менее важными являются роль в этих процессах именно российских евреев, их вклад в судьбы народов мира, в победу над фашизмом. Как уже было сказано, сведения о принадлежности того или иного человека к еврейству приводятся в энциклопедических изданиях далеко не всегда, а определение его национальности даже по типичным еврейским, а тем более нееврейским именам может быть ошибочным.

Ясность призвана внести новая Российская еврейская энциклопедия (РЕЭ), выпуск которой осуществляется с 1994 года. "Впервые в мировой практике, — говорится в обращении редакции к читателям, — выходит специальное энциклопедическое издание, целиком посвященное российскому еврейству, его судьбам, истории и роли как в жизни Российского государства, так и других стран мира".

В создании РЕЭ участвуют ученые России, СНГ, Израиля, США, Англии, главный редактор издания — Г.Г. Брановер, главный научный консультант — сэр Исая Берлин (скончался в год выхода третьего тома), заместитель главного редактора, председатель редакционной коллегии — З.Н. Вагнер. Авторский коллектив приводится в конце каждого тома. К спонсорам проекта относятся, в частности, И. Гриль, Л. Тавровский, К. Шахнес, Мемориальный фонд еврейской культуры в Нью-Йорке, министерство просвещения Израиля.

Первый том РЕЭ посвящен памяти инициатора издания, основателя и первого президента Российской академии естественных наук Д.А.Минеева (скончался в 1992 году), автора более 300 научных работ и монографий по минералогии и геохимии, чьим именем назван минерал минеевит.

Восьмитомная РЕЭ разбита на три части: персоналии — 3 тома; российские регионы и еврейские этнолингвистические группы — 2 тома; понятия, связанные с еврейской цивилизацией, а также статьи, посвященные вкладу евреев в различных областях науки, культуры, общественно-политической и экономической жизни — 2 тома; в дополнительный том войдут новые, не включенные в первые три тома имена, а также исправления допущенных ранее неточностей, ошибок.

Вышедшие три тома первой части содержат около 10 тысяч только российских персоналий, деятельность которых проходила в XIX и XX веках в исторических границах Российского государства (включая Польшу), бывшего СССР, имена лиц, проживающих в России в настоящее время.

Основу конструкции тома составляют имена, сопутствующие им события приведены в текстах к ним.

В упомянутом обращении редакции указывается, что в РЕЭ "евреями считаются люди, родители которых или один из них был еврейского происхождения, независимо от его вероисповедания". В русских энциклопедических и иных изданиях эти персоналии могут значиться как русские. Поэтому наряду с именами, не оставляющими сомнений, в РЕЭ фигурируют и такие, о которых мало кто знает, что их носители имеют еврейские

корни. В качестве примеров можно привести художника Валентина Серова, писателя Корнея Чуковского, создательницу первого детского музыкального театра Наталию Сац, Героя Советского Союза партизана Дмитрия Медведева — автора повести "Это было под Ровно", дважды Героя Советского Союза маршала Р.Я. Малиновского, родившегося в Одессе в караимской семье. Родион Яковлевич — один из немногих награжденных высшим полководческим орденом "Победа", в течение десяти лет, до своей смерти в 1967 году, он был министром обороны СССР.

К российским персоналиям в РЕЭ отнесены и те, кто выехал из страны или был вывезен родителями в раннем детстве, больше в ней не был и, возможно, не будет. Отказ от включения их в РЕЭ обеднил бы издание, а для России их имена оказались бы навсегда потерянными.

Так, в трехлетнем возрасте был вывезен родителями в США ученый и писатель-фантаст Айзик Азимов, автор более 400 произведений, в том числе популярных в России "Я, Робот", "Конец вечности", "Язык науки". В разное время покинули Россию возглавлявшие Любавичское движение шестой и седьмой Любавичские Ребе Иосеф-Ицхак и Менахем-Мендл Шнеерсоны, классик еврейской литературы Шолом-Алейхем, польский поэт Адам Мицкевич, революционерка Роза Люксембург, артист Михаил Чехов (племянник А.П. Чехова), микробиолог Залман Ваксман, писатели Сергей Довлатов и Феликс Кандель, лауреат Нобелевской премии поэт Иосиф Бродский, скульптор Эрнст Неизвестный, художник Марк Шагал и многие другие.

Выходцами из России являются первые руководители Израиля: президент страны Хаим Вейцман, премьер-министры Давид Бен-Гурион, Менахем Бегин, Голда Меир, Шимон Перес.

Ввиду ограниченности объема издания редакция из десятков тысяч персоналий могла выбрать для первой части лишь около десяти тысяч имен. Критериями для отбора служили как фактические заслуги персоналия в той или иной области, так и формальные данные (должность, звание, награды).

При этом, как пояснил г-н Вагнер в интервью корреспонденту "Вестника еврейского агентства в России" [№7 (12), 1998], «чем более известен человек, тем меньше статья о нем в РЕЭ, и, напротив, чем меньше его знают, тем больше строк старались ему посвятить... Мы хотим сохранить память о людях, имена которых неизбежно канули бы в Лету только потому, что по каким-то формальным признакам "не дотягивают" до других энциклопедических изданий».

В качестве примера приводится физик Ю. Румер, доктор наук, автор большого количества научных трудов, работавший с академиком Л. Ландау. Долгие годы он провел в тюрьмах и ссылках, и его имя оказалось неизвестным даже многим специалистам; в РЕЭ ему отведено больше места, чем лауреату Нобелевской премии Л. Ландау.

Еще одну особенность РЕЭ отметил г-н Вагнер — ее деидеологизированность: «В РЕЭ представлены не только "комиссары в пыльных шлемах", но и сионисты, бундовцы, меньшевики, эсеры, народовольцы, есть и несколько евреев-антисемитов. После выпуска всех томов мы дадим дополнительный том персоналий, в который войдут как те, кого мы пропустили, хотя словник составлялся весьма тщательно и скрупулезно, так и те, кто "проявился" за последнее время».

Среди этих новых персоналий, говорит З. Вагнер, окажутся Егор Гайдар и Олег Газманов, Алла Леви и Владимир Гусинский, Лев Рохлин. Было бы справедливо, если бы к ним добавились и такие имена, как И. Зильберштейн — доктор искусствоведения, историк, литератор, инициатор создания первого в России музея частных коллекций, Л. Тернер — создатель электронной музыки.



Главный редактор РЕЭ Г.Г. Брановер.

В РЕЭ впервые в русском энциклопедическом издании помещены статьи, посвященные диссидентам и правозащитникам, в том числе Л. Богораз-Брухман, П. Литвинову, П. Якиру, Е. Боннэр, руководителю Фонда защиты гласности А. Симонову (сыну поэта К. Симонова).

РЕЭ распространяется также в США. Приводим выдержку из статьи Марка Штейнберга "Российская еврейская энциклопедия", опубликованной в газете "Еврейский мир" (14.05.98): «Для меня, полжизни собирающего сведения о военной истории еврейского народа, главный интерес в первой части РЕЭ вызвали евреи — военачальники и герои. И здесь множество открытий. К примеру, Израиль Борисович Разгон. Я знал, что он еврей и участник гражданской войны. Но не имел понятия о создании им Бухарской народной армии, о том, что он был главным советником Чан Кайши, начальником знаменитой китайской военной академии Вампу, действовавшим под псевдонимом генерала Ольгина, что он был заместителем командующих Черноморским и Балтийским флотами.

В РЕЭ названы одни из основных создателей легендарной "катюши" — реактивной установки времен Великой Отечественной войны — Гвай, Слонимер и Шварц, которые только посмертно, в 1991 году, были удостоены звания Героя Социалистического Труда».

В РЕЭ сообщается, что И. Разгон осенью 1937 года был арестован и расстрелян.

Первый том РЕЭ издавался дважды; во втором издании, вышедшем в России, имя И. Гвая оказалось пропущенным.

Кроме дат жизни, в РЕЭ указывается также время присвоения почетного звания. Из сопоставления дат видно, что звание Героя Социалистического Труда И. Гваю, Б. Слонимер и Л. Шварцу действительно было присвоено посмертно; однако прямое указание на это представляется предпочтительным. М. Штейнберг несколько более

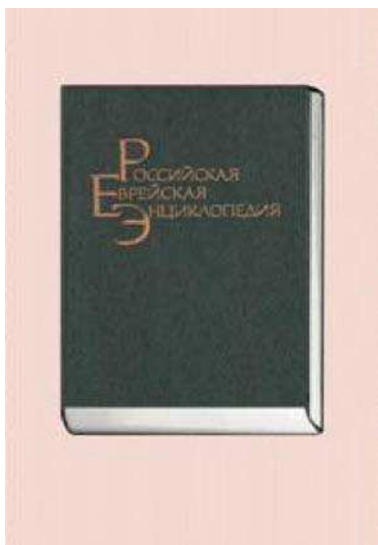
конкретно сообщает о также включенных в РЕЭ генералах, создателях новейшей боевой техники, Героях Социалистического Труда Л. Гоноре, М. Бисновате, Ж. Котине.

Газета "Русская мысль" (Париж, октябрь 1998 года) в статье, посвященной выходу Российской еврейской энциклопедии, отмечая, что в РЕЭ есть имена, которые не встретишь ни в одном другом справочном издании, пишет: "Само это издание свидетельствует о возрождении иудаистики в России, которой занимаются ученые и еврейского, и нееврейского происхождения, в том числе выпускники факультета иудаики Российского гуманитарного университета".

Любопытно отметить, что наиболее часто в РЕЭ встречаются фамилии Рабинович (56 раз!) и Гуревич (47 раз!).

Несколько замечаний по тексту и оформлению РЕЭ.

Многие статьи в РЕЭ кончаются словами "репрессирован", "арестован", "расстрелян". Целесообразно было бы указать не только то, что репрессии носили политический характер, но и факт, а также дату реабилитации.



В первой части РЕЭ статьи приводятся в алфавитном порядке, и приходится просматривать все тома, чтобы оценить роль евреев в какой-либо области деятельности, их число среди Героев Советского Союза или нобелевских лауреатов (вместе с уехавшими и получившими Нобелевскую премию уже в другой стране их не меньше 14). Такие обобщающие данные можно было бы привести в восьмом, дополнительном, томе. По-видимому, более удобной явилась бы разбивка персоналий по роду деятельности, а внутри каждого раздела — в алфавитном порядке.

Третий том было бы полезно снабдить алфавитным указателем (это может быть сделано в восьмом томе). Кроме того, для удобства пользования целесообразно дать на корешках томов граничные буквы или, еще лучше, слова, как это принято во многих энциклопедических изданиях.

РЕЭ является уникальным, весьма интересным и полезным энциклопедическим изданием, которому суждена долгая жизнь. Можно надеяться, что приведенные замечания будут учтены при ее переиздании.

ЛИТЕРАТУРНО-ПРОКУРАТУРНЫЙ СИНТЕЗ

Аידען אױעי יא

Весьма любопытной фигурой остался в моей памяти Лев Шейнин — личность своеобразная, парадоксальная, ни в какие привычные рамки не вмещающаяся. В нем, казалось, совмещались два человека. Один — веселый, общительный, балагур, "душа общества", подкупающий редким даром рассказчика, мастер добродушных, смешных розыгрышей. С ним были дружны такие известные деятели культуры, как Иван Берсенев, Григорий Александров, Юрий Завадский, Василий Гроссман, братья Тур, Фаина Раневская, Роман Кармен, Мария Миронова, Константин Симонов. Шейнин и сам был одаренным литератором — его перу принадлежит книга "Записки следователя", бестселлер той поры, пьесы и киносценарии. Но был и другой, как бы остававшийся в тени Шейнин — следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР. И многие уже догадывались, что Шейнин не только имеет дело с уголовниками — жуликами, ворами и спекулянтами, описываемыми в "Записках следователя" весело и благодушно, но имеет также прямое отношение к страшной карательной машине сталинского режима, тем более что не была секретом его непосредственная близость к Андрею Вышинскому, бессменному обвинителю на инсценированных процессах 30-х годов. Уместно упомянуть, что именно Вышинский обогатил советскую юридическую науку замечательным постулатом: "признание — царица доказательств". Достаточно было признания, легко получаемого от арестованных в застенках тюрем, чтобы признать их "врагами народа". Для добывания "царицы доказательств" применялась целая система истязаний — физических и психологических. Думается, Лев Романович, будучи по должности помощником Вышинского, не мог не быть в курсе этой системы, хотя не верится, что он был непосредственно к ней причастен.

Мы состояли в дружбе, я был для него - "Боря", он для меня - "Лёвчик".

...Вспоминается Нюрнбергский процесс, на котором Шейнин возглавлял группу наших журналистов, писателей и кинематографистов. На процессе он выступал советским обвинителем по разделу об ограблении музеев и вывозу гитлеровцами в Германию ценнейших произведений искусства. Как известно, самое активное участие в этом наглом хищническом ограблении принимал Геринг, украшавший краденными картинами стены своих вилл. Он слушал перевод выступления Шейнина с явным раздражением, выразительно разводя руками и пожимая плечами, демонстративно снимая и швыряя перед собой радионаушники. Наконец он разразился репликой:

- Не кажется ли господину обвинителю, что он пользуется фальшивыми фактами?

Лёвчик проявил находчивость, незамедлительно ответив:

- А не кажется ли господину Герингу, что он больше не рейхсмаршал, которому дозволено перебивать кого угодно, а преступник, отвечающий за свои преступления?

Как-то Шейнин предложил мне поехать вместе с ним отдохнуть и подлечиться в Кисловодск. Мне, откровенно говоря, лечиться было не от чего. Но Лев Романович к этому времени обзавелся болезнью, не совсем обычной и, увы, неизлечимой, — ракобоязнью. Он не переставал говорить о коварстве этого недуга, который, по его сведениям, может возникнуть из любой родинки, бородавки, царапины. Однажды он чуть ли не силой поволок меня на прием к видному профессору, генералу медицинской службы.

- Уверю вас, Боря, — настаивал он, - это необходимо. Надо время от времени проверяться. Сначала профессор примет меня, а потом вас.

Так и сделали. Я подождал в приемной, куда минут через двадцать вышел Шейнин. Профессор осмотрел меня быстро, довольно небрежно и отпустил, сказав, что не видит оснований для беспокойства и специального обследования. Но Шейнин вцепился в меня мертвой хваткой:

- Боря! Скажите честно, что он сказал вам обо мне? Ничего от меня не скрывайте! Что он сказал?

- Лёвчик! Ничего он о вас не говорил.

- Нет! Говорите правду! Не сказал ли он "плохи дела у нашего Льва Романыча"?

- Клянусь вам, Лёвчик, абсолютно ничего такого он не говорил!

Но Шейнин смотрел на меня подозрительно и долго не мог успокоиться.

В Кисловодске мы застали веселую и дружную компанию: там отдыхали Константин Симонов, фельетонист-сатирик Григорий Рыклин, композитор Марк Фрадкин, поэт Михаил Матусовский. Была там и популярная эстрадная пара Мария Миронова и Александр Менакер. В дороге я имел неосторожность рассказать Шейнину со слов писателя-юмориста Бориса Ласкина "байку" о том, как Менакер понес своего кота на некоторую положенную котам операцию и, сидя в приемной ветеринарной лечебницы рядом с двумя симпатичными женщинами, пришедшими со своими собачками, разглагольствовал о своей любви к животным, о том, что, несмотря на свою занятость,

принес своего котика, у которого заболели ушки. Дамы слушали его с умилением. Тут из операционной вышел мрачный человек с измазанными иодом руками и громко возгласил: "Кто здесь Менукер? На кастрацию!"

Бедный Александр Семенович съезжился, боясь взглянуть на своих соседок, а хирург, повысив голос, повторил: "Менукер! На кастрацию!"

Эта "байка" безумно понравилась Шейнину. Он долго хохотал, повторяя эту фразу. Но так случилось, что в Кисловодске, выходя из нашего санатория имени Орджоникидзе, мы проходили мимо другого санатория, поменьше, где жили Миронова с Менакером, и тут Шейнин неизменно кричал: "Менукер! На кастрацию!"

При мне Александр Семенович жалобно говорил:

- Лев Романович! Я вас умоляю. Неудобно же... И потом, ничего этого не было. Борька Ласкин все выдумал. Прекратите, пожалуйста!

- Да, да, Саша, — отвечал Шейнин. - Простите. Больше не буду.

На следующее же утро все повторялось сначала. Снова зычно гремело: "Менукер! На кастрацию!" Бедный Менакер снова умолял Шейнина, и Шейнин давал обещание прекратить.

Развлекались, как могли. Однажды, возвращаясь к себе в номер, я столкнулся с выходящими из санатория Симоновым и Шейниным. Они как-то странно на меня посмотрели и ускорили шаги. Я подозрительно посмотрел им вслед, но, войдя в номер, ничего особенного не обнаружил, пока не заглянул за полог огромной двуспальной кровати и увидел... свирепо на меня глядевшего большого рыжего петуха, привязанного к спинке кровати моим лучшим галстуком. От неожиданности я оцепенел. А дело было вот как. Шейнин с Симоновым, проходя по рынку в городе, увидели этого петуха, и поэта сразу посетила светлая идея — подбросить его Ефимову. В дальнейшем этого петуха подбрасывали в санузел к Григорию Рыклину, от него — Марку Фрадкину, дальше следы его затерялись...

Шейнин продолжал преуспевать на литературно-театральном поприще. Его пьесы (некоторые в соавторстве с братьями Тур) ставили такие театры, как Камерный и Ленинского комсомола, выходили на экран фильмы по его сценариям, переиздавались дополненные новыми увлекательными новеллами "Записки следователя". Надо думать, что он преуспевал и в своей ипостаси "следователя по особо важным делам". Он был, как говорится, "в полном порядке". И вдруг... Встретил я на улице Сергея Михалкова и от него услышал:

- А знаешь, Боря? Этого толстяка Шейнина посадили. Говорят, упал в обморок, когда за ним пришли. Там теперь, поди, похудеет.

Я остолбенел.

- Да ты что, Сережа? Шейнина посадили? Да он сам всех сажает.

- Ну и что? - философски заметил Михалков. — Сажал, сажал и досажался.

Года через полтора Шейнин вышел на свободу так же внезапно, как и был арестован. Мы с ним встретились в Серебряном бору. Конечно, он не стал посвящать меня в причины своего ареста, ограничившись чисто бытовыми подробностями и сказав между прочим:

- Боря, спросите у Тамары, с каким олимпийским спокойствием я уходил из дома.

Я вспомнил слова Михалкова и, признаться, остался в недоумении: что было на самом деле — обморок или олимпийское спокойствие. Однако меня все еще интересовали причины его ареста. Однажды, оглянувшись по сторонам и понизив голос, он произнес одно слово: "Михоэлс...".

Смысл этого более чем краткого ответа стал мне ясен только несколько лет спустя, когда после смерти Сталина люди стали откровеннее и Шейнин поведал мне, что с ним произошло. Он был командирован в Минск в качестве следователя по особо важным делам в связи с загадочной гибелью Михоэлса. И для опытного Шейнина не представило большого труда установить, что никакой официально объявленной автомобильной аварии не произошло, а было хорошо подготовленное циничное убийство, следы которого вели непосредственно в органы государственной безопасности, в частности к весьма высоким особам. Можно не сомневаться, что самая тщательная слежка велась и за следователем по особо важным делам. От него, видимо, ожидали, что он подтвердит факт аварии и чистую случайность гибели выдающегося артиста. Таким образом, следовательская зоркость, опыт и умение Шейнина оказали ему в данном случае плохую услугу. "Наверху" сочли необходимым срочно, немедленно "убрать" слишком дотошного следователя.

Я уже рассказывал о преследовавшей Шейнина "канцерофобии", попросту говоря, боязни заболеть раком. К счастью, сия чаша его миновала. Этот, повторяюсь, незаурядный, сложный, парадоксальный человек ушел из жизни совсем не старым, скоропостижно от сердечного приступа, хотя никогда на сердце не жаловался.

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН СНГ

Биньямину Нетаниягу переводчик не понадобился

Во время своего последнего визита в Москву премьер-министр Израиля г-н Биньямин Нетаниягу встретился с учащимися и преподавателями московской еврейской школы "Ахей Тмимим и Бейт Ривка" Движения "Хабад-Любавич". Посетить школу его пригласили президент фонда "Ор Авнер" и Федерации еврейских общин СНГ г-н Леви Леваев и председатель объединения раввинов СНГ раввин Берл Лазар. Это первая еврейская общеобразовательная школа, открытая после перестройки.



Дети встретили премьер-министра приветствиями на хорошем иврите. Гость ненадолго превратился в учителя этого языка в одном из классов. Проведенный им блиц-анализ знаний учащихся по письму и речи его приятно удивил. Выяснилось, что за тысячи километров от Израиля еврейские дети изучают иврит на весьма высоком уровне.

В компьютерном классе премьер-министра ознакомили с компьютерной программой об Исходе евреев из Египта, законах праздника Пейсах и т.д. Он с удовольствием слушал пасхальную песню, включенную в программу. Компьютерное оснащение школы вызвало у него восхищение. Руководитель еврейского государства уверен, что именно за компьютерным обучением стоит будущее.

В актовом зале, где состоялась встреча премьер-министра с учениками и их учителями, его приветствовал директор школы г-н Куравский.

Выступивший на встрече раввин Лазар отметил, что израильские гости обычно интересуются тем, сколько детей из школы репатрировалось в Израиль, сколько

собирается это сделать. Раввин пояснил, что руководство фонда "Ор Авнер" поставило перед собой задачу дать учащимся в стенах школ настоящее еврейское образование, чтобы те, кто репатрируется в Израиль, знали, что они едут в Святую Землю, которую еврейский народ получил от Всевышнего.

После раввина выступила одна из учениц школы с приветствием премьер-министра Израиля от имени всех школьников на иврите.

Г-н Леви Леваев поделился своими детскими воспоминаниями о самоотверженности, на которую шли его дед и отец ради еврейского образования, и своей удовлетворенностью тем, что сегодня десятки тысяч детей могут получить в школах Хabad-Любавич в СНГ еврейское образование на высоком уровне.

Свое выступление Биньямин Нетаниягу начал с того, что переводчик может отдохнуть: все собравшиеся прекрасно его поймут на иврите. Главное, что прозвучало в его выступлении, — пожелание, чтобы в самое ближайшее время дети и их родители, все другие евреи оказались в стране Израйля: "В будущем году — в отстроенном Иерусалиме!"

Премьер-министр подарил школе серебряную ханукию.

В беседе с раввином Лазаром и г-ном Леваевым г-н Нетаниягу получил информацию о деятельности фонда "Ор Авнер" и Федерации еврейских общин, в частности о подготовке к празднику Пейсах. Присутствовавший на встрече спонсор еврейских праздников в Москве г-н Авраам Гаст преподнес премьер-министру... пачку мацы, одну из сотен тысяч доставленных в этом году в СНГ из Израйля Федерацией.





Сейдер беседер

Посланники Хабада отправились в двадцать городов России, чтобы провести там пасхальный Сейдер



Вечером 14-го числа весеннего месяца Нисана, выпавшего в этом году на

31 марта, согласно древней, уходящей своими корнями в Тору традиции, евреи празднуют Пейсах, садятся за праздничный стол и проводят Сейдер.

Слово "сейдер" на иврите означает "порядок". В данном случае — это порядок празднования, включающий ритуальную трапезу, молитвы и рассказ об Исходе евреев из Египта. Во время трапезы едят горькую зелень и мацу, напоминающие одновременно о тяжелом рабстве и обретенной свободе.

На Сейдере Исход перестает быть историей, случившейся в незапамятные времена, более трех тысяч лет назад, а переживается как нечто актуальное, происходящее с сидящими за столом здесь и сейчас.

Пейсах — праздник семейный. Тора обращается к каждому взрослому еврею: ты должен рассказать об Исходе своим детям, это твой долг.

Увы, исполнение этого долга сегодня в России оказывается для многих весьма и весьма затруднительным. И дело совсем не в давлении властей, как это было совсем недавно. К настоящему времени ситуация изменилась кардинально. Дело в том, что поколения евреев, выросших вне собственной религиозной и национальной традиции, сами в определенном отношении являются детьми, сами нуждаются в том, чтобы кто-то рассказал им об Исходе.



На Сейдере ребенок спрашивает отца: "Чем отличается эта ночь от других?" Сегодня этот вопрос могли бы задать и многие взрослые. Люди хотят войти в свое религиозно-национальное русло, и лучший момент для этого, чем Пейсах, трудно себе представить.

Но как это практически сделать? Для этого в синагогах проводятся большие общественные Сейдеры, в которых участвуют сотни людей.

Но и тут возникают проблемы. Примерно в 150 городах России существуют еврейские общины. Раввины же есть не более чем в двадцати. Естественно, общины, в которых раввинов нет, нуждаются в помощи.



Такая помощь оказывается главным образом через Федерацию еврейских общин, аккумулирующую и распределяющую финансовую помощь на проведение

Сейдера. Она же координирует усилия волонтеров, отправляющихся за тридевять земель, чтобы помочь людям исполнить свой долг: "рассказать сыну своему..."

Волонтеры — это молодые люди (20—25 лет), студенты ешив Израиля и США, профессионалы, прекрасно знающие, "как это делается", и готовые поделиться своим знанием с другими.

"Как это делается" относится не только к правильному проведению Сейдера, но и к тому, чтобы он был абсолютно кошерным, то есть чтобы помещение, еда, вино, виноградный сок и посуда соответствовали определенным требованиям, обычно не слишком легко выполнимым людьми, живущими вне еврейского традиционного круга.

Приехавшие издалека волонтеры — это и носители еврейской культуры. Дело ведь не в обеспечении некой механической правильности, но в том, чтобы придать празднованию нечто неуловимое — дух и стиль, то, чему нельзя научить академически, а можно передать только при личном общении.

На иврите "беседер" означает "о'кей", "в порядке". Волонтеры обеспечивают кошерный Сейдер - Сейдер беседер!

Они предпочитают дальний путь празднованию в своей ешиве, в дружеском или семейном кругу. Все они принадлежат к хасидскому движению Хабад, едва ли не самому активному в иудаизме.



Они едут не только в Россию, их маршруты проходят по всем странам мира, где есть хотя бы горстка евреев, которые хотели бы сесть все вместе за пасхальный стол, но нет человека, который мог бы провести Сейдер. Они проводят Сейдер в самых экзотических местах: в Заире, на Аляске, в Катманду, в Непале. Молодые израильтяне, отслужив в армии, любят путешествовать и часто отправляются в Юго-Восточную

Азию, где много экзотики и можно прожить на доллар в день. Пейсах в Бангкоке — событие, которое запоминается на всю жизнь.

В этом году Федерация еврейских общин направила по всей России 40 волонтеров. Они побывали (по двое) в двадцати городах. По крайней мере один из двух знает русский язык.

Число участников проводимых волонтерами Сейдеров в этом году, как и в прошлые годы, в разных местах колебалось от 150 до 300. Удивительно, что несмотря на то увеличивающийся, то уменьшающийся, но все же непрерывный отъезд евреев из России, это число как бы и не уменьшается, а интерес к традиции постоянно возрастает, создаются новые общины.

В Пейсах с особой силой звучит мотив единства еврейского народа, разбросанного по всему миру, общей судьбы тех, кто вышел некогда из Египта. Исход из Египта рассматривается не только как внешнее событие, но и как внутренний императив для каждого еврея, как изменение жизни, постановки ее в новый контекст, наполненный новым смыслом. Эта мысль звучит в древних текстах пасхального Сейдера, об этом говорили приехавшие из США и Израиля посланники Хабада, обращаясь к своим братьям в Уфе, Красноярске, Владивостоке и многих других городах России.



ПЕЙСАХ В ЛАТВИИ

Весь март в организации "Хабад-Любавич" Риги непрерывно звонили телефоны: люди интересовались, какие мероприятия намечены на праздник Пейсах. И никто не остался разочарованным, ни дети, ни взрослые.



Для детей из школы и детского сада "Охел-Менахем", для всех еврейских ребят города два дня работала мацепекарня, где каждый мог не только узнать сохраненные в веках тайны выпечки мацы, но и своими руками ее испечь. Была подготовлена интересная познавательно-развлекательная программа с показом слайдов о празднике Пейсах, привезенных из Израиля, проведением конкурсов на знание еврейских традиций и культуры. Тем, что дети узнали в эти два дня, они потом поделились с друзьями и родственниками.

Для женщин, посещающих махон "Хая—Мушка", была прочитана лекция о празднике Пейсах, о том, какие законы следует выполнять в праздничные дни, почему мы едим мацу, как правильно избавиться от хомеца. Во многих еврейских домах Риги в этом году Пейсах впервые был проведен согласно всем традициям, что немаловажно для сохранения еврейского духа — идишкайт. Как и в прошлые годы, нуждающиеся Латвии смогли получить мацу и все необходимое для проведения праздника.



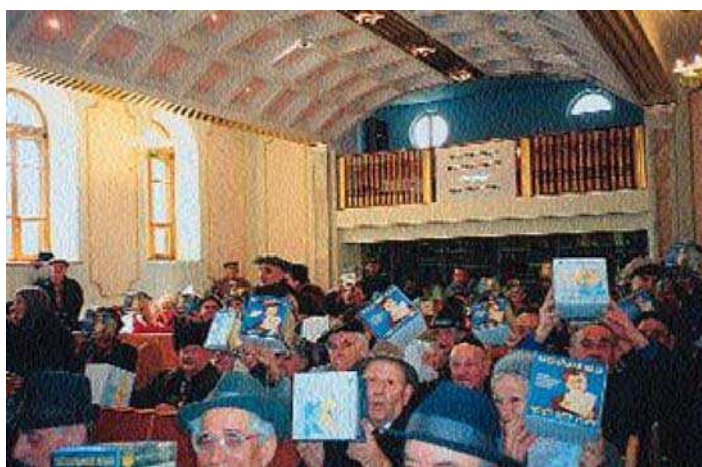
Главным событием Пейсаха явились два Сейдера, проведенные в школе "Охел-Менахем". Около 300 человек собрались в празднично украшенном зале за красиво накрытыми столами, чтобы торжественно встретить праздник. Пришли пожилые люди, которые в обычные дни с большим трудом выходят из дома, матери привели своих маленьких детей. Все с большим вниманием слушали чтение Агоды, дети с удовольствием отвечали на вопросы, показав, что знают даже больше своих родителей.

Все это вселяет надежду, что в будущем году на пасхальный Сейдер соберется еще больше людей, чтобы всем вместе показать — только следование традициям,

соблюдение всех еврейских законов и вера в Б-га хранили и спасали наш народ со времен Исхода из Египта до наших дней.

ПЕЙСАХ В ДОНБАССКОМ РЕГИОНЕ

В двадцати двух городах и населенных пунктах Донбасса пасхальный Сейдер собрал свыше шести с половиной тысяч человек. В преддверии праздника благотворительный фонд "Хесед Цдака" совместно с еврейским общинным центром Донецка вручил восемь тысяч подарков пенсионерам и малоимущим, а в синагоге практически все дончане — евреи, участники войны получили дополнительно мацу.



Празднества в Донбассе были организованы при финансовой поддержке Федерации еврейских общин СНГ.

С таким размахом, как в этом году, пасхальный Сейдер здесь еще не проводился. Только в первую ночь праздника в Донецке за пасхальным столом сидели 1250 человек. Сейдер в десяти точках города проводили приглашенные гости из Израиля и Америки, помощники главного раввина Донбасса Пинхаса Вышецкого и члены общины, прошедшие специальную подготовку. Ее координатором являлся директор общинного центра Донецка Аарон Вагнер. Посланниками донецкого раввина во все места проведения праздника были заранее доставлены пасхальные продукты и литература, описывающая порядок проведения Сейдера, и Агода.

Евсей Городецкий из Мариуполя, человек преклонного возраста, признался, что праздник Пейсах стал для него откровением. Советское воспитание сделало свое дело: "Как это ни парадоксально, свой выход из Египта я начинаю только сегодня. И в путь меня позвала еврейская община Донбасса".

А вот что сообщила Ева Ковнер, проживающая вблизи поселка Новоселка: "До недавнего времени еврейскими у меня были только имя и фамилия. Благодаря еврейскому образованию — а учиться никогда не поздно, — в свои уже немолодые годы еврейкой становлюсь и я сама. Не по паспорту, по документам я была еврейкой всегда, а по самой сути. И это — благодаря празднику Пейсах".

И еще несколько откликов, уже из Донецка. "Мы благодарны Эстер и Нохуму Лейдикерам, посланникам Любавичского Ребе, пригласившим нас на пасхальный Сейдер. И благодарны вдвойне за то, КАК они его провели. Это было так трогательно, тепло и остроумно, что даже возникли некоторые подозрения, кстати, подтвердившиеся: Нохум действительно оказался родом из Одессы"...

Многие из тех, кому посчастливилось быть участниками празднования Пейсаха, отметили, что окружавшая их сердечная атмосфера, чувство родства даже с теми, кого они увидели впервые, — это урок праздника, который сплотил собравшихся и еще на несколько шагов отдалил их от Египта, приблизив к свободе и свету.

אי עוֹדֵה נֶאֱמָר:

КРАСИВЫЙ ПРАЗДНИК

Даже пестрые гирлянды, ярко освещавшие в этот вечер территорию николаевской синагоги, весело подмигивали всем входящим: "А гут йом тов!" Праздничная атмосфера преобразила все вокруг. Звезды сияли ярче, и улыбки были лучезарней, и море положительных эмоций надолго вселилось в сердца собравшихся. Благодаря стараниям главного раввина города Николаева и Николаевской области Шолома Готлиба празднование получилось по-настоящему красивым, веселым и знаменательным.



Вечером 31 марта к синагоге стали подтягиваться николаевские евреи, нарядные и торжественные. Женщины зажгли праздничные свечи. По окончании службы в синагоге и других местах начались пасхальные Сейдеры.

Для желающих вместе отпраздновать начало Пейсаха были накрыты столы с традиционными еврейскими блюдами в синагоге, в шахматном клубе и в театре имени Чкалова.

В это же время в пасхальном Сейдере участвовали 300 евреев в городе Первомайске и 250 — в Вознесенске.

Все, независимо от пола и возраста, получили в этот вечер полную меру радости и хорошего настроения, узнали много интересного об освобождении евреев из египетского рабства.

А николаевский раввин пешком обходил все места, где "коллективно" отмечали праздник, чтобы убедиться — Сейдер проводится там по всем правилам, и еще раз поздравить его участников. Всех евреев города раввин Шолом Готлиб поздравил в этот вечер с наступающим праздником с экрана местного телевидения.

Увиденным раввин остался вполне доволен. Люди ели, пили, читали и слушали Агоду, отдыхали, улыбались и отвечали на вопросы заглянувшим на праздник журналистам из местных средств массовой информации.

Нынешний николаевский раввин сумел так организовать свою деятельность, что синагогой заинтересовались не только средства массовой информации, но и вся городская общественность: здесь есть на что посмотреть, чему поучиться. Посмотреть на царящую здесь атмосферу тепла, заботы и внимания, поучиться той выдержке и силе духа, которые в свое время помогали евреям переносить страшные годы гонений.

Накануне праздника 2000 евреев Николаева получили продуктовые наборы, разумеется, включавшие мацу.

Àèèòîðÿ Ðóèüèíà

ПРОПАВШАЯ СТРОЧКА

Ḥayyim Ḥayyim Ḥayyim

К вечеру в большом зале клуба еврейских писателей Варшавы становилось почти пусто. За столиком в углу играли в шахматы два безработных корректора. Играли и в то же время, казалось, дремали. Кошка Мина, забывшая, что причастна к литературе и о ней пишут в газетах, отправилась во двор поохотиться на мышей, а может быть, на птиц. Я сидел за столиком с наиболее важным членом клуба, Иешуа Готлибом, ответственным сотрудником газеты "Хайнт", председателем профсоюза журналистов, доктором философии, который учился у таких светил, как Герман Коген, профессор Баух, профессор Мессер Леон, Куно Фишер. Доктор Готлиб был высокого роста, широк в плечах. У него был красный затылок и круглый живот. Он курил длинную сигару, выпуская дым через ноздри. Вряд ли ему пришло бы в голову пригласить меня, новичка, за свой столик, но в этот час никого больше в клубе не было, а Готлиб любил поговорить.

Беседа незаметно перешла в область сверхъестественного, доктор Готлиб сказал:

- Вы, молодые люди, спешите объяснять все, исходя из своих теорий. Для вас прежде всего теория, а потом уже факты. Если факты не укладываются в теорию, виноваты факты. Но в моем возрасте понимаешь, что у событий своя логика. Начнем с того, что они — дети случая. Ваши мистики чувствуют себя оскорбленными, если что-нибудь происходит естественным путем. Но, по-моему, то, что Спиноза назвал естественным порядком вещей, и есть величайшее чудо. Когда я ищу очки и нахожу их в ящике, который, кажется, не открывался мной два года, то понимаю, что положил их туда я сам, а не ваши демоны и домовые. Сколько бы заклинаний я ни произносил, очки оставались бы в ящике вечно. Как вам известно, я очень почитаю Канта, но, по-моему, случайность — это нечто большее, чем категория чистого разума. Это — сама сущность творения. Можете называть ее вещью в себе.

- А кто сотворил случай? - спросил я, чтобы поддержать разговор.

- Никто, в этом и его красота. Позвольте рассказать вам один случай. Примерно два года назад со мной произошло нечто со всеми признаками ваших чудес, не поддающееся объяснению. Я рационалист, но сказал себе — если такое произошло на самом деле, не во сне, то придется переоценить все, что я узнал от первого класса гимназии до университетов Бонна и Бёрна. Разгадка же оказалась такой простой, какой может быть только правда. Впрочем, я не хочу спорить с нашими литераторами. Вы, вероятно, знаете, что о беллетристике я невысокого мнения. Вы можете посчитать это кощунством, но в газетах я нахожу больше человеческих пороков, больше психологии, даже больше занимательности, чем во всех ваших литературных журналах. Сигара вас не беспокоит?

- Нисколько.

- Вы, конечно, знаете, незачем говорить вам, что наши наборщики в "Хайнте" и вообще в еврейской прессе ошибаются чаще всех наборщиков мира. Они считают себя ревнителями идиша, но с языком нисколько не считаются. Из-за этих варваров я ночами не сплю. Кто-то сказал, что 90% писателей умирает не от рака или чахотки, а из-за

опечаток. Каждую неделю я читаю три корректуры своей статьи, но они, исправляя одну ошибку, тут же вносят другую, а иногда и две, три или четыре.

Примерно два года назад я написал статью о Канте, типа юбилейной. Когда дело доходит до философских терминов, наши наборщики особенно нервничают. Кроме того, человек, делающий страницу, обычно теряет по меньшей мере одну строчку, и я часто нахожу ее в другой статье, иногда даже в "Новостях". На этот раз я цитировал фразу, представлявшую великолепную возможность для опечаток: "трансцендентальное единство апперцепции".

Можно было ожидать, что наборщик сделает из этого котлету, но без цитаты нельзя было обойтись. Я, как всегда, трижды прочел гранки, и, как ни странно, всякий раз все выходило правильно! На всякий случай я прошептал молитву и в эту ночь спал спокойно — насколько это возможно для еврейского писателя.

Газеты приносили мне всегда в восемь часов утра, и пятница была для меня самым страшным днем. Поначалу казалось, что все идет гладко, и я надеялся: на этот раз меня пощадят. Но нет! Строчка со словами "трансцендентальное единство апперцепции"... исчезла. Вся статья потеряла смысл.

Я, конечно, очень рассердился, целый час яростно проклинал всех наборщиков, потом стал искать строчку в других статьях этого номера. На сей раз она пропала вообще, и я был весьма разочарован. Еще больше меня поразило то, что все читатели, даже мои друзья по клубу, поздравляли меня и, судя по всему, не заметили пропажи. Миллион раз я обещал себе не читать "Хайнт" в пятницу, но, понимаете, в каждом из нас таится частица мазохизма. Я представлял себе, как мщу наборщикам, редакторам, корректорам, расстреливаю их, избиваю, заставляю учить наизусть все мои статьи с 1910 года.

Через некоторое время я решил, что помучился достаточно, и стал читать "Момент", газету конкурирующую с "Хайнтом", намереваясь посмотреть, что написал их корифей Гельман. Мне, разумеется, было известно заранее, что статья его плоха. За двадцать лет соперничества он не создал ничего стоящего. Не знаю вашего мнения, но мне он кажется ужасным.

В ту пятницу его стряпня была еще хуже обычного, я бросил чтение на середине и заглянул в "Новости". Внезапно произошло нечто невероятное, непостижимое, нелепое. Я увидел свою пропавшую строчку! Первое, что пришло мне на ум, — это может быть только галлюцинацией. Однако галлюцинации длятся лишь долю секунды. Здесь же передо мною черным по белому стояло: "трансцендентальное единство апперцепции"! Закрыв глаза, я был уверен, что, когда открою их, мираж исчезнет, но он оставался — невысказанный, абсурдный.

Признаюсь, что не верю в сверхъестественное, тем не менее я часто пытался представить себе момент, в который некое явление заставит меня усомниться в логике и реальности. То, что металлическая строчка перелетит из наборной "Хайнта", расположенной на Хлодной, д. 8, в наборную "Момента" на Налевскую, д. 38, — этого я никак не ожидал.

В комнату вошел мой сын, и, вероятно, потому, что я походил на человека, увидевшего приведение, он спросил:

- Папа, в чем дело?

Я ответил, не знаю почему:

- Пожалуйста, выйди и принеси мне номер "Момент".

- Но ты читаешь "Момент"! - заметил парень.

Я сказал, что мне нужен другой экземпляр. Мальчик посмотрел на меня, словно говоря: "Старик совсем спятил", но сошел вниз и купил газету.

Конечно, моя строчка оставалась в той же статье, на том же месте.

Я был так сбит с толку и угнетен, что захохотал. Чтобы удостовериться полностью, попросил сына прочесть всю заметку вслух. Он снова посмотрел взглядом, означавшим "у отца не все дома", но медленно все прочел. Дойдя до перемещенной строки, он улыбнулся и спросил:

- Ты поэтому хотел, чтобы я принес другой экземпляр?

Вопрос остался без ответа. Я понимал, что галлюцинации всегда бывают с одним человеком, но не с двумя.

- Есть коллективные галлюцинации, - решил я.

Как бы то ни было, в пятницу и субботу я не спал и с трудом мог есть. В воскресенье утром я отправился к начальнику нашей типографии, своему старому другу Гавзе. Уж кого-кого, а его не одурачишь абракадаброй и фокус-покусами! Мне хотелось увидеть его лицо, когда он прочтет то, что прочел я.

По дороге я подумал, что хорошо бы найти рукопись, если ее не выбросили. Ее нашли! В ней были точно такие слова, как мне помнилось. Я страстно хотел разгадать эту тайну и предпочел бы, чтобы она не зиждилась на чьей-то грубой ошибке, непонимании или забывчивости. С рукописью в одной руке и "Моментом" в другой я пошел к Гавзе.

- Пожалуйста, прочти этот параграф, - попросил я его.

Я не успел договорить, он меня перебил:

- Знаю, знаю, из твоей статьи выпала строка в конце. Ты, наверное, хочешь, чтобы опубликовали поправку. Поверь мне, поправок никто не читает.

- Нет, я не хочу никаких поправок, - сказал я.

- А зачем тогда ты пришел сюда в воскресное утро? - не понял Гавза.

Я подал ему "Момент" со словами:

- Теперь прочти это.

Гавза пожал плечами и стал читать. Никогда прежде я не видел такого выражения на его спокойном лице. Он разинул рот, смотрел на заметку, на мою рукопись, на меня, на газету, опять на меня и произнес:

- Мне грезится? Вот твоя пропавшая строчка!

- Да, друг мой, - подтвердил я. - Моя строчка перепрыгнула из "Хайнта" в "Момент" через дюжину улиц, через все дома, все крыши и приземлилась прямо в наборной, в эту заметку. Неужели здесь вмещались демоны? Если ты можешь объяснить это...

- Я, правда, поверить не могу, - признался Гавза. - Это какой-то трюк, чья-то проделка. Может быть, строчку кто-то приклеил. Давай посмотрим еще раз.

- Никакого клея, никакой проделки, - возразил я. - Строка выпала из моей статьи и появилась в "Моменте". У меня в кармане другой экземпляр "Момента".

- Г-споди, как это могло случиться? - недоумевал Гавза. - Он без конца сравнивал мою рукопись со строкой в газете. Потом я услышал:

- Если возможно такое, возможно все! Может быть, демоны действительно украли твою строку из "Хайнта" и отнесли ее в "Момент".

Мы долго смотрели друг на друга с болезненным ощущением взрослых людей, понявших, что их мир становится хаосом. Логика исчезла, так называемая реальность обанкротилась. И вдруг Гавза расхохотался.

- Нет, это не демоны, даже не ангелы. Я, кажется, понимаю, что произошло! - воскликнул он.

- Говори скорей, а то не выдержу! - просил я.

Вот его объяснение. Еврейский национальный фонд часто публикует и в "Хайнт", и в "Моменте" призывы к благотворительности. Иногда газеты обмениваются призывами, чтобы приспособить их к читателям своих газет. В этих случаях матриц не делают, вся металлическая страница перевозится из одной газеты в другую. По ошибке мою статью сунули в металлическую страницу призыва. Она попала в "Момент", кто-то заметил ошибку, вынул из страницы фразу, а ее быстро сунули в "Новости".

- Шансов на то, что нечто подобное может произойти, не так мало, как кажется, если принимать во внимание квалификацию наших наборщиков и корректоров, худших в мире! — сказал Гавза. - Так что не будем винить несчастных демонов. Нет таких неграмотных чертей, как наши печатники.

Мы здорово повеселились и в честь этой исторической разгадки пошли выпить кофе с кексом. Поболтали о старых временах, о бесконечных нелепостях, напечатанных в еврейской прессе, да благословит ее Б-г. Особенно странны списки замеченных опечаток, например:

«На странице 69 напечатано: "Она поехала навестить мать в Белостоке". Следует читать: "У него длинная седая борода"». Или: «На странице 87 напечатано: "У него здоровый аппетит". Следует читать: "Он отправился к своей прежней жене в Вильно"». «На странице 379 напечатано: "Они сели на люблинский поезд". Следует читать: "Курица была некошерной"».

Как наборщик может делать такие ошибки, для меня всегда было загадкой. Еще была статья о микробах, "таких маленьких, что видно их только в телескоп".

Доктор Готлиб остановился, попытался разжечь потухшую сигару, с силой посасывая ее. Потом сказал:

- Мой юный друг, я поведал вам все это, чтобы показать — нельзя поспешно заключать, что мать-природа отступилась от своих вечных законов. Духи и домовые не одержали победы, и законы природы еще действуют, нравятся они нам или нет. И когда мне нужно сообщить что-нибудь моей немолодой жене или не слишком молодой подруге, я по-прежнему пользуюсь телефоном, а не телепатией.

2 - 65 лет со дня рождения американского математика, члена Национальной АН США, профессора Станфордского университета, автора трудов по основаниям математики, теории множеств, математической логике, обладателя Золотой медали и премии Дж. Филдса Пола Джозефа Коэна (р. 1934, Лонг-Бранч, США).



85 лет со дня смерти немецкого писателя, главы мюнхенского кружка поборников “чистого искусства” и культа красоты, автора романов “Дети века”, “В раю”, новеллы “Аррабиата” и др., лауреата Нобелевской премии по литературе за 1910 год Пауля Хейзе (1830, Берлин — 1914, Мюнхен).

5 - 75 лет со дня смерти американского медальера, скульптора, автора изображений президента А. Линкольна на американской одноцентовой монете и президента Т. Рузвельта на лицевой стороне панамской медали, множества медальонов, значков и почетных знаков, ставших атрибутами и символикой США, Виктора Давида Бреннера (1871, Шавли Ковенской губ. — 1924, Нью-Йорк).



50 лет со дня рождения американского астронавта, второй женщины в космосе, погибшей при запуске шаттла “Челленджер”, Джудит Резник (1949, Акрон, США — 1986, Кейп-Канаверал, США).

130 лет со дня рождения композитора, президента Народной музыкальной федерации Франции, представителя неоклассицизма во французской музыке, автора оперы-балета “Падмавати”, балета “Вакх и Ариадна” и др. Альбера Русселя (1869 — 1937, Париж).



6 - 70 лет со дня рождения американского музыканта, дирижера, композитора, обладателя четырех премий “Оскар” за музыку в кино Андре Джорджа Превина (р. 1929, Берлин).

8 - 25 лет со дня смерти Героя Советского Союза, гвардии полковника Николая Израилевича Брозголя (1912, с. Затишное Екатеринославской губ. — 1974, Ленинград).



95 лет со дня рождения американского спортсмена, жокея, инструктора, подготовившего 3569 фаворитов в истории конного спорта, Гирша Джекобса (1904, Нью-Йорк —1970, Майами).

10 — 90 лет со дня рождения Героя Советского Союза подполковника Наума Григорьевича Пейсаховского (р. 1909, Ильино Велижского уезда Витебской губ.).



12 - 85 лет со дня рождения германо-американской спортсменки, призера британского чемпионата по прыжкам в высоту 1934 года, рекордсменки по прыжкам в высоту 1936 года (этот результат превысил рекорды Олимпийских игр того же года, на которые она не была допущена нацистскими властями), призера американского чемпионата по прыжкам в высоту 1938 года Маргарет (Гретл) Бергман (р. 1914, Лауфейн, Германия).



115 лет со дня рождения одного из основателей современной биохимии, исследователя в области химии и термодинамики мышечного сокращения и ферментативных превращений углеводов, открывшего связь анаэробного распада и аэробного синтеза углеводов в работающей и отдыхающей мышце (цикл Пастера—Мейергофа), механизм мышечного сокращения, основанный на использовании энергии, освобождающейся в ходе химических превращений углеводов, члена Национальной АН США, Лондонского Королевского общества, ряда других академий и научных обществ, лауреата Нобелевской премии по медицине за 1922 год совм. с А. Хиллом Отто Мейергофа (1884, Ганновер, Германия — 1951, Филадельфия).



13 - 90 лет со дня рождения американского математика, члена Национальной АН США, Американской академии наук и искусств (Бостон), профессора Колумбийского университета, руководителя департамента математики Колорадского университета, автора трудов по топологии, функциональному анализу, математической физике Станислава Марцина Улама (1909, Львов — 1984, Санта-Фе, США).



16 - 85 лет со дня рождения заслуженного летчика-испытателя СССР, ученого и писателя, испытателя первых советских реактивных истребителей, дальних бомбардировщиков (в том числе реактивных стратегических), вертолетов, Героя Советского Союза, исследователя в области динамики полета и методики летных испытаний, автора документальных произведений “Через невидимые барьеры”, “Испытаны в небе” и др. Марка Лазаревича Галлая (1914, Петербург — 1998, Москва).

17 - 95 лет со дня рождения Героя Советского Союза капитана, генерал-майора запаса Хаима Мееровича Краснокутского (1904, Смела Черкасского уезда Киевской губ. — 1982, Киев).



18 - 50 лет со дня смерти американского лингвиста, эксперта США по малайскому и полинезийскому языкам, исследователя языков коренных североамериканских племен, автора труда “Язык” Леонарда Блумфилда (1887, Чикаго — 1949, Нью-Хевен, США).



50 лет со дня рождения американского математика, автора трудов по комплексному анализу, обладателя Золотой медали и премии Дж. Филдса Чарльза Луиса Фейффермана (р. 1949, Вашингтон).



22 - 90 лет со дня рождения итальянского биолога, исследователя механизма регуляции роста клеток и органов, профессора Вашингтонского университета, директора лаборатории клеточной биологии в итальянском Национальном исследовательском совете, лауреата Нобелевской премии по медицине за 1986 год совм. с С. Коэном Риты Леви-Монтальчини (р. 1909, Турин, Италия).



95 лет со дня рождения американского физика, “отца” американской атомной бомбы, председателя генерального консультативного комитета Комиссии по атомной энергии США, директора и профессора Института фундаментальных исследований в Принстоне, основателя научной школы в Беркли, президента Американского физического общества, противника создания водородной бомбы, автора трудов по квантовой механике, физике атомного ядра и космических лучей, разделению изотопов, нейтронным звездам, общим проблемам физики, обладателя премии Энрико Ферми Роберта Оппенгеймера (1904, Нью-Йорк — 1967, Принстон).



115 лет со дня рождения австрийского психоаналитика, предложившего теорию, по которой основой неврозов является отделение ребенка от матери во время рождения, автора трудов “Родовая травма”, “Миф рождения героя”, “Художник” и др. Отто Ранка (наст. фамилия Розенфельд; 1884, Вена — 1939, Нью-Йорк).



10 лет со дня смерти итальянского физика, профессора физики университета в Беркли, Римского университета, открывшего (совм. с другими исследователями) замедление нейтронов, первый искусственный элемент технеций, астат и плутоний-239, а также антипротон, лауреата Нобелевской премии по физике за 1959 год совм. с О.Чемберленом Эмилио Сегре (1905, Тиволи, Италия — 1989, Лафает, США).



24 - 100 лет со дня рождения американского математика, члена Американской академии науки и искусств, автора трудов по алгебраической геометрии и коммутативной алгебре Оскара Зариски (1899, Кобрин, ныне Белоруссия — 1986, Бостон).

95 лет со дня рождения английского кинорежиссера, сценариста, киноведа, общественного деятеля, члена коммунистической партии Великобритании с 1931 года, лауреата Международной Ленинской премии за 1959 год, постановщика

короткометражного фильма “Васильки” (по новеллам Г. Уэллса), фильмов “Защита Мадрида” и “Крылья над Эверестом”, помощника продюсера в фильмах А. Хичкока “Человек, который знал слишком много”, “39 шагов”, “Секретный агент” и др., основателя совм. с С. Бернштейном Лондонского кинематографического общества и совм. с Р. Бондом кинообщества лондонских рабочих, пропагандирующего советское кино, переводчика и издателя трудов В. Пудовкина и С. Эйзенштейна под общим названием “Теория кино и актер в фильме”, автора трудов “Сергей Эйзенштейн в Голливуде”, “Мировое киноискусство” и др., барона Айвора Монтегю (1904, Свейтлинг, Великобритания — 1984, Лондон).



25 — 150 лет со дня рождения немецкого математика, члена-корреспондента Берлинской АН, иностранного члена-корреспондента Петербургской АН, профессора математики университета в Эрлангене, Мюнхенской высшей технической школе, лейпцигском университете, автора труда “Сравнительное обозрение новейших геометрических исследований” (эрлангенской программы), одного из создателей “Энциклопедии математических наук”, главного редактора журнала “Mathematische Annalen” Феликса Клейна (1849, Дюссельдорф — 1925, Геттинген).



26 - 110 лет со дня рождения австрийского философа и логика, представителя аналитической философии, предложившего программу построения искусственного “идеального” языка (прообраз которого — язык математической логики), доктрины логического атомизма (проекции структуры знания на структуру мира), автора трудов “Логико-философский трактат”, “Философские исследования” Людвиг Витгенштейна (1889, Вена — 1951, Кембридж, Великобритания).



85 лет со дня рождения американского писателя, члена американской Академии искусств и наук, главы отделения литературы колледжа Бенингтон в Вермонте, президента американского ПЕН-клуба, автора романов “Прирожденный мастер”, “Помощник”, “Мастеровой” (Пулитцеровская премия), “Арендатор” и др. Бернарда Маламуда (1914 — 1986, Нью-Йорк).



27 - 95 лет со дня рождения американского экономиста, советника президентов Эйзенхауэра, Никсона, Форда и Картера по экономике, президента Национального бюро экономических исследований США, председателя совета управляющих Системы федеральных резервов США Артура Бернса (1904, Станислау, Австрия — 1987, Вашингтон).



29 — 90 лет со дня рождения французского политика, лидера социалистической партии Франции, министра труда, президента Лиги прав человека, президента Конституционного совета Франции Даниэла Майера (1909 — 1997, Париж).



55 лет со дня смерти скрипача-педагога, народного артиста УССР, профессора Одесской консерватории, организатора первой в СССР образцовой музыкальной школы-десятилетки (ныне его имени), учителя Д. Ойстраха, Б. Гольдштейна, М. Фихтенгольца, Н. Мильштейна, С. Фурера и др. Петра (Пейсаха) Соломоновича Столярского (1871, Липовец Киевской губ. — 1944, Свердловск).

Кто же он, Леонид Наумович Рабинович?

Как быстротечно время! Как коротка человеческая память...

Будто и не было талантливого литератора Леонида Наумовича Рабиновича, писавшего под вымышленным именем Волынский. Псевдоним, как мне представляется, он взял не для того, чтобы скрыть свое еврейское происхождение, а потому что в русской литературе уже был писатель Рабинович, Осип Аронович (14.1.1818 — 16.10.1869), при том земляк Леонида Наумовича, пускай и старший, и ко времени вступления Рабиновича-младшего на литературную стезю основательно забытый...

Припоминается, как стремительно обретал Леонид Волынский популярность. Я работал тогда в живописном городе Корсуне-Шевченковском над Росью. В газетном киоске увидел привлекательную обложку нового журнала "Юность" — и без раздумий приобрел этот номер ради очерка Волынского о том, как спасали картины Дрезденской галереи. Не знаю, был ли это первый опыт пера Леонида Наумовича или он что-то публиковал ранее, известно мне точно лишь то, что замечательная его книга — те самые "Семь дней", о которых напомнил Филипп Либерзон из Казани (см. "Лехаим" №3 (83) за 1999 год), откликаясь на публикацию Израиля Ройтмана "Еврей, спасший шедевры Дрезденской галереи" (см. "Лехаим" №1 (81) за 1999 год), — вышла вскоре после появления очерка в "Юности" и стала произведением, любимым многими библиофилами. Мой экземпляр, приобретенный в том же Корсуне-Шевченковском, потом стал частью родительского книжного собрания в селе Поток на Киевщине, после смерти отца попал в библиотеку сестры, учительствующей в селе Белое на Львовщине, и недавно возвратился ко мне в Одессу.

Тут впору сказать, что Леонид Наумович Рабинович-Волынский родился 19 декабря 1912 года (по новому стилю 1 января 1913 года) в Одессе. Сведения о нем, как о писателе, имеются в "Краткой литературной энциклопедии" (т.1, с.1022), в книге Н.И. Мацуева "Русские советские писатели. Материалы для биографического словаря. 1917—1967" (М., 1981, с.53), в "Указателе заглавий произведений художественной литературы. 1801—1975" (М., 1986, т.2, с. 248).

У меня сохранился адресный справочник "Союз писателей СССР" по данным на 1 ноября 1965 года (М., 1966). В нем на странице 121 указано, что Волынский (Рабинович) Леонид Наумович жил тогда в городе Киеве, по улице Мало-Васильковской, дом 23, квартира 12. Видимо, сведения о нем содержат и биографические справочники Союза писателей Украины, вышедшие в 1960, 1966 и 1970 годах. Правда, ни в сводном библиографическом пособии "Писатели Советской Украины. 1917—1987" (Киев, 1988), ни в первом томе "Украинской литературной энциклопедии" (Киев, 1988) Леонида Наумовича Волынского нет. Известно, сколь небрежно составляются у нас справочники, особенно в отношении тех, кого уже нет на белом свете...

Леонид Наумович Волынский скончался тридцать лет тому назад, 28 августа 1969 года. Творческий его путь был сравнительно недолгий. Литературное его наследство значительно и непреходяще. Это и упоминавшаяся выше книга "Семь дней", выдержавшая три издания (1958, 1960, 1971), и четырежды выпущенное "Лицо времени" (1962, 1965, 1971, 1982), и трижды изданный "Дом на солнцепеке" (1961, 1970, 1985), и дважды вышедшее "Зеленое древо жизни" (1964, 1978), и целая серия сборников рассказов.

Не упустим из виду и то, что по первой своей профессии Леонид Наумович был художником. Отдельные его книги вышли с рисунками автора, которые свидетельствуют о крупном даровании иллюстратора.

Если вы еще не знакомы с наследием Леонида Наумовича Волынского (Рабиновича), возьмите в библиотеке его книги и прочитайте. Писатель заслуживает того, чтобы его помнили и в близком уже следующем столетии.

Áðèãðé Çéáí éî, í èñò àéü

çàñéóæáí í úé äáÿ ò àéü èñéóñò á Óéðæí ú,

èàóðáà ò í ðáí èè Óéðæí ú

èì áí è Í àáèà Óú: èí ú, Í äáñà

P.S. Óæá í áðáíá: à ò áá í èñü í, ÿ äñ-ò áéè í á óñí èí èñÿ è ííçáííèè á äñí áðæíü úé è à ò áéíá Í äáñí èí è äññá à ðñò ááííé í á ò: ííé áé áé èí ò áéè èì áí è Í. Áí ðæíá — ðò áðæóáñ è è ðñí áé óáñ á Óéðæíá è í è ðñò áí è è è ù, è í ò ðñí ó í ðñá ðñí ù áé íñáí ð èñí èí ù á òñÿ ðñí ðñí ù áñÿ ò è á ò. "Áí ðæíá èá" ðáñí è á ðñá ò áñí, ÷ ò í áí ò éí èç-ííá í áðá Èáíí è áá Í á ò ù í á è: à Áí è ù íñéíá. Í áðáí é è í è ðñé í èñò à éÿ á ú é ðñí ðñí è è "Ðáñí è áçú", áñí ò ù áí í ú é á 1956 á á ò, çà äáà áñá äñ ííÿ áé áí èÿ "Ñáí è áí áé".